ОКРАИНЫ РОССІИ.

2 шк
0

СЕРІЯ ПЕРВАЯ:

РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

ВЫПУСКЪ III.

Изданіе Ю. САМАРИНА.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK.)
27, UNTER DEN LINDEN.
1871.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Б. БЕРА

(Е. БОКА)

ВЪ БЕРЛИНѢ.

27. unter den Linden 27.

предлагаетъ свои услуги для изданія сочиненій на русскомъ, французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и ручается за правильность и изящность печати.

ОКРАИНЫ РОССІИ.

БИБЛІОТЕКА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

СЕРІЯ ПЕРВАЯ:

РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

ВЫПУСКЪ III.

Изданіе Ю. САМАРИНА.

BERLIN.

B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK.)

27, UNTER DEN LINDEN.

1871.

0

22b156

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЛАТЫШИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Къ читателямъ	I—XXXVII
Періодъ первый 1841 и 1842	1—196

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Трехлѣтній промежутокъ времени, протекшій отъ выхода первыхъ двухъ книжекъ „Окраинъ Россіи“ до запоздалаго появленія третьей, кажется долженъ былъ вразумить всѣхъ, по крайней мѣрѣ всѣхъ искренно желающихъ вразумиться и способныхъ смотрѣть правдѣ въ лице какъ бы она ни колола глазъ.

Есть конечно заблужденія имѣющія свой корень не въ незнаніи или непониманіи, а въ нѣкоторомъ разслабленіи воли, намѣренно предпочитающей успокоительное заблужденіе такой правдѣ, которая поставила бы признавшихъ ее въ тяжелую необходимость что нибудь придумать и на что нибудь рѣшиться. Подобнаго рода заблужденія, естественно, не уступаютъ ни доводамъ разума ни свидѣтельствамъ опыта. Говорятъ напримѣръ, что такъ называемый Остзейскій вопросъ не имѣетъ самъ по себѣ никакой реальности, а просто на просто выдуманъ и пущенъ въ ходъ нашею прессою. Какое дѣло до того, что первый, конечно еще неполный абрисъ этого вопроса мелькаетъ въ указахъ и въ перепискѣ Петра I, что Екатерина II не только высмотрѣла и признала, но и разрѣшила его, что послѣ Императора Павла, перерѣшившаго

его по своему, въ царствованіе Императора Александра I, Трощинскій, въ извѣстной своей запискѣ, опять поставилъ Остзейскій вопросъ на ближайшую очередь и выяснилъ его со всѣхъ сторонъ. Нужды нѣтъ, что Русской политической прессы не было еще на свѣтѣ ни при Петрѣ I, ни при Екатеринѣ II, ни при Александрѣ I — все-таки, пусть лучше за все отвѣчаетъ пресса; ибо если Остзейскій вопросъ существуетъ не въ дѣйствительности, а только въ газетахъ, то чтобъ его не было вовсе, достаточно зажать имъ ротъ; сдѣлать же это гораздо легче чѣмъ преобразовать Балтійскіе суды и городскія управленія, чѣмъ ввести Русскій языкъ, чѣмъ отнять у дворянства народныя школы и политическое воспитаніе массъ.

Но оставляя въ сторонѣ заблужденія вольныя, нельзя не признать, что недавно еще можно было, не кривя душею, приписывать стремленіе къ политическому обособленію такъ явно высказывающееся въ Прибалтійскомъ краѣ небольшой группѣ горячихъ головъ, выгораживая благоразумное большинство мѣстнаго общества. Теперь, въ виду всего совершившагося передъ нами въ послѣднее время и всего готовящагося въ близкой будущности, такое заблужденіе было бы непростительно.

Русская читающая публика, по крайней мѣрѣ та часть ея до которой доходили публикаціи Г. Г. Бокка, Эккгарда, Веррена и другихъ имъ подобныхъ, съ нетерпѣніемъ ожидала отъ представителей такъ называемой провинціальной политики Остзейскаго края чего нибудь въ родѣ отреченія. Нареканія, клеветы и площадныя выходки противъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ и противъ автора „Окраинъ“ могли бы идти своимъ чередомъ; но все это далеко не то что отреченіе. Отречься, въ этомъ случаѣ, значило бы прочесть во всеуслышаніе политическое исповѣданіе, хотя бы облеченное въ отрицательную форму. Иначе — сказать: мы не приравниваемъ себя къ Финляндіи,

управляемой на основаніи областной конституціи, и не придаемъ мѣстнымъ законамъ, подъ охраною которыхъ мы живемъ, значенія и силы политическихъ правъ ограничивающихъ дѣйствіе общей для всей имперіи законодательной власти; мы полагаемъ свое призваніе въ служеніи не Германіи а Россіи, понимая Россію въ историческомъ ея значеніи политическаго облика Русской народности; мы видимъ въ ней не чужую для насъ вотчину той же вѣнчанной личности, которая, въ числѣ другихъ своихъ титуловъ, именуется и нашимъ Герцогомъ, а наше отечество, притомъ единственное, ибо два отечества не умѣстились бы въ одной душѣ, и потому мы считаемъ себя связанными съ нею всецѣло и безусловно, а не въ силу договора, который оставлялъ бы за нами право, въ извѣстныхъ случаяхъ, отложиться и промышлять о себѣ по нашему усмотрѣнію.

Такого же отреченія ожидало, какъ кажется, и правительство. Если вѣрить довольно правдоподобнымъ слухамъ, оно даже выпрашивало его, но не допросилось.*) Вмѣсто этого, на всеобщія ожиданія и вопросительные взоры обратившіеся со всѣхъ концовъ Россіи къ Балтійской ея окраинѣ, мы получили два отвѣта: брошюру Г. Ширрена и послѣдній (1870 года) адресъ Лифляндскаго дворянства. Я сопоставляю въ этомъ случаѣ слово лица, выраженіе единичнаго убѣжденія, соборному заявленію цѣлаго сословія собственно потому, что значеніе перваго заключается главнѣйшимъ образомъ въ его громадномъ успѣхѣ, въ способахъ его пропуска и распространенія, въ единодушіи восторженнаго одобренія, которымъ оно было

*) Никто конечно не назоветъ отреченіемъ отъ сепаратистическихъ поползновеній заявленія, сдѣланнаго дворянскими предводителями, къ которому съ такою поспѣшною готовностью и такъ безоговорочно, приставъ Г. ф. Боккъ. Оно, очевидно, нисколько не соотвѣтствовало ожиданіямъ дано было нехотя, чтобъ только избавиться отъ докучливыхъ настояній и принято было благосклонно, чтобъ только замаскировать неудачу.

встрѣчено въ Остзейскомъ краѣ и за границею, наконецъ въ оригинальныхъ овацiяхъ сопровождавшихъ выѣздъ автора изъ Дерпта.*) Можно сказать безъ преувеличенiя, что ему удалось влѣзть въ душу своихъ земляковъ и оттуда подать за нихъ голосъ — ihnen aus der Seele zu sprechen, какъ говорятъ Нѣмцы. Содержанiе его брошюры, хоть въ общихъ чертахъ, вѣроятно памятно читателямъ и потому мнѣ остается только повторить то, что я сказалъ объ ней въ другомъ мѣстѣ**) и, смѣю думать, доказалъ, а именно: что Г. Ширренъ не только не отрекся за своихъ земляковъ отъ политическихъ притязанiй, которыя я имъ приписывалъ, а напротивъ расписался въ ихъ подлинности и подтвердилъ правдивость моего свидѣтельства. Мы совершенно совпали въ опредѣленiи факта — нынѣшняго, политическаго настроенiя Балтiйской интеллигенцiи, и разошлись только въ его оцѣнкѣ. Я видѣлъ въ требованiяхъ тамошняго провинцiализма рѣшительное уклоненiе отъ нормальныхъ отношенiй области къ цѣлому государству, тогда какъ Г. Ширренъ находилъ для тѣхъ же требованiй правомѣрное основанiе и опредѣлялъ ихъ какъ законный выводъ изъ всей исторiи края. О томъ кто изъ насъ правъ и кто ошибается, можно судить различно; но, въ этомъ случаѣ, самая непримиримость двухъ выраженныхъ нами воззрѣнiй придаетъ особенную силу нашему согласiю въ свидѣтельствѣ о существующемъ фактѣ.

Послѣдній адресъ Лифляндскаго дворянства есть не иное что какъ второе изданiе политической теорiи Г. Ширрена, особенно поучительное и новое, не столько по содер-

---

*) Все это было подробно разсказано и выставлено ребромъ въ Нѣмецкихъ газетахъ. См. н. п. Крестовую газету за 1869 No. No. 137, 145, 153, 158, 196, 232, 243 и др.

**) Смотри изданную въ Берлинѣ брошюру: Отвѣтъ Г. Г. ф. Бокку и Ширрену по поводу Окраинъ Россiи. Berlin, B. Behrs Buchhandlung. 1870.

жанію, сколько по обстоятельствамъ въ которыхъ оно появилось и по формѣ въ которую оно облечено. Всякому вѣроятно, по прочтеніи его, представился прежде всего вопросъ о томъ, что могло въ настоящую минуту послужить поводомъ къ такому торжественному акту? Жаловаться, кажется, было не на что. Всѣмъ извѣстно, что именно въ послѣднее время управленіе Балтійскимъ краемъ въ значительной степени упростилось и, такъ сказать, съузилось, преднамѣреннымъ устраненіемъ или отсрочкою на неопредѣленный періодъ всѣхъ крупныхъ задачъ недавно еще стоявшихъ на ближайшей очереди. Твердой иниціативы со стороны правительства не видно ни въ чемъ и теперешняя его программа дѣйствій (буде таковая имѣется) повидимому заключается въ систематическомъ воздержаніи отъ всякаго серьезнаго дѣйствія. Послѣ отповѣди полученной бывшимъ Генералъ-Губернаторомъ Альбединскимъ отъ Ревельскаго Магистрата, Русскій языкъ не только не вводится въ дѣлопроизводство, а напротивъ постепенно вытѣсняется даже изъ тѣхъ оффиціальныхъ сношеній, въ которыхъ онъ прежде безспорно допускался;*) городская реформа, кажется, похоронена окончательно, судебная реформа спитъ непробуднымъ сномъ въ Министерствѣ Юстиціи; вопроса о крестьянахъ никто и не думаетъ возбуждать — повидимому, онъ считается окончательно рѣшеннымъ. Словомъ, мы ничего не предпринимаемъ отъ себя и, въ тоже время, никакимъ мѣстнымъ затѣямъ не мѣшаемъ; ничего новаго не вводимъ и ничего стараго не отмѣняемъ. Чего же лучше? Сѣтовать на настоящее положеніе дѣлъ конечно не было повода, а расшевеливать прошлое и напоминать намъ, что мы когда то многое задумывали и ничего не

*) Такъ, недавно, Лифляндскій Ландгерихтъ отказалъ даже таможенному вѣдомству, которое прежде вело всю переписку свою по Русски, въ принятіи отъ него бумаги написанной на этомъ языкѣ.

умѣли исполнить, было бы слишкомъ неблагоразумно. Это имѣло бы видъ дразненія. Но можетъ быть Лифляндцы о чемъ нибудь просили? Нѣтъ; въ адресѣ не предъявляется никакихъ опредѣленныхъ ходатайствъ, да и тонъ его не походитъ на всеподданнѣйшее прошеніе. Это не жалоба, не просьба, не изъявленіе благодарности, не выраженіе преданности; это — предостереженіе, первое предостереженіе данное Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссійскому отъ Г'го Высокогерцогскаго Высочества Лифляндскаго рыцарства. Даже по тону своему, оно гораздо болѣе походитъ на дипломатическую ноту чѣмъ на всеподданнѣйшій адресъ.

Одна держава, замѣчая, что отношенія ея къ другой сосѣдней державѣ начинаютъ портиться, обращается къ ней съ напоминаніемъ о тѣхъ взаимныхъ обязательствахъ, которыхъ нарушеніе могло бы подать поводъ къ разрыву и объявляетъ ей (пока еще не войну) а тѣ начала, отъ которыхъ она, то есть держава подающая ноту, ни въ какомъ случаѣ не отступится. Въ Лифляндской декларации высчитаны три пункта, но они приведены только въ видѣ ближайшихъ указаній и примѣровъ; суть же ихъ сводится къ одному, очень понятному заявленію:*) Ваше Импера-

*) Опредѣлить въ точности буквальный смыслъ адреса довольно трудно, въ виду двухъ лежащихъ передъ нами текстовъ его, Русскаго и Нѣмецкаго. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обсуждался по проэкту, составленному по Нѣмецки и что окончательная редакція его утверждена была на томъ же языкѣ. Затѣмъ, изъ Риги, посланъ былъ въ Петербургъ отъ лица дворянства адресъ облеченный въ оффиціальную форму на Русскомъ языкѣ и, одновременно, посланъ былъ оттуда же, разумѣется неизвѣстно кѣмъ и отъ кого, тотъ же адресъ въ Нѣмецкомъ текстѣ, который и былъ немедленно обнародованъ во всѣхъ Нѣмецкихъ газетахъ задолго до того времени когда Правительственный Вѣстникъ разсудилъ за благо подѣлиться съ нашею публикою Русскимъ текстомъ. Наши газеты, какъ извѣстно, сперва сообщили адресъ въ переводѣ сдѣланномъ съ Нѣмецкаго, что̀ и вызвало обнародованіе его въ оффиціальномъ органѣ при замѣткѣ, въ которой упоминалось о нѣкоторыхъ неточностяхъ вкравшихся въ переводъ. Но по внимательномъ сравненіи, оказывается, что правильнѣе было бы назвать

торское Величество изволите ошибаться приписывая себѣ одинаковую власть въ Лифляндіи и въ Вашей Россіи. Тамъ — Вы Самодержецъ неограниченный, у насъ же — Вы связаны конституціею.

Вслѣдствіе этого кореннаго заблужденія, предѣлы поставленные верховной власти такъ часто переступаются, что Ваше правительство, въ Лифляндіи, теперь уже окончательно сдвинулось съ правомѣрной своей основы. Взаимное обязательство заключенное между Вашими и нашими предками, это обязательство служившее Вамъ порукою въ нашей вѣрности, нарушено со стороны Вашей. Мы Вамъ это объявляемъ къ свѣдѣнію и соображенію.

Уконтентовать Лифляндское рыцарство на сей разъ было довольно трудно. Для этого нужно бы было, во-первыхъ, признать въ принципѣ, что Лифляндія, въ общемъ составѣ Имперіи, образуетъ отдѣльное, политическое цѣлое и что поэтому, въ Россіи и въ Лифляндіи, могутъ существовать одновременно двѣ различныя формы правленія; во вторыхъ, нужно бы было, собственно въ Лифляндіи и для нея одной, перемѣнить теперешнюю форму правленія. При этихъ условіяхъ, Лифляндскіе рыцари вѣроятно согласились бы, по прежнему, поддерживать въ остальной Россіи неограниченное самодержавіе и, съ свойственнымъ имъ усер-

---

ихъ не неточностями перевода, а нѣкоторыми различіями между двумя текстами, посланнымъ за границу, для Германіи, и посланнымъ въ Петербургъ, для правительства. Нельзя конечно отрицать, что свойство юридической подлинности принадлежитъ исключительно послѣднему тексту и что только за него и могутъ отвѣчать податели адреса; но такъ какъ мыслъ ихъ вылилась всетаки по Нѣмецки а не по Русски, то спрашивается: не вѣрнѣе ли передается она текстомъ посланнымъ въ Германію? По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что ефектъ, разсчитанный на Gesammt-Vaterland произведенъ былъ Нѣмецкимъ текстомъ и что на основаніи его сложились всѣ сужденія заграничныхъ газетъ; у насъ же, разумѣется, можно судить о немъ только по Русскому, нѣсколько смягченному тексту. Выходитъ, что въ этомъ случаѣ, двоязычіе оказалось не безвыгоднымъ. Можетъ быть этотъ опытъ пріохотитъ къ изученію и употребленію Русскаго языка.

діемъ, обуздывать всякое либеральное поползновеніе Русскаго общества, хотя быдѣло дошло до штыковъ и картечи. Сомнительно однако, чтобъ въ Ригѣ разсчитывали на немедленный и полный успѣхъ этой подразумѣваемой сдѣлки. Тамъ знали напередъ, что дворянская нота произведетъ въ Петербургѣ непріятное впечатленіе и никто конечно не ожидалъ отъ нея *прямыхъ послѣдствій* выгодныхъ для политическаго обособленія края. Этихъ ближайшихъ послѣдствій скорѣе можно было опасаться, но за этимъ не остановились. Признано было нужнымъ выкинуть знамя Лифляндіи, облечься въ свою очередь въ трауръ по утраченной національной автономіи, словомъ — сдѣлать манифестацію ради самой манифестаціи. Дѣйствіе ея было разсчитано вдаль, притомъ не только на наше правительство, но и на всю Европу.*) Съ одной стороны, предостерегая правительство, Лифляндское рыцарство какъ бы очищало свою совѣсть и слагало съ себя всякую отвѣтственность за дальнѣйшія послѣдствія — тѣмъ самымъ, на случай отказа (въ которомъ никто не сомнѣвался) оно напередъ развязывало себѣ руки на изысканіе всякаго рода оборонительныхъ средствъ. Съ другой стороны, оглядываясь на западъ, оно доносило Всегерманству о тѣхъ обидахъ, которыя будто бы претерпѣвала его забытая колонія въ предѣлахъ Россіи и указывало ему на готовый предлогъ къ давно ожидаемому заступничеству. Очень вѣроятно, что въ этомъ

*) Собранія Остзейскихъ дворянскихъ сословій, какъ извѣстно, недоступны публикѣ и тайна совѣщаній въ нихъ соблюдается такъ строго, что (какъ увѣряютъ) даже мѣстный Генералъ-Губернаторъ ничего не зналъ о послѣднемъ адресѣ до полученія его въ Петербургѣ. Тѣмъ замѣчательнѣе скорое его оглашеніе въ Германіи. Не произошло ли это отъ нескромности кого либо изъ четырехъ стенографовъ, которыхъ, для занятій во время Ландтаговъ, дворянство выписываетъ изъ Прусской камеры депутатовъ? Объ этомъ извѣщала недавно, какъ о фактѣ заслуживающемъ вниманія, Кельнская газета (1870 18 Февраля N. 49). Фактъ дѣйствительно курьезенъ — что должно оставаться тайною для Россіи и для ея правительства можетъ и не быть тайною для Пруссіи.

отношеніи адресъ достигнетъ своей цѣли и мы не теряемъ надежды встрѣтиться съ нимъ еще разъ, когда наши добрые сосѣди, такъ щедро украшенные Русскими орденами, отдохнувъ отъ послѣднихъ своихъ побѣдъ, разсудятъ, что наступило время взять въ свои руки Остзейскій вопросъ. Этого давно ожидаютъ тамъ всѣ, начиная отъ послѣдняго рядоваго и кончая вновь пожалованными фельдмаршалами.

Какъ видятъ читатели, въ декларацiи Лифляндскаго дворянства заключалось не простое недоразумѣніе или неумѣренное домогательство, а прямое отрицаніе существующихъ отношеній области къ государству и очень хорошо понятаго закона объ источникѣ законодательной власти. Какъ признакъ политическаго настроенія цѣлаго сословія, держащаго въ своихъ рукахъ судъ, управленіе, и народныя школы, такое отрицаніе, повидимому, требовало бы отвѣта не одними словами, но и дѣломъ. Правительство однако предпочло ограничиться словопреніемъ. Вѣроятно не безъ нѣкотораго надъ собою усилія, ибо ему приходилось оправдывать не какую либо частную мѣру, не дѣйствія того или другаго изъ своихъ агентовъ, а свой принципъ, свое право быть тѣмъ что оно есть (что отчасти выходитъ уже изъ круга обыкновенныхъ отношеній верховной власти къ ея подданнымъ) правительство вступило въ диспутъ.

Оно отвѣчало, что ошибается не верховная власть, а Лифляндское рыцарство, ибо де всѣ законы, какъ мѣстные, изданные для Лифляндiи, такъ и общіе для всей Имперіи, исходятъ отъ единой власти Самодержавной; словомъ — оно повторило буквально то что было напечатано отъ Высочайшаго имени много лѣтъ тому назадъ, въ Манифестѣ обнародованномъ при выпускѣ первыхъ двухъ частей свода мѣстныхъ узаконеній. Но вѣдь это все было уже давно обдумано, взвѣшано и, послѣ долгаго размышленія, окончательно отвергнуто Лифляндскою интеллигенціею.

Вся сила адреса заключалась именно въ отрицаніи этого права ворховной власти, по своему усмотрѣнію, издавать для Лифляндіи законы и измѣнять ихъ, а правительство какъ будто не нашлось противопоставить этому отрицанію ничего иного какъ тотъ же законъ, котораго обязательность и правомѣрность такъ радикально оспоривалась его Лифляндскими оппонентами. Неубѣдительность такого возраженія съ одной стороны, а съ другой явная невозможность вести споръ на почвѣ законности съ такимъ противникомъ, который съ перваго слова ставилъ себя подъ защиту, не дѣйствующихъ законовъ, а международныхъ обязательствъ, лучше всего свидѣтельствуетъ о фальшивости того страннаго, чисто оборонительнаго положенія въ которое поставило себя правительство. Еще страннѣе, что отстаивая *исключительно* неограниченность личной власти Самодержца, оно даже не упомянуло о коренныхъ условіяхъ государственнаго единства, недопускающихъ и мысли, чтобы Лифляндское рыцарство могло, по отношенію къ себѣ, оспоривать обязательность того политическаго принципа (каковъ бы онъ ни былъ) которому подчиняется вся Россія. О Россіи въ отвѣтѣ умалчивается; ея какъ будто нѣтъ, и потому, еслибы когда нибудь самъ Самодержецъ захотѣлъ подѣлиться своими правами съ народнымъ представительствомъ, то Лифляндцы могли бы потребовать особой, областной конституціи, нисколько не рискуя подвергнуться упреку въ забвеніи даннаго имъ урока. Имъ вѣдь запрещено только посягать на самодержавную власть, а не на политическое единство Россіи.

Какъ бы то ни было, обмѣнъ дипломатическихъ нотъ между Петербургомъ и Ригою происходившій въ Мартѣ и Апрѣлѣ прошлаго года всетаки окончательно выяснилъ непримиримость кореннаго противорѣчія въ понятіяхъ высшаго правительства и Остзейской интеллигенціи. Оно теперь облуплено и такъ сказать завострено — bis auf

die Spitze getrieben. Само собою разумѣется, что такъ какъ Лифляндскіе рыцари привыкли говорить и дѣйствовать не подъ вліяніемъ минутныхъ увлеченій, а обдуманно и зрѣло, сообразивъ предварительно всѣ послѣдствія, то и нельзя было ожидать, чтобы простое указаніе на давно извѣстное имъ опредѣленіе самодержавной власти склонило ихъ къ попятному шагу. Съ другой стороны, какъ люди осторожные и хорошо изучившіе нашу политическую почву, они естественно не пожелали идти на явный разрывъ, а разочли, что гораздо выгоднѣе, разшатывая государственное единство, въ тоже время, пользоваться по прежнему репутаціею надежнѣйшихъ слугъ Государя. Эти соображенія побудили рыцарей къ дополнительному заявленію, которое у насъ опубликовано не было. Напрасно стали бы искать въ немъ отреченія отъ требованій выраженныхъ въ первой декларації и такъ рѣшительно отвергнутыхъ властью; напротивъ, рыцари повторили ихъ, хотя въ нѣсколько смягченной формѣ несомнѣнныхъ надеждъ, такъ что, въ этомъ отношеніи, послѣднее слово осталось всетаки за ними; но они прибавили къ этому нѣсколько стереотипныхъ фразъ о своей вѣрноподданнической преданности. Въ отвѣтъ, послѣдовала изъ Петербурга благодарность за вѣрноподданническія чувства, а о другой темѣ, заключавшей въ себѣ всю суть втораго заявленія, именно о повтореніи надеждъ несовмѣстныхъ съ политическимъ единствомъ Россіи, не было сказано ни полслова. Ее какъ будто вовсе и не замѣтили — въ Петербургѣ признали въ этомъ преднамѣренномъ игнорированіи верхъ политической мудрости. Раскланившись такимъ образомъ, оппоненты разошлись и остались каждый при своемъ. Императоръ Всероссійскій, по прежнему, считаетъ себя самодержцемъ *и въ Лифляндіи*, а Лифляндскіе рыцари считаютъ его нарушителемъ своей областной конституціи. Затѣмъ, ни въ организаціи, ни въ личномъ

составѣ мѣстнаго управленія не послѣдовало никакихъ перемѣнъ. Сословіе такъ торжественно заявившее, что договорныя отношенія его къ правительству, служившія основаніемъ его политической вѣрности, нарушены произволомъ власти, по прежнему заправляетъ черезъ выборныхъ изъ своей среды, судомъ, администраціею, полиціею и народными школами; всѣ эти ландраты, предводители, президенты, асессоры, субституты и орднунгсъ-рихтеры подписавшіе адресъ, въ которомъ отрицается самый принципъ правительства, и теперь служатъ ему въ томъ краѣ почти единственными органами; стало быть, оно повидимому надѣется черезъ ихъ посредство и при ихъ содѣйствіи привести въ исполненіе свои предначертанія такъ рѣшительно ими опротестованныя. Это, какъ видно, ни по чемъ, а опасно только то, что двѣ или три Русскія газеты издающіяся въ Москвѣ и въ Петербургѣ позволяютъ себѣ иногда помѣщать переводыя статьи о нашихъ окраинахъ.

По поводу Лифляндскаго адреса естественно приходятъ на память имена нѣкоторыхъ Русскихъ людей числящихся членами тамошняго рыцарства. Они что думаютъ о манифестаціи своихъ собратьевъ и какъ къ ней отнеслись? Вѣдь нельзя же отрицать, что принадлежность къ какому либо обществу всегда предполагаетъ извѣстную степень солидарности съ этимъ обществомъ, а слѣдовательно и нравственной отвѣтственности за его дѣйствія. Тѣми лицами, которые сдѣлались членами общества не по рожденію и не въ силу обязательнаго закона, а по собственному ихъ желанію, или влѣдствіе согласія ими изъявленнаго на просьбу общества пожелавшаго имѣть ихъ въ числѣ своихъ, эта круговая порука каждаго за всѣхъ должна бы, повидимому, ощущаться еще живѣе. Чтобы ни говорили, а поднесеніе и принятіе диплома есть также своего рода манифестація, равносильная изъявленію обоюд-

наго уваженія и сочувствія. Оттого и рождается естественно вопросъ: могутъ ли Русскіе, позволившіе внести свои имена въ Лифляндскую дворянскую матрикулу, сочувствовать послѣднему Лифляндскому адресу и принимать его за выраженіе своихъ политическихъ убѣжденій? Согласны ли они, вмѣстѣ съ прочими своими собратьями, идти путемъ, которымъ ихъ ведутъ, въ хвостѣ за своимъ ландмаршаломъ, въ лицѣ котораго они, какъ члены мѣстнаго рыцарства, не могутъ не признавать законнаго своего представителя? Въ такомъ дѣлѣ, нельзя отговариваться личнымъ отсутствіемъ или непринятіемъ непосредственнаго въ немъ участія; ибо принято считать молчаніе за согласіе и потому всегда предполагается, что безмолвствующіе не отстаютъ отъ другихъ. Итакъ, Лифляндскій ландмаршалъ имѣетъ полное право пріѣхать къ какому нибудь Русскому князю, члену Лифляндскаго рыцарства, и сказать ему: „*Мы*, то есть *Вы*, всѣ наши и я, дали правительству предостереженіе; *Мы*, то есть опять таки въ числѣ прочихъ и *Вы*, предъявили наше право на областную конституцію и т. д. Прискорбно сознаться, что въ числѣ тѣхъ, къ которымъ могутъ быть обращены подобныя рѣчи, есть лица высоко стоящія, есть даже одно лице, въ которомъ Россія привыкла видѣть ревниваго оберегателя своего достоинства и что никто изъ нихъ повидимому не ощутилъ потребности отречься гласно отъ всякой солидарности съ манифестаціею своихъ собратьевъ, порвавъ свои личныя связи съ Лифляндскимъ рыцарствомъ и потребовавъ, чтобъ имя его было вычеркнуто изъ тамошней матрикулы. Подобный поступокъ, хотя бы и одиночный, скорѣе всякихъ выговоровъ и взысканій, вразумилъ бы нашихъ Балтійскихъ согражданъ. Они усмотрѣли бы изъ него, что волею неволею, а пришлось бы имѣть дѣло не только съ правительственными вѣдомствами и государственными чиновниками, но и съ Русскими людьми, а пока

Русскіе люди, стоящіе на виду, молчатъ и сторонятся, ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что въ Ригѣ, Митавѣ и Ревелѣ мнѣніе Россіи цѣнится такъ низко.

Въ Петербургѣ, какъ видно, старались только замять дѣло объ адресѣ, чтобъ доставить себѣ благовидный предлогъ зачислить его конченнымъ и поскорѣе объ немъ позабыть; но въ самой Лифляндіи отнеслись къ нему иначе. Вѣсть о новыхъ затеяхъ дворянства быстро разнеслась по всему краю и не на шутку встревожила Русскихъ обывателей городовъ и массу крестьянъ. Тѣ и другія имѣютъ не мало причинъ не считать такъ называемой провинціальной конституціи (Landesverfassung), подъ гнетомъ которой они живутъ, за идеалъ совершенства и потому не мудрено, что они съ напряженнымъ ожиданіемъ смотрятъ впередъ, на ближайшую будущность. Условія теперешняго ихъ быта неодинаковы и потому надежды ихъ конечно не тождественны; но онѣ нетолько не находятся между собою въ противорѣчіи, а напротивъ окончательно совпадаютъ и сливаются въ томъ отношеніи, что какъ Русскіе, такъ и Латыши, не выходя даже изъ круга частныхъ своихъ интересовъ, отдаютъ рѣшительное предпочтеніе порядку вещей нынѣ, на основаніи общихъ законовъ существующему у насъ, Лифляндскимъ порядкамъ и безпорядкамъ, основаннымъ на провинціальныхъ особенностяхъ. Еслибъ можно было спросить у всѣхъ обывателей края чего бы они желали: объединенія съ Россіею, причемъ были бы примѣнены къ нимъ главныя основанія крестьянской реформы, судебнаго устройства, земскихъ учрежденій и новаго городоваго положенія, или еще большаго обособленія отъ остальной Имперіи, съ увѣковѣченіемъ мѣстныхъ порядковъ, то голоса дворянъ и биргеровъ исчезли бы въ единодушномъ откликѣ громадной массы мѣстнаго народонаселенія. Въ этомъ никто внутренно не сомнѣвается, а руководители Остзейской политики знаютъ

это лучше чѣмъ кто либо. Такого рода опросъ со стороны правительства, у насъ, конечно немыслимъ; но случилось такъ (и не могло не случиться) что безъ участія и вѣдома правительства, сами заинтересованныя сословія задали себѣ этотъ щекотливый вопросъ и почувствовали въ себѣ рѣшимость отозваться на него, не ожидая никакого къ тому поощренія со стороны. Они естественно были на это наведены дерзкимъ адресомъ дворянства, по своему предопредѣлявшаго будущее развитіе края въ духѣ и направленіи діаметрально противоположномъ надеждамъ большинства. Такимъ образомъ возникла (потому-что не могла не возникнуть) мысль о подачѣ контръ-адреса снизу Въ обществѣ Русскихъ Рижанъ, составленный въ этомъ смыслѣ проэктъ просьбы на Высочайшее имя покрылся въ нѣсколько дней сотнями подписей; немного спустя, но безъ всякаго соглашенія или сношенія съ Русскими, такого же рода просьбы стали заготовляться по деревнямъ и волостямъ. Кажется нельзя бы было придумать ничего болѣе согласнаго съ общегосударственными интересами. Вѣдь чтобы ни говорили, а отвѣчать на домогательство цѣлаго сословія говорящаго за весь край, сухимъ и рѣзкимъ отказомъ, не имѣя при этомъ никого на своей сторонѣ и ссылаясь исключительно на права и интересы власти, всетаки не можетъ быть пріятно. Отъ такого рода столкновеній, обнаруживающихъ передъ всѣми дѣйствительную или мнимую изолированность правительства и противоположность его цѣлей цѣлямъ его подданныхъ, всегда остается общее впечатлѣніе крайне для него невыгодное. Но къ немалому его счастью, вдругъ оказывалось, что въ этомъ случаѣ, оно имѣло противъ себя не весь край, а не болѣе какъ политическую партію и что, давая ей отпоръ во имя своихъ интересовъ, оно, само того не подозрѣвая, выражало мысль и надежды огромнаго большинства, готовившагося выразить ему во всеуслышаніе

свои надежды, въ сущности совершенно согласныя съ его цѣлями. При нѣкоторой долѣ политическаго смысла, можно ли было этому не радоваться, если не въ видахъ оправданія правительства, то, по крайней мѣрѣ, для окончательнаго вразумленія слишкомъ заносчиваго меньшинства? Но мѣстныя власти поняли дѣло иначе и взглянули на него тѣми же глазами, какими администрація Сѣверозападнаго края, передъ самымъ началомъ Польскаго мятежа, смотрѣла на такъ называемое *упорство* буйной черни, отвергавшей дружелюбныя увѣщанія благонамѣренныхъ организаторовъ вооруженнаго мятежа. Что дѣлать! въ мозгахъ извѣстной конструкціи, никакой опытъ никогда не пробьетъ извѣстныхъ рубрикъ. Чтобы тамъ ни говорилось и ни творилось, а всетаки въ ихъ представленіяхъ отражаются, на одной сторонѣ, благородные рыцари — *стало быть* консерваторы, а на другой сѣрые люди и мужичье — *стало быть* бунтовщики, и довольно! Движимый такого рода тонкими соображеніями, Лифляндскій Гражданскій Губернаторъ захватилъ въ Ригѣ Русскій адресъ, накрылъ намѣревавшихся подписать его и задалъ имъ приличную острастку: въ другой де разъ, когда дворяне будутъ отвергать силу законодательной власти, молчите и не спорьте — не Ваше дѣло! Съ егоже благословенія, дворянская земская полиція накинулась на деревни. Наученные горькимъ опытомъ прежнихъ годовъ, крестьяне, въ заготовленныхъ ими просьбахъ, даже и не заикались о дворянской деклараціи; они просто ходатайствовали отъ себя о введеніи въ Лифляндіи судебныхъ и земскихъ учрежденій дарованныхъ Имперіи; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, просили сверхъ того введенія Русскаго языка въ народныхъ школахъ. По этому поводу, разосланъ былъ по волостямъ слѣдующій циркуляръ. Онъ уже былъ напечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ,*) но я

*) 1870 No. 222.

привожу его опять цѣликомъ, такъ какъ онъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Циркуляръ старшинамъ ..... волости В—скаго прихода. Отъ В—скаго орднунгсгерихта, 11го сентября 1870 года:

„Были случаи что между общинами округа распространялись особенными агентами листки одинаковаго содержанія, излагавшіе проектъ имѣвшій цѣлью обратиться къ Его Императорскому Величеству съ просьбою о томъ чтобъ и въ Лифляндіи былъ введенъ новый судебный уставъ и чтобы представительство всѣхъ сословій въ ландтагахъ было даровано и Латышамъ. Далѣе извѣстно, что эти прошенія возбудили въ нѣкоторыхъ общинахъ живѣйшій интересъ, и что прошенія эти, снабженныя подписями, были препровождаемы для представленія высшему начальству.

„Г. Лифляндскій гражданскій губернаторъ, обративъ на это дѣло свое вниманіе, объявилъ сему орднунгсгерихту, что хотя общинамъ не воспрещено предъявлять свои желанія и жалобы (если таковыя не противозаконны) высшему начальству изустно или письменно черезъ своихъ уполномоченныхъ, однако, ни въ какомъ случаѣ, нельзя терпѣть, чтобы лица не принадлежащія къ крестьянскимъ общинамъ подстрекали крестьянъ массами подавать прошенія одинаковаго содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его превосходительство г. гражданскій губернаторъ поручилъ орднунгсгерихту быстро и энергически воспротивиться такимъ подстрекательствамъ, и строжайше предписать всѣмъ старшинамъ общинъ, чтобъ они, въ качествѣ земской полиціи, не дозволяли интриганамъ побуждать общины къ заявленію какихъ бы то ни было желаній незаконнымъ путемъ. При этомъ орднунгсгерихту поставлено въ особенную обязанность привлекать къ отвѣтственности и наказанію тѣхъ общинныхъ старшинъ, которые, вмѣсто

того чтобы, по долгу своему, доносить о вышеупомянутыхъ возмутителяхъ и преслѣдовать ихъ, поддерживаютъ ихъ составленіемъ общественныхъ приговоровъ.

„Извѣщая о семъ старшинъ общины (такой-то), орднунгсгерихтъ ставитъ имъ на видъ, во избѣжаніе поступленія съ ними по законамъ, чтобъ они не терпѣли никакихъ собраній имѣющихъ цѣлью массами подавать прошенія, если оныя не дозволены свыше; если же снова появятся подобные агенты, то старшины должны безотлагательно представлять ихъ въ орднунгсгерихтъ.

Орднунгсрихтеръ N.

Чтобъ оцѣнить вполнѣ это въ своемъ родѣ типическое произведеніе мѣстной администраціи и отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ впечатлѣніи, которое оно должно было произвести на народъ, надобно вспомнить, что тотъ самый господинъ, который, въ качествѣ полицейскаго чиновника (слѣдовательно правительственнаго агента), подписывалъ приведенный циркуляръ, разсылалъ его и приступалъ къ ловлѣ такъ называемыхъ подстрекателей и зачинщиковъ крестьянскихъ ходатайствъ, наканунѣ, самъ, въ качествѣ мѣстнаго матрикулированнаго дворянина, участвовалъ въ подписаніи декларацiи Лифляндскаго ландтага.

Но въ Ригѣ и въ Петербургѣ давно ко всему приглядѣлись и безобразіе подобнаго рода явленій никого не поражаетъ. Иное дѣло — сужденія нѣкоторыхъ нашихъ газетъ объ Остзейскомъ краѣ; тутъ такъ есть надъ чѣмъ серьезно призадуматься.

Нарушеніе Остзейской политической конституціи — это одинъ изъ пунктовъ, по которымъ мы рано или поздно будемъ привлечены къ отвѣту; затѣмъ есть другой, тѣсно связанный съ первымъ, въ формальномъ отношеніи даже подразумѣваемый въ немъ, но имѣющій въ тоже время самостоятельное значеніе и особенную важность, какъ

вопросъ государственной нравственности — это посягательство на свободу Лютеранской совѣсти. Во имя интересовъ Остзейскаго Германизма конечно станетъ подъ ружье значительная военная сила; но подъ знамя вѣротерпимости поднятое нротивъ насъ соберется вся Европа, а можетъ бытъ и Америка, безъ различія народностей и исповѣданій. Зная хорошо, что ничѣмъ нельзя нанести намъ такого вреда въ мнѣніи всего просвѣщеннаго міра какъ распространеніемъ молвы о тѣхъ будто бы нечистыхъ средствахъ, которыми мы будто бы недавно вербовали въ свою Церковь Лифляндское простонародіе и о тѣхъ насильственныхъ мѣрахъ, которыми оно, противъ воли и совѣсти, будто бы удерживается въ ея цѣпяхъ, бывшій нашъ согражданинъ Ф. Боккъ, теперешній нашъ согражданинъ Русскій подданный Юлій Эккгардъ*) и многочисленные ихъ пособники дружно принялись за разработку этой неисчерпаемой темы. Число откуда то внезапно народившихся Лифляндскихъ ревнителей свободы совѣсти, скликающихъ Европу на ополченіе противъ Россіи, быстро умножается, а ежегодно выходящія по этой части новыя книги и брошюры свидѣтельствуютъ по крайней мѣрѣ о чрезвычайномъ обиліи оффиціальныхъ матерьяловъ пересылаемыхъ заграничнымъ издателямъ Балтійскими ихъ пособниками**).

---

*) Самъ Г. Эккгардъ недавно взялъ на себя трудъ, въ опроверженіе разнесшагося слуха, утѣшить Русскую публику печатнымъ объявленіемъ въ газетахъ, что онъ не вышелъ изъ Русскаго подданства. Но больше бы такихъ Русскихъ подданныхъ и тогда Пруссія нашла бы средство справиться съ нами не объявляя намъ даже войны.

**) Въ этомъ отношеніи, обращаетъ на себя особенное вниманіе брошюра Д. Гарлеса. Geschichtsbilder aus der Lutherischen Kirche Livlands vom Jahre 1845 ets. Leipzig 1869. Я бы почелъ себя счастливымъ, если бы могъ добыть хоть половину тѣхъ данныхъ, которыми пользовался авторъ. Но архивы Лютеранскихъ консисторій, соборовъ и пасторатовъ открыты для нашихъ противниковъ, а еслибы кто либо изъ Русскихъ, пишущихъ въ защиту нашихъ государственныхъ и церковныхъ интересовъ вздумалъ

Этого мало — прошлою весною, въ Женевѣ, открытъ былъ публичный курсъ имѣвшій предметомъ тѣ преслѣдованія, которымъ будто бы подвергается Протестантство въ Лифляндіи со стороны правительства — sur les persécutions protestantes en Livonie. Чьими заботами устроены были эти чтенія не мудрено догадаться. Тамошній пасторъ Ени (Ehni), занявшій новооткрытую каѳедру, нашелъ нужнымъ перечислить въ Женевскомъ журналѣ (30 Мая 1870) источники, которыми онъ пользовался, и указалъ на изданія Ф. Бокка, Экгарда и Гарлеса — этого достаточно, чтобъ дать понятіе о характерѣ чтеній и о степени достовѣрности сказаній, которыми угащивалась Женевская публика. Но, въ подобныхъ случаяхъ, строгая разборчивость была бы неумѣстна, лишь бы производился сильный ефектъ, а чѣмъ грубѣе черты и ярче краски, тѣмъ успѣшнѣе достигается эта цѣль. Такая же пропаганда шла по всей Евронѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ предшествовавшихъ Польскому мятежу. Тогда, какъ и теперь, правильно организованная клевета систематически, на всѣхъ языкахъ, раздражала противъ насъ общественное мнѣніе, а мы молчали; мы молчимъ и теперъ.*) Тогда,

---

испрашивать разрѣшенія заглянуть въ дѣла Рижской Православной Консисторіи, Синода и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, то его бы учтивымъ образомъ выпроводили и нашли бы еге домогательство дерзкимъ. Со временемъ, и вѣроятно довольно скоро, мы будемъ сожалѣть о теперешней добровольной безотвѣтности нашей на обвиненія, которыми насъ осыпаютъ, но ужь будетъ поздно.

*) Само собою разумѣется, что не дѣло правительства вступать въ полемику съ издателями какихъ нибудь пасквилей и обличать безстыдное лганье, которымъ они морочатъ своихъ читателей. Къ тому же, апологіи писанныя по заказу, на заданную тему, никогда никого не убѣждали. Разсчитывать на вниманіе, а затѣмъ и на довѣріе предубѣжденной публики, можетъ только писатель вполнѣ независимый, несвязанный никакою инструкціею, относящійся къ своему предмету совершенно свободно и на столько правдивый, чтобъ не уклоняться отъ признаній, лично для него тяжелыхъ и скорбныхъ. Нашлись бы такіе люди, которые взялисьбы на свой рискъ отражать клевету, лишь бы только правительство не заподозривало ихъ

общественная агитація, которою мы пренебрегли, подготовила дипломатическое вмѣшательство, даже отчасти вынудила его; болѣе чѣмъ вѣроятно, что мы дождемся тогоже и по поводу новыхъ, взводимыхъ на насъ нареканій. Даже ужь сдѣланъ починъ вмѣшательства, правда не со стороны какой либо вооруженной державы, но отъ лица организованнаго представительства интересовъ Лютеранской Церкви. Мы недавно прочли объ этомъ, въ газетѣ издаваемой Г. Ю. Эккгардомъ (Hamburgischer Correspondent, 1 Juli 1870) любопытное извѣстіе и считаемъ не лишнимъ, въ назиданіе нашей публики, привести здѣсь всю статью въ буквальномъ переводѣ.

„Изъ Штутгарда.

„Во время пребыванія Россійскаго Императора въ нашемъ городѣ, онъ далъ интересную аудіенцію, о которой я передаю вамъ слѣдующія свѣдѣнія. Съ половины Апрѣля текущаго года, свобода вѣроисповѣданія Балтійскихъ провинцій Имперіи и всѣхъ вообще обитателей ея, испытывающихъ стѣсненія или которымъ угрожаютъ стѣсненія въ этой свободѣ, обрѣла новое заступничество, заслуживающее особеннаго вниманія, какъ по содержанію и формѣ своей, такъ и по той средѣ, изъ которой оно вышло, и наконецъ по тому дѣйствію, которое оно немедленно же произвело. Въ Швейцаріи, 200 проживающихъ въ Женевѣ Лозаннѣ, Вевѣ, Нейенбургѣ, Бернѣ, Цюрихѣ, С. Галленѣ и Аппенцелѣ, Французовъ, Англичанъ, Испанцевъ и Нѣмцевъ, принадлежащихъ къ реформатскому, англиканскому и лютеранскому вѣроисповѣданіямъ, и именующихъ себя *„друзьями Лифляндскихъ Латышей и Эстовъ заполоненныхъ Греко-Россійскою государственною Церковью“* обратились въ Мартѣ 1870 года къ членамъ Евангелическаго

намѣреній и не мѣшало имъ, а оказывало бы имъ ту единственную помощь, которую бы они приняли и въ которой они нуждаются — доставленіемъ необходимыхъ для такого дѣла справокъ и свѣдѣній.

Союза съ коллективнымъ воззваніемъ, въ которомъ они выразили надежду, что упомянутый союзъ не преминетъ включить вѣроисповѣдной гнетъ, къ явному соблазну всего образованнаго міра лежащій на Лифляндіи, въ программу своихъ совѣщаній и принять къ обсужденію и руководству въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ тѣ предположенія по этому предмету, которыя могутъ быть ближайшимъ образомъ формулированы. Упомянутое воззваніе, подписанное въ числѣ двухъ сотъ лицъ многими изъ передовыхъ людей Швейцарскаго протестантства, было пущено въ ходъ на языкахъ Нѣмецкомъ, Англійскомъ и Французскомъ, и во многихъ тысячахъ экземпляровъ обошло, въ продолженіи приблизительно двухъ мѣсяцевъ, Швейцарію, Германію, Францію, Англію и Сѣверную Америку. Въ этотъ промежутокъ времени, число подписавшихся подъ нимъ конечно значительно увеличилось. Знаменитый историкъ реформаціи, Женевскій Профессоръ Мерлъ Добинье, отъ 15 Апрѣля тогоже года, въ особой, дополнительной къ воззванію публикаціи, писанной въ томъ же духѣ, печатно выразилъ свое живое сочувствіе этому почину въ дѣлѣ освобожденія. Въ томъ же Апрѣлѣ вышло еще новое, болѣе краткое, печатное объявленіе отъ имени другихъ двухъ сотъ Протестантовъ, состоявшихъ почти на половину изъ гражданъ французскаго города Ліона, за тѣмъ, преимущественно, изъ членовъ Женевской Лютеранской общины, наконецъ изъ обывателей городовъ Нёшателя и Монтрё не обозначившихъ своего вѣроисповѣданія. Лица, подписавшія это послѣднее объявленіе, выразили въ немъ свое намѣреніе присоединиться къ первоначальному воззванію и живое свое состраданіе Лифляндской Лютеранской Церкви, претерпѣвающей столь тяжелыя бѣдствія. Но, не ограничиваясь этимъ, они, въ томъ же объявленіи, обратились прямо къ Общему собранію Евангелическаго союза (какъ извѣстно созванному въ Нюіоркъ къ 23 Сен-

тября текущаго года) съ настоятельною просьбою употребить все вліяніе свое, чтобы добыть свободы вѣры и совѣсти для многострадальной и родственной Церкви (Лифляндской), къ которой въ сущности, по внутреннему своему убѣжденію, всетаки принадлежитъ и огромное большинство Лифляндскихъ Эстовъ и Латышей (приблизительно $^1/_7$ народонаселенія всей провинціи) наружно только причисленныхъ къ Греко-Россійской государственной Церкви посредствомъ *извѣстнаго всѣмъ оффиціальнаго обмана.**)

„Такое, въ лучшемъ смыслѣ по истинѣ протестантское движеніе естественно не могло укрыться отъ Русскихъ, тѣмъ болѣе, что одновременно Оберъ-Пасторъ Ени, состоящій при Женевской Лютеранской общинѣ, собиралъ около себя многочисленную, образованную обоего пола публику, на чтеніяхъ своихъ, въ которыхъ онъ выяснялъ и раскрывалъ вѣроисповѣдныя бѣдствія Лифляндіи. По поводу этихъ чтеній, возбудившихъ въ протестантской Женевѣ живѣйшее участіе, даровитый преподаватель получилъ отъ проживавшихъ въ томъ городѣ Русскихъ множество грубыхъ, но безимянныхъ писемъ. Другое письмо, отъ Русскаго же, хотя и не грубое, но также безимянное и писанное въ надеждѣ, разными хитростями, озадачить будто бы недостаточно вооруженнаго оратора, самъ пасторъ Ени обнародовалъ вмѣстѣ съ своими чтеніями въ Женевскомъ журналѣ, приложивъ отъ себя такое сокрушительное возраженіе на письмо, какого безименный авторъ его конечно не ожидалъ.

---

*) *Оффиціальный обманъ* — подлинныя выраженія употребленныя Графомъ Бобринскимъ въ рапортѣ на Высочайшее имя поданномъ имъ по бѣгломъ обозрѣніи нѣсколькихъ уѣздовъ Лифляндіи. Этотъ пресловутый рапортъ недавно, въ третій разъ, изданъ въ Берлинѣ особою брошюрою, на двухъ языкахъ, Русскомъ и Французскомъ. Не знаю: радуется ли написавшій вышеприведенныя непростительно легкомысленныя слова огромному ихъ успѣху во всѣхъ разноплеменныхъ кругахъ коализированныхъ противъ Россіи, или, вразумившись самымъ этимъ успѣхомъ, понялъ наконецъ кому и чему онъ безсознательно послужилъ трубою?

„Не мудрено, что при такихъ объстоятельствахъ, *со стороны Русскихъ* сдѣлана была попытка, на первыхъ же порахъ, неутрализировать наступательное движеніе неожиданно выказавшихся друзей Латышей и Эстовъ. Въ этихъ видахъ, ничто не могло быть удобнѣе какъ воспользоваться теперешнимъ пребываніемъ Русскаго Императора въ Германіи, побудить нѣкоторыхъ изъ передовыхъ дѣятелей Евангелическаго союза къ поѣздкѣ въ одно изъ тѣхъ полудеревенскихъ мѣстечекъ, въ которыхъ Александръ II, съ нѣкотораго времени отдыхаетъ отъ правительственныхъ заботъ и отъ бремени оффиціальнаго представительства. Нужно было притомъ уговорить ихъ ѣхать туда немедленно, не выжидая ни съѣзда Евангелическаго союза, ни формальной командировки отъ лица собранія по торжественному отъ него уполномочію. Нѣкій *Русскій* обратился къ Парижскому отдѣленію Евангелическаго союза, убѣждая его настоятельно никакъ не упускать благопріятнаго случая*), а воспользоваться непремѣнно пребываніемъ Императора въ Германіи и сдѣлать отъ себя, теперь же, тотъ шагъ, который былъ задуманъ и предположенъ въ Швейцаріи. По особенно выгодному положенію въ которомъ находился этотъ Русскій, онъ имѣлъ полную возможность проложить и очистить путь къ этой цѣли для депутаціи отъ упомянутаго отдѣленія и снабдить ее нужными рекомендаціями для безпрепятственнаго допущенія ея на аудіенцію у Государя.

„Всѣмъ образованнымъ протестантамъ хорошо знакомы имена пасторовъ Монода и де Пресенсе. Они принадлежатъ къ числу тѣхъ иностранныхъ вожаковъ Протестантства, которые, и въ Германіи и въ отдаленнѣйшихъ краяхъ, пользуются наилучшею извѣстностью. Къ этимъ двумъ лицамъ пристали еще въ Парижѣ тамошній Про-

*) Любопытно бы знать кто этотъ Русскій? Почему онъ не названъ? — А вѣдь нельзя поручиться, что между нашими не нашлось и такого!

фессоръ Сентъ-Гилеръ и Г. Буасье въ Женевѣ. Всѣ они, съ благородною готовностью, чуждою всякихъ личныхъ побужденій, поспѣшили воспользоваться случаемъ, дружескою рукою подготовленнымъ, придти кратчайшимъ путемъ къ цѣли, которой желали достигнуть они сами и ихъ довѣрители. Они испросили аудіенціи, получили на то согласіе, отправились въ Штутгардъ и вчера, 23 Іюня 1870, удостоились самаго благосклоннаго пріема у Государя, въ королевской виллѣ Бергъ, близь Штутгарда. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія для вѣрнаго уразумѣнія дѣла, такъ какъ Императоръ, во время своего пребыванія на дачѣ, не хотѣлъ принимать даже дипломатическаго корпуса.

„Мы можемъ сообщить читателямъ о самомъ свиданіи слѣдующія свѣдѣнія, полученныя нами изъ самаго надежнаго источника. Г. Пасторъ Монодъ держалъ рѣчь; онъ обратился къ Императору съ трогательнымъ воззваніемъ, передалъ ему, что Нюіоркское генеральное собраніе союза возметъ крѣпко въ свои руки (kräftig in die Hand nehmen werde) дѣло Лифляндскихъ Латышей и Эстовъ притѣсняемыхъ за ихъ вѣру, и, въ заключеніе, подалъ Его Величеству адресъ, который Государь удостоилъ принять отъ него собственноручно. Затѣмъ, Государь выразилъ депутаціи свою *добрую волю* (guten Willen) сказавъ, „что тѣмъ Лифляндскимъ Латышамъ и Эстамъ, которые желаютъ перейти изъ Грекороссійской Государственной Церкви обратно въ Протестантство, не ставятъ въ томъ никакихъ препятствій *„но“*, что законъ воспрещаетъ обратный переходъ (den Rücktritt) *„и что онъ, Государь, не можетъ измѣнить закона!“* что впрочемъ онъ оплакиваетъ (déplore) тѣ пріемы и способы, какими въ былыя времена произведены были обращенія!

„На этомъ, Императоръ дружески подалъ руку четыремъ членамъ депутаціи и тотчасъ же ихъ отпустилъ. На сей

разъ, я долженъ этимъ окончить мои сообщенія“ — это послѣднія слова корреспондента.

Въ этомъ повѣствованіи есть конечно доля правды. Дѣйствительно, многіе изъ представителей западнаго Протестантства, прислушиваясь къ Лифляндскимъ сказаніямъ о мнимыхъ подговорахъ, которыми Латыши и Эсты, въ сороковыхъ годахъ, будтобы соблазнялись къ переходу въ Православіе и не имѣя, благодаря систематическому молчанію съ нашей стороны, никакого понятія о тѣхъ пріемахъ, которыми вызвано было, въ той же народной средѣ, обратное движеніе, повѣрили на слово своимъ Остзейскимъ единовѣрцамъ, приняли ихъ за искреннихъ ревнителей свободы совѣсти и, безсознательно, подслужились своими честными именами искусственно возбужденной агитаціи, исходившей изъ мотивовъ далеко не религіознаго свойства. Депутація Евангелическаго союза испросила аудіенціи, принята была благосклонно и, изъ устъ самаго Государя, получила увѣреніе въ желаніи его, насколько это возможно, положить конецъ порядку вещей, котораго ненормальность онъ самъ сознавалъ. Таково свидѣтельство извѣстнаго ученаго де Пресенсе*), заслуживающаго полной вѣры, и, какъ видятъ читатели, далеко не тождественное съ сказаніемъ безименнаго сотрудника Г. Ю. Эккгарда. Впрочемъ, даже и безъ этого свидѣтельства, для всякаго Русскаго было бы очевидно, что слова приписанныя Государю Императору Штутгардскимъ корреспондентомъ, если не выдуманы, то по крайней мѣрѣ намѣренно искажены съ предвзятою цѣлью. Такихъ словъ Государь не произносилъ, ибо онъ ихъ произнести не могъ. Царствующій Императоръ не сталъ бы, безъ всякой надобности, каяться передъ иностранцами въ мнимыхъ грѣхахъ прошлаго царствованія — сынъ не выдалъ бы отца. Государь не сказалъ бы, что возвратъ изъ

*) Revue Chrétienne 5 Juillet 1870, page 445.

Православія въ Протестантство не встрѣчаетъ въ Лифляндіи препятствій, ибо препятствія существуютъ; общій законъ примѣняется къ отступникамъ, правда снисходительно но все же они ощущаютъ на себѣ его дѣйствіе. Рѣшившись на объясненія съ ходатаями за свободу совѣсти, вѣнценосецъ, сосредоточивающій въ лицѣ своемъ всю полноту государственной власти, не сталъ бы уклоняться отъ отвѣтственности всецѣло лежащей лично на немъ. Тотъ, кто еще недавно напоминалъ Лифляндскому рыцарству, что всѣ законы, общіе и мѣстные, *исходятъ отъ единой власти самодержавной*, не сталъ бы указывать на законъ, какъ на неодолимую преграду, будто бы встрѣчаемую благими его намѣреніями; ибо, вопервыхъ, такого закона *гражданскаго*, котораго бы Самодержецъ отмѣнить не могъ, въ Россіи не существуетъ; вовторыхъ, такого закона *церковнаго*, который бы требовалъ стѣсненія свободы совѣсти мѣрами *гражданскихъ* и *уголовныхъ* взысканій, въ Православномъ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть; въ третьихъ наконецъ, не много лѣтъ тому назадъ, законъ дѣйствительно и несомнѣнно *церковный*, обѣ условіяхъ смѣшанныхъ браковъ, былъ же отмѣненъ однимъ почеркомъ пера, по волѣ Самодержца, не только безъ согласія, но и безъ вѣдома законнаго представительства Церкви. Я указываю на фактъ, не оправдывая его.

Явная апокрифность отвѣта приписаннаго Государю Императору нисколько впрочемъ не умаляетъ интереса вышеприведеннаго сказанія; напротивъ, въ настоящемъ случаѣ, поучителенъ именно вымыселъ, ибо характеръ его указываетъ прямо на источникъ изъ котораго онъ идетъ и на цѣль съ которою онъ распущенъ. Это не продуктъ заграничной фантазіи, а домашнее издѣліе Остзейской политики. Его можно встрѣтить въ любомъ выпускѣ Лифляндскихъ вкладовъ Ф. Бокка, и еще прежде, въ прошлое царствованіе, множество анекдотовъ, изъ которыхъ окончательно скомпоновался этотъ вымыселъ,

и которые будто бы добывались по секрету изъ круга интимнѣйшихъ приближенныхъ Царской семьи, усердно расносились при дворѣ, въ Петербургскомъ обществѣ, и мало по малу, съ этихъ высотъ, проникали все ниже и ниже. Цѣль съ которою это дѣлалось очень понятна. Если Государь дѣйствительно томится желаніемъ раскрѣпить совѣсти своихъ подданныхъ и не смѣетъ этого сдѣлать только потому, что самъ онъ заполоненъ какимито темными силами, религіознымъ фанатизмомъ Церкви и національнымъ фанатизмомъ такъ называемой старорусской партіи, то нѣкоторое давленіе извнѣ, слегка подбитое угрозою иностраннаго вмѣшательства, вѣроятно встрѣтило бы въ немъ не противника, а союзника. Нужно бы только самаго Царя емансипатора емансипировать отъ Православной Россіи и дать ему возможность, заслонившись отъ ропота своихъ вѣрноподданныхъ варваровъ щитомъ просвѣщенной Европы, послѣдовать добрымъ внушеніямъ своего теплаго сердца. Нельзя отрицать, что это представленіе, довольно распространенное у насъ и господствующее за границею, удовлетворяетъ какъ нельзя лучше двумъ кореннымъ побужденіямъ Остзейской политики: потребности льстить и потребности клеветать. Въ центрѣ картины, личность Государя, вся озаренная лучами гуманной вѣротерпимости, возносится съ побѣднымъ знаменемъ изъ мрака преисподней, а позади его и подъ нимъ, густая, непроницаемая тѣнь ложится на Православную Церковь и на Русскій народъ.

Пора однако разсѣять эту фантасмагорію и выяснить разъ навсегда: кто чего хочетъ, кто чего въ правѣ требовать и кто за что отвѣчаетъ.

Рѣчь идетъ о раскрѣпленіи совѣстей, иначе: о дарованіи имъ свободы: въ области религіозныхъ вѣрованій. Для этого отнюдь не требуется, чтобы правительство, какъ лице моральное, сложило съ себя свое вѣроисповѣдное

опредѣленіе, иными словами: чтобъ оно перестало быть и именовать себя Православнымъ; не требуется даже, чтобъ оно, въ формѣ положительнаго закона, разрѣшило своимъ подданнымъ отступничество отъ Православія; не его дѣло разрѣшать, не его дѣло воспрещать. Нужно только, изъ ряда преступленій, нынѣ, въ силу закона, преслѣдуемыхъ уголовнымъ порядкомъ, выключить всѣ тѣ, которыя носятъ на себѣ исключительно характеръ религіозныхъ заблужденій, или грѣховъ противъ Церкви, и упразднить опредѣленныя за нихъ наказанія. Всѣ онѣ перечислены въ двухъ первыхъ главахъ Раздѣла втораго Уложенія о наказаніяхъ, въ ст. 176—209. Стало быть, вся задача состоитъ въ слѣдующемъ: изъ 33 статей Уложенія о наказаніяхъ, вычеркнуть большую часть и передѣлать тѣ, въ которыхъ опредѣлены дѣйствія содержащія въ себѣ не одно преступленіе противъ вѣры, но и нарушеніе благочинія или общественной нравственности. Само собою разумѣется, что одновременно съ исключеніемъ изъ Уложенія цѣлой категоріи преступленій, отпадутъ и полицейскія мѣры придуманныя въ видахъ предупрежденія и пресѣченія тѣхъ же преступленій. Повторяю: рѣчь не о томъ: что̀ по себѣ грѣховно и что̀ безгрѣшно, а о томъ: за что̀ карать, и за что не карать, что̀ преслѣдовать и чего не преслѣдовать. Никто я думаю не станетъ отрицать, что вопросъ такимъ образомъ поставленный принадлежитъ всецѣло къ области законодательства гражданскаго, а потому не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что разрѣшеніе его зависитъ вполнѣ и безусловно отъ верховной власти.

Чтобъ окончательно выяснить мысль мою и устранить всякое недоразумѣніе, я примѣню ее къ тому частному вопросу, о которомъ было упомянуто выше. До Петра I, наша Русская Церковь, какъ извѣстно, вовсе не разрѣшала браковъ между Лютеранами и Православными. Петръ I,

въ видахъ облегченія иностранцамъ прочнаго водворенія въ Россіи, очень желалъ, чтобъ этого рода браки были допущены; но онъ не позволилъ себѣ разрѣшить ихъ собственною своею властью, а передалъ вопросъ на обсужденіе созданнаго имъ представительства нашей Церкви. Синодъ призналъ возможнымъ исполнить желаніе Государя, то есть допустить браки между Лютеранами и Православными, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вѣнчаемые предварительно выдавали отъ себя письменное обязательство воспитывать своихъ дѣтей въ Православной вѣрѣ. Правило это было принято Петромъ I, было обнародовано и вошло въ силу, какъ актъ *церковнаго законодательства.* Таково оно и было по существу, ибо тѣло касалось условій совершенія таинства. Затѣмъ, постановленіе Синода вошло въ составъ гражданскихъ законовъ, а при составленіи уложенія о наказаніяхъ, въ него внесена была ст. 190, въ силу которой родители, обязанные по закону воспитывать дѣтей своихъ въ вѣрѣ Православной и нарушающіе эту обязанность, присуждаются къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ, гражданска язаконодательная власть (а не Церковь) опредѣлила отъ себя гражданскую кару за нарушеніе закона церковнаго. Много лѣтъ спустя, когда въ Лифляндіи организовалась коалиція Германскихъ и Лютеранскихъ интересовъ въ видахъ искорененія Православія, эта статья послужила поводомъ къ продолжительной агитаціи. Прежде всего, высшая мѣстная судебная инстанція, Лифляндскій Гофгерихтъ, попробовалъ просто на просто не исполнять ее, а подводить предусмотрѣнный въ ней случай подъ статью Ништатскаго трактата; дѣла сошло съ рукъ благополучно. Но этого было мало; посыпались докладныя записки, представленія, ходатайства объ отмѣнѣ предбрачныхъ обязательствъ. Если вѣрить Остзейскимъ извѣстіямъ, Государь Императоръ долго отказывалъ на отрѣзъ; но въ центрѣ самаго правительства продолжалась

агитація и, наконецъ, она одержала верхъ. Еслибы верховная власть, рѣшившись сдѣлать уступку, ограничилась отмѣною (хотя бы для одной Лифляндіи) статьи 190 Уложенія о наказаніяхъ, то есть преслѣдованія уголовнымъ порядкомъ за неисполненіе предбрачныхъ подписокъ, и еслибы за тѣмъ она предоставила самой Церкви полную свободу въ разрѣшеніи возникавшаго вновь вопроса о томъ: допускать ли браки между Православными и Лютеранами и, буде допускать, то на какихъ условіяхъ (ибо гражданскія послѣдствія прежнихъ условій измѣнялись), тогда верховная власть осталась бы въ границахъ своего круга дѣйствія и своего права. Можно бы было находить неумѣстнымъ и несправедливымъ дарованіе Лифляндіи новой привилегіи, въ то время какъ однородныя, даже несравненно скромнѣйшія просьбы нашихъ старовѣровъ упорно отвергались; но, по крайней мѣрѣ, такое дѣйствіе власти было бы безукоризненно законно съ точки зрѣнія ея отношеній къ Церкви. Къ сожалѣнію, гражданская власть пошла инымъ путемъ и зашла гораздо далѣе. Статья 190 отмѣнена не была — стало быть она осталась во всей своей силѣ; но приказано было въ Лифляндіи не примѣнять ее, иначе: не исполнять закона. При этомъ, Высочайше повелѣно было Православному духовенству въ Лифляндіи совершать браки Лютеранъ съ Православными по прежнему, только не требуя предбрачныхъ обязательствъ воспитывать дѣтей въ Православной Церкви. Итакъ, гражданская власть установила *отъ себя* новыя условія совершенія церковнаго таинства: тѣмъ самымъ, она вторглась въ область церковнаго законодательства. Прежнія условія были выраженіемъ убѣжденія Церкви, ея совѣсти, и на свободу этой совѣсти гражданская власть посягнула во имя свободы Лютеранской совѣсти. Я уже разъ сказалъ и теперь повторяю: угождайте Остзейцамъ въ чемъ Вамъ угодно, если ужъ это непремѣнно нужно,

давайте имъ казаковъ, жендармовъ, аренды, имѣнія, но остерегайтесь идти за ними когда они предносятъ знамя свободы, какой бы то ни было.*)

Спрашиваю теперь: съ какой же стороны могъ бы возникнуть протестъ или ропотъ, если бы Государь Императоръ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ на новый отъ него ожидаемый, по истинѣ Христіанскій подвигъ, развернулъ передъ собою Уложеніе о наказаніяхъ, *исшедшее отъ единой власти Самодержавной* и за которое одна эта власть должна нести нравственную отвѣтственность, и вычеркнулъ бы изъ него указанныя выше статьи, съ которыми не мирится ни его ни наша совѣсть? Обыкновенно указываютъ на Православную Церковь, по крайней мѣрѣ ее подразумѣваютъ.

Но сама Церковь опредѣляетъ себя какъ союзъ единовѣрія и любви, одухотворенный свыше, слѣдовательно — какъ союзъ свободный, ибо вѣра и любовь не вынуждаются и не заказываются. Кто не вѣритъ въ Церковь, тотъ внѣ ея, а надъ тѣмъ кто внѣ ея, она не имѣетъ власти, да и не можетъ имѣть ея. Какъ *власть*, Церковь орудуетъ только двумя средствами: дисциплинарными, надъ своими членами, то есть надъ тѣми, кто добровольно и свободно ей подчиняется, и правомъ устранять отъ себя, исключать изъ своей среды тѣхъ, кто отъ

*) Въ одномъ изъ своихъ комментаріевъ на Окраины Россіи, Г. Ю. Эккгардъ ставитъ слѣдующій вопросъ: Г. Самаринъ часто принимаетъ видъ горячаго почитателя свободы вѣроисповѣданія и ненавистника законнаго насилія служащаго подпоркою Православной Церкви. Но можемъ ли мы давать вѣру либеральнымъ, проникнутымъ терпимостью фразамъ, которыми онъ и друзья его щеголяютъ, когда они же отказываются признать въ уступкѣ сдѣланной Остзейскимъ провинціямъ первый приступъ къ общему освобожденію религіозной совѣсти, а напротивъ стараются опорочить эту мѣру какъ посягательство на Греческую (?) Церковь и Русскую народность, — Можетъ быть, теперь Г. Эккгардъ самъ разрѣшитъ себѣ это кажущееся противорѣчіе. Именно потому, что мы почитаемъ, уважаемъ и любимъ свободу, никогда ни я, ни друзья мои, не подадимъ руки Остзейскимъ ея лжепоклонникамъ.

нея отступается — таковъ внутренній и буквальный смыслъ анаѳемы. Собственно принудительныхъ средствъ церкви не дано; у нея нѣтъ ни цѣпей, ни тюремъ, ни ссылочныхъ мѣстъ, ни палачей, ни полицейскихъ агентовъ. Все это, весь аппаратъ принудительныхъ и карательныхъ средствъ, принадлежитъ царству отъ міра сего, то есть власти гражданской, которая располагаетъ имъ свободно, на свой страхъ; ибо никогда Православная Церковь не считала гражданской власти своею подручницею и не изъявляла притязанія на право приводить ее въ дѣйствіе для своихъ цѣлей. Какъ самостоятельный организмъ, Церковь живетъ внѣ государства, и по ея ученію, отношенія ея членовъ къ мірской, предержащей власти не состоятъ даже ни въ какой зависимости отъ вѣроисповѣданія послѣдней. *Въ качествѣ Православнаго Христіанина* (не говорю *въ качествѣ гражданина*) подданный относится одинаково къ власти Православной, иновѣрной, даже языческой, слѣдуя наставленію и примѣру апостола Павла, жившаго подъ властью Римскаго Кесаря.

Если мы перейдемъ изъ области идеальныхъ отношеній, требуемыхъ существомъ Церкви и государства, въ область исторической дѣйствительности, то мы конечно увидимъ, что гражданская власть изстари подслуживалась и теперь подслуживается церковной іерархіи своими карательными орудіями. Мы должны будемъ также признать съ сокрушеніемъ, что и іерархія грѣшила и грѣшитъ противъ своего духа, принимая, даже вызывая, подобнаго рода услуги; но всеже остается несомнѣннымъ, что она не имѣетъ на нихъ ни малѣйшаго права, даже не присвоиваетъ себѣ такого права, и что гражданская власть, во всякое время, можетъ отнять отъ нея свою тяжелую руку. Пусть же правительство возвратитъ Церкви свободу мысли, свободу проповѣди, свободу внутренняго строенія, и отзоветъ отъ

нея своихъ вооруженныхъ прислужниковъ. Привычка разсчитывать на ихъ помощь и обращаться къ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ слѣдовало бы дѣйствовать словомъ, на столько у насъ укоренилась, что предоставленіе Церкви собственнымъ духовнымъ ея средствамъ, можетъ быть, на первыхъ порахъ возбудило бы въ нѣкоторыхъ кружкахъ недоумѣніе и страхъ; но это первое впечатлѣніе миновало бы скоро и за тѣмъ раздались бы по всей Россіи не протесты, а благодарственные молебны. Я говорю это какъ членъ Православной Церкви и знаю, что еслибы слова мои могли дойти до Россіи и вызвать гласное обсужденіе, то и въ средѣ нашей іерархіи, никто бы меня не осудилъ за нихъ. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что къ нимъ прислушаются заграничные поборники свободы совѣсти, сбитые съ толку принятыми ими на вѣру сужденіями Остзейской фабрикаціи.

Если не можетъ быть протеста со стороны Церкви, то съ какой стороны ожидать его? Не пресса же наша заступится за принудительныя мѣры, отмѣны которыхъ она неоднократно требовала, не по внушеніямъ свыше, а отъ себя и на свой рискъ. Достаточно кажется напомнить, что прежде и рѣшительнѣе всѣхъ подала голосъ за свободу совѣсти газета „Москва“ вскорѣ послѣ того убитая не равнодушіемъ публики, а приговоромъ власти.

Не опасаются ли наконецъ ропота въ народѣ, въ томъ народѣ, котораго вѣротерпимость издревле и прежде всего бросалась въ глаза иностранцамъ, какъ бытовое свойство прирожденное Русскимъ и отличительная черта ихъ характера? Мы знаемъ, что нашъ народъ прошелъ черезъ опасную школу; передъ нимъ, въ XVII вѣкѣ, водили еретиковъ на костры и встряхивали раскольниковъ; ему показывали вмѣстѣ иконы, кресты и орудія пытки, его пріучали къ запаху крови и ладана, и всетаки онъ не ожесточился. Религіозный фанатизмъ къ не-

му не привился, Пусть самъ читатель переберетъ свои личныя воспоминанія о томъ какъ живутъ люди Православные съ иновѣрцами, въ городахъ и колоніяхъ, на службѣ, въ арміи, на фабрикахъ, въ работахъ всякаго рода, и спроситъ себя: кто кого чуждается и кто отъ кого сторонится? Что касается до меня, то мнѣ довелось таки видѣть общественное преслѣдованіе за вѣру, во всѣхъ возможныхъ въ наше время видахъ и формахъ, начиная отъ грубыхъ обидъ, лживыхъ доносовъ, раззореній и истязаній прикрытыхъ предлогомъ законности, и доходя до художественной утонченности въ глумленіи надъ чужимъ убѣжденіемъ. Я встрѣчалъ гонителей помѣщиковъ, гонителей чиновниковъ, гонителей пасторовъ, гонителей волостныхъ старшинъ и церковныхъ старостъ; я знаю, могу разсказать и разскажу, какъ мстятъ за перемѣну вѣры отнятіемъ земли, изгнаніемъ изъ усадьбъ, безпощадною суровостью долговыхъ взысканій, неправеднымъ судомъ и дальными ссылками безъ суда; но все это происходило въ Лифляндіи, этому всему подвергались не Лютеране, а новообращавшіеся въ Православіе, и изъ всего мною видѣннаго я вынесъ убѣжденіе, что еслибы мы даже и пожелали подражать въ этомъ дѣлѣ Остзейскимъ нашимъ учителямъ, то это бы намъ не удалось. Мы застрахованы отъ фанатизма не только лучшими сторонами нашего народнаго характера, но и народными нашими недостатками. Этой струны въ насъ нѣтъ; наши Балтійскіе сограждане знаютъ это лучше чѣмъ кто либо, но это конечно не мѣшаетъ имъ твердить на всю Европу, что одно старорусское изувѣрство сдерживаетъ потоки любви заключенные въ душѣ Самодержца.*)

---

*) Эти строки были писаны задолго до послѣдняго адреса на Высочайшее имя, поданнаго Москвою по поводу декларацiи о Парижскомъ трактатѣ. Въ этомъ адресѣ, подписанномъ въ многолюдномъ собранiи Общей Думы, гласными отъ всѣхъ сословiй, значится между прочимъ: „отъ Васъ

Я однако думаю, что правда должна наконецъ пробиться сквозь самую непроницаемую тучу безсознательныхъ предубѣжденій и преднамѣренно накопляемой клеветы. Эта надежда и побуждаетъ меня, предпославъ въ первомъ выпускѣ „Окраинъ Россіи“ общее введеніе, приступить прямо къ самому жгучему и щекотливому вопросу о причинахъ, путяхъ и способахъ распространенія Православія въ Лифляндіи. По крайней недостаточности доступныхъ мнѣ матеріаловъ, я не могу ручаться за полноту изложенія, но принимаю на себя обязательство, при передачѣ извѣстныхъ мнѣ фактовъ, ничего не утаивать, даже не смягчать, и не отступать передъ признаніями подъ часъ не легкими для Православнаго и Русскаго. Если, при соблюденіи этихъ условій, читатели, простымъ, строго историческимъ изложеніемъ дѣла убѣдятся, что говоря о переходѣ Лифляндскихъ крестьянъ въ Православіе, мы не имѣемъ причины стыдливо опускать глаза передъ Европою; если, такимъ образомъ, спадетъ съ прошлаго царствованія тотъ нравственный упрекъ, который на немъ лежитъ, скажутъ ли, что книга моя вредна и осудятъ ли мое намѣреніе?

Думаю, что избранная мною тема могла бы быть поучительна и въ другомъ отношеніи. Исторія первыхъ вѣковъ христіанства доказываетъ, что Церковь угнетаемая нетолько не утрачиваетъ ни одного изъ даровъ своихъ, а напротивъ ростетъ и крѣпнетъ въ гоненіяхъ;

однихъ ожидаетъ народъ и довершенія Вашихъ благихъ начинаній, и — первѣе всего — простора мнѣнію и печатному слову, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніяхъ къ власти; свободы церковной, безъ которой недѣйственна и самая проповѣдь; наконецъ, свободы вѣрующей совѣсти, этого драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ для души человѣческой „— Такова мысль, таково зрѣло обдуманное слово Москвы, этого средоточія такъ называемой старорусской партіи, этого притона дикаго изувѣрства и свирѣпой исключительности, по свидѣтельству нашихъ Остзейскихъ согражданъ. Пусть теперь судитъ Европа о честности ихъ свидѣтельства.

исторія распространенія и упадка Православія въ Лифляндіи послужитъ какъ бы дополнительнымъ свидѣтельствомъ того, что іерархія добровольно угождающая и малодушно безмолвствующая, когда бы ей слѣдовало вразумлять, утрачивая мало по малу довѣріе къ своей внутренней силѣ, въ тоже время теряетъ и уваженіе того самаго правительства, въ которомъ она ищетъ себѣ опоры. Она какъ будто отвыкаетъ орудовать своими невещественными средствами и покорять души тою особенною властью живаго примѣра и слова, которая не всегда неразлучна съ внѣшнимъ авторитетомъ духовнаго сана; въ минуты тяжелыхъ испытаній, когда привычная поддержка со стороны мірской власти начинаетъ ей измѣнять, она оказывается безсильною возбудить въ своей паствѣ твердость и терпѣніе въ вѣрѣ; словомъ, она теряетъ все, кромѣ единственнаго дара независимаго отъ людской немощи — дара тайнодѣйствія ....

Въ выходящемъ нынѣ третьемъ выпускѣ „Окраинъ Россіи“ содержится первая часть исторіи Православія въ Лифляндіи, обнимающая періодъ времени отъ 1841 до 1844 годовъ. Извлеченіе изъ нея было напечатано въ видѣ отдѣльной статьи въ Русскомъ архивѣ 1869 года; теперь эта часть представляется въ цѣлости, съ значительными дополненіями и съ исправленіемъ нѣкоторыхъ мелочныхъ погрѣшностей. Надѣюсь издать въ скоромъ времени вторую часть (періодъ отъ 1845 до 1848 годовъ) а за тѣмъ нѣкоторые матеріалы относящіеся къ позднѣйшему времени.

Юрій Самаринъ.

Москва, 1871.

I.

Періодъ первый

1841 и 1842.

Недавно изданныя записки Православнаго Латыша,*) раскрывъ тѣ внутреннія побужденія, которыми Лифляндское простонародье влеклось къ перемѣнѣ вѣры, дали возможность читателямъ заглянуть въ первый разъ въ самую душу Латышей того времени, съ которыми авторъ мучился одною жизнью.**) Это одна, психическая сторона

*) Окраины Россіи, выпускъ 11.

**) Въ первыхъ двухъ выпускахъ Окраинъ Россіи, говоря о начальныхъ побужденіяхъ Латышей и Эстовъ къ переходу въ Православіе, я выразился слѣдующимъ образомъ: „когда движеніе изъ Лютеранства въ Православіе охватило Лифляндію, покойный Императоръ (онъ одинъ) понялъ, что это была не искусственная агитація и не случайная вспышка, а историческая тяга цѣлаго народа къ Россіи, въ основныхъ своихъ побужденіяхъ совершенно свободная (spontannée), исходившая изъ неудовлетворенныхъ духовныхъ потребностей, и, *въ тоже время, изъ глубокаго недовольства всею тогдашнею обстановкою крестьянскаго быта*“ (I. стр. 63).

Въ другомъ мѣстѣ, отвѣчая на попытки объяснить это движеніе *однимъ* побужденіемъ, именно надеждою на пріобрѣтеніе мірскихъ выгодъ, я замѣтилъ: „что даже порознь взятая личность (не только масса людей) очень рѣдко, въ любомъ своемъ дѣйствіи, слѣдуетъ *одному* побужденію всецѣло и нераздѣльно наполняющему душу, а на оборотъ, почти всегда, при нѣкоторомъ вниманіи подмѣчаетъ въ себѣ множество самыхъ разнообразныхъ двигателей, одновременно направляющихъ ея волю, и т. д.“ — Наконецъ, въ послѣсловіи къ запискамъ Православнаго Латыша, я еще

дѣла; теперь мы обратимся къ внѣшей сторонѣ того же событія: покажемъ, какъ отнеслись къ нему другія сословія, мѣстныя власти и высшее правительство, какія понятія и представленія сложились въ средѣ Русскаго просвѣщеннаго общества о загадочномъ для него стремленіи темной массы, словомъ: мы обставимъ это движеніе совокупностью обстоятельствъ, хотя и не имѣвшихъ въ сущности ничего съ нимъ общаго, но тѣмъ не менѣе обусловившихъ сперва ненормальность его развитія, а затѣмъ печальный его исходъ.

Прежде всего, чтобъ не перебивать разсказа безпрестанными объясненіями, нужно припомнить положеніе края въ 1841 году, когда въ немъ началось религіозное броженіе, и, въ особенности, составить себѣ по возможности точное понятіе о тогдашнемъ положеніи Лифляндскихъ крестьянъ.

Ихъ личныя права, ихъ общественное устройство, ихъ подсудность, ихъ поземельныя отношенія къ помѣщикамъ все еще опредѣлялись Положеніемъ 1814 года, тѣмъ самымъ, котораго пятидесяти-лѣтній юбилей служилъ недавно поводомъ къ торжественнымъ манифестаціямъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

равъ выразилъ туже мысль въ слѣдующихъ словахъ: „*не одно, а многія разнообразныя побужденія*, какъ подземныя струи пробившіяся наружу и слившіяся въ одинъ потокъ, несли толпу; она просила и живой вѣры, *и хлѣба, и обезпеченнаго клочка земли, и закона, и т, д.* (II. стр. 130, 132).

Это троекратное повтореніе нисколько однако не помѣшало Г. Юлію Эккгарду, въ одномъ изъ примѣчаній, которыми онъ обогатилъ Нѣмецкій переводъ перваго выпуска Окраинъ Россіи, заявить самымъ рѣшительнымъ тономъ, будто бы авторъ „*сводитъ* обращеніе Лифляндскихъ крестьянъ въ Православіе *исключительно* къ религіозному чувству не находившему удовлетворенія въ Протестанствѣ — ausschliesslich zurückführt etc. (Anmerkung 26. S. 206).

Позволительно ли такое обращеніе съ чужею мыслью и чужими словами? Три Остзейца возражали печатно на Окраины Россіи, ф. Боккъ, Ширренъ и Эккгардъ, и ни одинъ не соблюдалъ условій честнаго, литературнаго спора!

Крестьяне слыли лично свободными; но на практикѣ, ощущали свободу преимущественно отрицательною ея стороною, именно: прекращеніемъ прежняго ихъ права, истекавшаго изъ крѣпостныхъ отношеній, на поддержку и пособія со стороны помѣщиковъ. Послѣдніе относились къ нимъ какъ къ лицамъ для нихъ постороннимъ, не отвѣчали за нихъ ни въ чемъ, а все таки сохраняли надъ ними прежнюю свою власть, только подъ другимъ названіемъ и въ нѣсколько подновленной формѣ. (Полн. собр. законовъ т. XXXVI прилож. къ No. 27735 §§ VIII, 63).

Личныя права крестьянъ, за пріобрѣтеніе которыхъ они поплатились утратою своего права на землю, подлежали слѣдующимъ ограниченіямъ: имъ было запрещено перечисляться въ другія губерніи, а для временной отлучки за предѣлы Лифляндіи, паспортъ выдавался не иначе какъ съ письменнаго разрѣшенія Ландратской коллегіи, которая, въ свою очередь, выдавала разрѣшеніе не иначе какъ по предъявленіи свидѣтельства мірскаго суда за подписью помѣщика, о неимѣніи къ отлучкѣ никакихъ препятствій (§§ 13, 70). Въ предѣлахъ губерніи, перечисленіе изъ одного мірскаго общества въ другое допускалось лишь подъ условіемъ согласія на это владѣльца того имѣнія, къ которому крестьянинъ намѣревался приписаться (§§ 25, 64). Нанимавшійся въ услуженіе могъ искать себѣ мѣста во всей губерніи, но обязанъ былъ полныхъ три года (отъ одной переписи до другой) оставаться въ томъ приходѣ, къ которому былъ приписанъ (§ 452). Такъ было по закону; но по укоренившемуся обычаю, крестьяне испытывали и другія стѣсненія въ личныхъ своихъ правахъ. Такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, совершеніе браковъ между крестьянами допускалось не иначе какъ съ предварительнаго, письменно выраженнаго разрѣшенія вотчинной конторы. Это условіе соблюдалось еще въ шестидесятыхъ годахъ и было за-

явлено оффиціально, пасторомъ, въ перепискѣ происходившей между духовными вѣдомствами, Лютеранскимъ и Православнымъ, по поводу одной жалобы.*)

Общественная организація сельскаго сословія, въ связи съ судебными и административными учрежденіями въ вѣдѣніи которыхъ состояли крестьяне, не отличалась простотою.

Крестьяне росписаны были на общества, названныя въ Русскомъ текстѣ закона *волостными*; но точнѣе было бы назвать ихъ вотчинными — Gutsgemeinden, такъ какъ однопомѣстность лежала въ основаніи дѣленія на общества; иными словами: за общественную единицу принималась вотчина, и отступленія отъ этого правила допускались только по желанію самихъ вотчинниковъ (§§ 57, 58, 59).

Администрація и судъ, въ той мѣрѣ въ какой они касались крестьянъ, ввѣрены были, въ границахъ вотчины: 1) общественнымъ или мірскимъ сходамъ 2) старшинамъ (Vorsteher) 3) общественному или мірскому суду и 4) вотчинному управленію (Gutsverwaltung), неправильно названному въ Русскомъ текстѣ *волостнымъ*, или по просту — помѣщичьей конторѣ, какъ вотчинно-полицейскому управленію (Gutspolizei); въ границахъ судебно-полицейскаго приходскаго округа**): 5) приходскому суду; въ границахъ уѣзда: 6) уѣздному суду; въ границахъ губерніи: 7) отдѣленію Гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ и 8) генералъ-губернатору.

Послѣднюю, то есть самую незначительную, роль играли мірскіе сходы. Они собирались не иначе какъ по распоряженію вотчиннаго правленія, для выслушиванія его

---

*) Подлинное свидѣтельство будетъ приведено въ послѣдствіи, въ главѣ о смѣшанныхъ бракахъ.

**) Каждый такой округъ обнималъ нѣсколько приходовъ, не менѣе 2-хъ, обыкновенно отъ 4-хъ до 5-ти, даже до 10-ти.

предложеній, или съ его разрѣшенія, въ которомъ оно не въ правѣ было отказать въ томъ лишь случаѣ, когда предстояли выборы. Созвавшій мірскую сходку безъ разрѣшенія вотчинной конторы подвергался отвѣтственности какъ нарушитель общественнаго порядка (§§ 72, 73, 74). Мірскіе приговоры входили въ силу не прежде какъ по утвержденіи ихъ вотчиннымъ правленіемъ; въ случаѣ несогласія съ приговоромъ, вотчинное правленіе могло, если хотѣло, требовать вторичнаго обсужденія дѣла на сходѣ, но законъ не ставилъ этого непремѣннымъ условіемъ, такъ что оно могло просто остановить приговоръ. Въ послѣднемъ случаѣ, обществу предоставлялось право жаловаться въ приходскій судъ (§§. 78—80). Такъ было по закону; а на практикѣ, дѣло происходило гораздо проще. Чтобъ не тратить по напрасну времени, мірскіе приговоры составлялись въ вотчинной конторѣ и диктовались предсѣдателю схода.

Мірскому обществу предоставлено было право, въ *крайнихъ случаяхъ* (которыхъ законъ не опредѣлялъ) обращаться съ жалобами къ главному начальнику края, черезъ посредство двухъ депутатовъ, избранныхъ *непремѣнно* изъ числа старшинъ и членовъ мірскаго суда, то есть изъ должностныхъ лицъ, которыхъ, по закону, утверждалъ, а на практикѣ — назначалъ помѣщикъ. Но о намѣреніи своемъ воспользоваться этимъ правомъ, крестьяне должны были сперва увѣдомить вотчинное правленіе (хотя бы жалоба подавалась на него) и запастись у него письменнымъ на то свидѣтельствомъ; въ случаѣ отказа въ свидѣтельствѣ, можно было обратиться съ жалобою въ приходскій судъ. Отъ выборныхъ, которые вздумали бы явиться безъ свидѣтельства, запрещено было принимать жалобы (§ 84). Итакъ, добраться до генералъ-губернатора законнымъ путемъ, когда жалоба приносилась на вотчинное правленіе, было не совсѣмъ легко.

Старшинъ (они же и смотрители хлѣбныхъ магазиновъ) полагалось по два на каждое общество. Слывя по закону представителями и оберегателями его интересовъ, они, въ обыкновенныхъ случаяхъ, замѣняли сходы, такъ что вотчинное управленіе избавлялось отъ непріятной необходимости сзывать все общество и становиться къ нему лицомъ къ лицу (§§ 85, 88, 95, 514).

Мірской судъ полагался въ каждомъ обществѣ и состоялъ изъ предсѣдателя (который также *управлялъ* сходомъ) и двухъ или болѣе засѣдателей (§§ 75, 98, 100).

Старшины, предсѣдатель и члены мірскаго суда выбирались мірскимъ сходомъ изъ крестьянъ мѣстнаго общества. Это производилось слѣдующимъ порядкомъ. На каждую должность общество представляло трехъ кандидатовъ на утвержденіе вотчиннаго правленія, которое имѣло право отвергнуть всѣхъ трехъ; тогда назначались вторичные выборы, и общество представляло новыхъ кандидатовъ, въ томъ же числѣ (§§ 90, 101). Такимъ образомъ, вотчинная контора могла браковать до пяти человѣкъ избранныхъ обществомъ, на каждую должность; но такъ какъ подобная процедура сопряжена была съ значительною тратою времени, и такъ какъ нельзя же было предполагать въ каждомъ обществѣ такого множества людей внушающихъ къ себѣ довѣріе, то обыкновенно, на практикѣ, дѣло происходило нѣсколько иначе. Предсѣдатель схода забѣгалъ въ вотчинную контору за приказомъ, и сходъ выбиралъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ помѣщику, или прикащику его, угодно было видѣть въ должностяхъ. Отрѣшеніе отъ должности старшинъ предоставлено было приходскому суду; ему же предоставлено было временное устраненіе отъ должности мірскихъ судей, а окончательное ихъ отрѣшеніе зависило отъ Уѣзднаго Суда (§§ 96, 133).

Мірской судъ вѣдалъ всѣ тѣ дѣла (кромѣ денежныхъ раскладовъ и выборовъ) которыя, у насъ, распредѣляются между сельскими и волостными сходами, волостнымъ правленіемъ, волостнымъ судомъ, и отчасти даже дѣла, возложенныя у насъ на мировыхъ посредниковъ. Онъ составлялъ нисшую инстанцію судебно-полицейскую и, въ тоже время, заправлялъ общественнымъ хозяйствомъ. Засѣдателямъ мірскаго суда единолично ввѣренъ былъ полицейскій надзоръ въ границахъ общества (§ 116). Какъ судебная инстанція, мірской судъ разбиралъ споры и тяжбы крестьянъ между собою, жалобы помѣщика на крестьянъ, требованія его объ удаленіи хозяевъ изъ усадьбъ и объ уничтоженіи заключенныхъ съ ними контрактовъ, чинилъ по таковымъ требованіямъ исполненіе и управлялъ опеками; какъ полицейская инстанція, онъ охранялъ и возстановлялъ порядокъ и безопасность, производилъ дознанія о всякомъ нарушеніи благочинія, задерживалъ безпаспортныхъ и бѣглыхъ; какъ учрежденіе хозяйственное, онъ содержалъ въ исправности дороги, охранялъ межи, призрѣвалъ бѣдныхъ, велъ списки народонаселенія, распоряжался сборомъ податей, назначеніемъ и поставкою рекрутовъ, исполненіемъ всякаго рода повинностей, общественныхъ, церковныхъ и публичныхъ, завѣдывалъ мірскою суммою, хлѣбнымъ магазиномъ и т. д. (§§ 117, 118, 129, 130, 131). Мірской судъ рѣшалъ окончательно гражданскія дѣла, предметъ коихъ не превышалъ цѣнностью 5 р. и присуждалъ наказанія: палками, до 30 ударовъ (мущинамъ) розгами, до 20 ударовъ (женщинамъ), нарядомъ на работу до трехъ дней, арестомъ до трехъ сутокъ, денежнымъ штрафомъ въ замѣнъ тѣлеснаго наказанія, при чемъ каждый ударъ зачитывался въ 2 к. асс. (§§ 119, 120, 125). Всѣ постановленія мірскаго суда поступали на просмотръ въ вотчинное правленіе, которое, дѣйствуя на правахъ прокурорскихъ, могло остановить исполненіе по

всякому рѣшенію по его мнѣнію незаконному или несоотвѣтствовавшему своей цѣли, и перенести дѣло въ высшую инстанцію. По дѣламъ полицейскимъ, мірской судъ доносилъ вотчинному управленію о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, сдавалъ ему на руки арестантовъ, дѣйствовалъ по его указаніямъ и приводилъ въ исполненіе его требованія, *даже когда находилъ ихъ незаконными* (§§ 113, 117, 118, 131, 132). Засѣданія мірскаго суда происходили, по закону, на господскомъ дворѣ, и судъ обязанъ былъ собираться по всякому требованію вотчиннаго правленія (§ 115).

Мірскіе сходы, старшины, мірской судъ — все это были не болѣе какъ призраки общественныхъ учрежденій, а настоящая пружина, приводившая въ дѣйствіе эти декораціи, поставленныя для замаскированія ея, оставалась на прежнемъ мѣстѣ и въ прежнихъ рукахъ, именно: въ вотчинной конторѣ и въ рукахъ помѣщика или его повѣреннаго. Мы, Русскіе, назвали бы дѣйствіе ея на людей свободныхъ произволомъ, но въ Прибалтійскомъ краѣ, во избѣжаніе такого оскорбительнаго выраженія, издавна употреблялось болѣе благовидное названіе вотчиннаго правленія. Оно дѣйствительно заправляло всѣмъ, посредственно или непосредственно. Какъ объяснено было выше, оно диктовало мірскому сходу его приговоры, замѣщало по своему желанію общественныя должности, останавливало судебныя рѣшенія мірскаго суда и употребляло его для своихъ надобностей, какъ покорное орудіе. Далѣе, вотчинное правленіе, въ качествѣ посредника между уѣздными и губернскими нистанціями съ одной стороны и сходами, старшинами, мірскимъ судомъ съ другой, совершенно разобщало крестьянъ съ общими и спеціально для нихъ созданными учрежденіями. Въ извѣстномъ смыслѣ, оно перехватывало, разумѣется въ силу предоставленнаго ему права, всю происходившую между ними переписку,

принимало для передачи крестьянамъ бумаги поступавшія сверху, какъ то приказы, объявленія и публикаціи; оно-же, во многихъ случаяхъ, повѣряло исполнительныя донесенія, шедшія снизу и употребляло, для своего такъ называемаго посредничества, одного изъ членовъ мірскаго суда, какъ разсыльнаго, который обязанъ былъ постоянно дежурить въ вотчинной конторѣ (§§ 114, 141, 142 и др.) Сверхъ того, вотчинное правленіе пользовалось очень широкою полицейскою властью, ему непосредственно предоставленною. Сюда входило: охраненіе тишины, спокойствія и порядка въ имѣніи; въ этомъ отношеніи, полиція общественная подчинялась надзору вотчинной и прибѣгала къ послѣдней когда нужно было принять какія либо особенныя мѣры для исполненія рапоряженій мірскаго суда. Вотчинное правленіе могло, собственною властью, брать подъ стражу и отсылать по принадлежности въ приходскій или въ земскій судъ (Ordnungs-Gericht): во первыхъ, крестьянъ оказывавшихъ ослушаніе мірскому суду; во вторыхъ, тѣхъ крестьянъ, коихъ проступки подлежали наказаніямъ превышавшимъ власть мірскаго суда; въ третьихъ, всякаго нарушителя спокойствія въ обществѣ, кто бы онъ ни былъ и хотя бы онъ даже занималъ какую либо должность; въ четвертыхъ, лицъ нисшаго состоянія, хотя бы и не членовъ мѣстнаго мірскаго общества (какъ напримѣръ ремесленниковъ) въ чемъ либо провинившихся, съ правомъ препровождать ихъ для наказанія въ мірской судъ, и наконецъ всякихъ преступниковъ изъ крестьянскаго и другихъ сословій (§§ 136—140).

Вотчинное правленіе выдавало крестьянамъ, какъ на временныя отлучки такъ и на выходъ изъ общества, печатные, особаго рода паспорты за своею печатью; оно понуждало мірской судъ къ строгому наблюденію, чтобы никто изъ членовъ мѣстнаго общества не выходилъ безъ такого паспорта, даже изъ границъ своего прихода; крес-

тьянина, нарушившаго это правило или просрочившаго выданный ему паспортъ, вотчинное правленіе могло огласить въ церкви бродягою и требовать его выдачи (§§ 144, 145, 148). Для поддержанія должнаго къ вотчинному правленію уваженія и благопристойности (такъ гласилъ законъ) ему предоставлено было право домашняго наказанія двухъ суточнымъ арестомъ на хлѣбѣ и на водѣ, палками до 15 ударовъ по одеждѣ (мущинамъ) и розгами, въ такомъ же числѣ ударовъ (женщинамъ) въ слѣдующихъ случаяхъ: когда дворовый или работавшій на помѣщика крестьянинъ нарушалъ спокойствіе господскаго дома, или причинялъ помѣщику какой нибудь ущербъ; когда оказывалъ помѣщику грубость, ослушаніе или неуваженіе; когда, находясь на господской работѣ, впадалъ въ какую либо вину (§§ 151, 152). По уложенію о Лифляндскихъ крестьянахъ 1804 года, изданному отнюдь не съ цѣлью упразднить крѣпостное право, а только въ видахъ ограниченія его и обезпеченія хозяйственнаго быта крестьянъ, *хозяева* (Wirthe), въ отличіе отъ сельскихъ батраковъ, были вовсе изъяты отъ домашней расправы вотчинныхъ конторъ. Они наказывались не иначе какъ по судебнымъ приговорамъ (§ 138). Спустя 15 лѣтъ, въ 1819 году, крѣпостное право на личность было упразднено; принеся эту въ свое время громко прославленную, такъ называемую *жертву*, Лифляндское дворянство вѣроятно разсудило, что едвали встрѣтится случай болѣе благопріятный для отнятія подъ шумокъ у крестьянъ-хозяевъ того права, которое было имъ даровано въ 1804 году и для подведенія ихъ, наравнѣ съ батраками, подъ дѣйтвіе вотчинной расправы. Положеніемъ 1819 года, предоставленное помѣщику право, по своему усмотрѣнію, наказывать крестьянъ, распространено было *и на хозяевъ*, во время нахожденія ихъ на господской работѣ. Прежняго закона, конечно, на справку не вывели, и правительство утвердило новый, не подозрѣ-

вая того что́ оно творило. Время ли было сличать, распрашивать и обнаруживать недовѣріе къ составителямъ Положенія, когда великодушіе Лифляндскаго рыцарства исторгало у всѣхъ слезы умиленія? А между тѣмъ, въ Лифляндіи, полились слезы инаго рода, и бѣдные хозяева восчувствовали дарованную имъ свободу прежде всего на собственныхъ спинахъ.

Къ праву присуждать тѣлесныя наказанія, которымъ вотчинное управленіе вооружено было по закону, *похвальный* обычай (eine löbliche Gewohnheit — какъ выражаются въ Прибалтійскомъ краѣ) прибавлялъ денежное взысканіе съ наказаннаго за палки или розги. Выдержавъ положенное число ударовъ, высѣченный вставалъ, вынималъ кошель и тутъ же расплачивался. У насъ, самый взыскательный помѣщикъ или суровый прикащикъ посовѣстился бы, попортивъ одну шкуру, наддирать другую на томъ-же субъектѣ; но такого рода первобытныя понятія естественно вытѣсняются воззрѣніями высшей культуры. Вѣдь самъ кресьянинъ, собственною своею виною, навлекалъ на себя наказаніе; за что-же сталъ бы помѣщикъ или его повѣренный брать на себя даровую поставку розогъ или палокъ? Въ благоустроенномъ обществѣ, всякая услуга должна оплачиваться, а потому и виновный долженъ изъ своихъ средствъ нести расходъ на исполненіе казни, подобно тому какъ больной оплачиваетъ трудъ врача и медикаменты.

Таково требованіе строгой справедливости, соблюдавшееся до 1845 года. Только тогда узнали объ этомъ въ Петербуртѣ изъ рапорта чиновника, командированнаго въ Лифляндію по поводу распространенія въ народѣ Православія, и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, настойчиво потребовалъ отмѣны этого похвальнаго обычая. Лифляндскіе публицисты причтутъ вѣроятно и это распоряженіе къ числу постоянныхъ посягательствъ Русскаго варварства на Нѣмецкую культуру.

Жалобы на вотчинное правленіе допускались *только въ случаѣ превышенія власти* и подавались въ приходскій судъ, который производилъ дознаніе и старался покончить дѣло примиреніемъ; а когда это не удавалось, онъ не полагалъ никакого рѣшенія, а препровождалъ все дѣло въ уѣздный судъ (§§ 153, 170, 172). Въ случаѣ доказанныхъ злоупотребленій, вотчинное правленіе могло быть лишено своей полицейской власти только на время, и не иначе какъ по рѣшенію высшей инстанціи, то есть отдѣленія Лифляндскаго Гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ. Повѣренный помѣщика, пользовавшійся этою властью по передачѣ отъ него, могъ, такимъ же судебнымъ приговоромъ, быть лишенъ полицейскаго права навседга; но помѣщикъ все таки, и въ этомъ случаѣ, не терялъ этого права и могъ передать его другому лицу вмѣсто устраненнаго (§§ 154, 155).

Независимо отъ власти, вотчинное правленіе владѣло еще могучимъ средствомъ подкупать крестьянъ, притомъ на счетъ самаго мірскаго общества и не неся никакихъ расходовъ, именно — правомъ косвеннаго и прямаго увольненія отъ рекрутской повинности. По закону, крестьяне владѣвшіе усадьбами не слишкомъ малаго размѣра, иначе: хозяева и старшіе ихъ сыновья, не подлежали призыву къ отбыванію рекрутской повинности, а въ хозяева жаловалъ помѣщикъ, такъ какъ отъ него зависило сдать усадьбу и отобрать ее. Назначеніе рекрутовъ предоставлено было не сходу, а мірскому суду, который, какъ было объяснено выше, находился совершенно подъ рукою вотчиннаго правленія, да и по закону назначеніе, сдѣланное судомъ, поступало на утвержденіе тогоже правленія. Сверхъ всего этого, оно пользовалось правомъ увольнять отъ рекрутства, по собственному своему выбору, нѣкоторое число годныхъ въ военную службу людей изъ дворовыхъ и крестьянъ, состоявшихъ или

числившихся въ услуженіи при господскомъ дворѣ. Число увольняемыхъ на этомъ основаніи соразмѣрялось съ числомъ душъ въ помѣстьѣ; на первыя 100 душъ, полагалось 4 увольненія, на каждыя 50 душъ сверхъ первой сотни, по одному. Это правило примѣнялось слѣдующимъ образомъ. Предположимъ, что въ какомъ либо имѣніи состояло 500 душъ крестьянъ и 20 дворовыхъ; изъ нихъ, по закону, помѣщикъ могъ уволить отъ рекрутства 12 человѣкъ; предположимъ также, что изъ числа 20 дворовыхъ, было не болѣе 6-ти годныхъ въ военную службу; помѣщикъ, освободивъ этихъ шестерыхъ отъ рекрутства, могъ еще распорядиться шестью увольненіями, выдумавъ, такъ сказать, несуществовавшихъ въ натурѣ дворовыхъ людей, то есть зачтя для формы въ дворовые тѣхъ изъ крестьянъ, хотя бы вовсе и не состоявшихъ при немъ въ услуженіи, которыхъ онъ хотѣлъ осчастливить, или съ которыми онъ входилъ въ сдѣлку. Исключаемые на этомъ основаніи поименно означались помѣщикомъ передъ каждымъ наборомъ; слѣдовательно, давъ льготу, онъ же могъ во всякое время и отнять ее (§§ 500—503).

Вообще, вотчинное управленіе, въ томъ видѣ въ какомъ оно существовало въ Лифляндіи, отличалось двумя характеристическими чертами отъ всякаго рода судебныхъ, полицейскихъ и административыхъ учрежденій, общественныхъ, сословныхъ и коронныхъ. Во-первыхъ, при широкомъ кругѣ дѣйствія и при несомнѣнной важности предоставленныхъ ему правъ, оно все таки даже по закону, не считалось *необходимымъ* органомъ въ системѣ мѣстныхъ учрежденій, а составляло нѣчто случайное, зависившее отъ желанія или нежеланія частнаго лица, une affaire de bon plaisir. Помѣщикъ отнюдь не былъ *обязанъ* ни пользоваться лично своими правами, ни даже передать ихъ уполномоченному отъ себя лицу; онъ могъ просто отъ нихъ отказаться, на время или навсегда,

и тогда власть, добровольно выпущенная имъ изъ своихъ рукъ, переходила сама собою къ мірскому суду (§§ 134, 135). Во вторыхъ, при предоставленномъ ему правѣ вмѣшательства во всѣ общественныя дѣла, вотчинное правленіе не несло никакой отвѣтственности за успѣшный ихъ ходъ. Такъ напримѣръ, почему то признавалось нужнымъ, чтобы распоряженія начальства, подлежавшія обнародованію въ обществѣ, непремѣнно передавались мірскому суду черезъ вотчинное правленіе; но за необнародованіе ихъ мірскимъ судомъ оно нисколько не отвѣчало (§ 141). Одинъ изъ ключей хлѣбнаго магазина и одинъ изъ ключей мірской кассы хранились въ вотчинномъ правленіи; оно же разрѣшало ссуды, ревизовало когда хотѣло счеты и наличность; но за цѣлость хлѣба и денегъ также не отвѣчало (§§ 514, 515). Словомъ, барское властолюбіе находило себѣ полное удовлетвореніе, нисколько не тревожившее барской лѣни. Какъ видятъ читатели, въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ, осуществлялся тотъ идеальный порядокъ вещей, къ которому, частью по неразумію — ребяческимъ глумленіемъ надъ введенными у насъ формами крестьянскаго самоуправленія, частью болѣе сознательно—въ надеждѣ воротить хоть долю навсегда утраченнаго, нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ (а если вѣрить слухамъ, и нѣкоторыя правительственныя вѣдомства) исподоволь готовятъ у насъ общественное мнѣніе.

Приходскій судъ составлялъ ближайшую инстанцію надъ мірскимъ, принималъ на него жалобы, ревизовалъ его распоряженія, давалъ ему предписанія и, также какъ мірской судъ, вѣдалъ дѣла судебныя, полицейскія и хозяйственныя. Споры крестьянъ между собою и жалобы на крестьянъ поступали въ приходскій судъ какъ во вторую инстанцію, а жалобы крестьянъ на помѣщиковъ поступали въ тотъ же судъ какъ въ первую инстанцію и подлежали въ ней только примирительному разбирательству. Третью инстанцію для дѣлъ перваго рода и вторую

(или точнѣе первую не мировую) для дѣлъ втораго рода составлялъ Уѣздный Судъ. Высшею инстанціею для судебныхъ дѣлъ какъ между крестьянами, такъ и по жалобамъ крестьянъ и на крестьянъ, было отдѣленіе Гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ. На него допускались жалобы только въ Сенатъ, въ порядкѣ кассаціонномъ, и генералъ-губернатору въ случаѣ отказа въ правосудіи. Независимо отъ этого, генералъ-губернаторъ могъ, по просьбѣ недовольной стороны, потребовать пересмотра въ Гофгерихтѣ рѣшеннаго дѣла и, въ случаѣ несогласія своего съ вторичнымъ постановленіемъ, войти со всеподданнѣйшимъ рапортомъ (§§ 170, 171, 174, 189, 191, 197, 247). Крестьяне имѣли представителей отъ своего сословія (не считая мірскаго суда) въ Приходскомъ судѣ: въ лицѣ трехъ засѣдателей, и въ Уѣздномъ — въ лицѣ двухъ засѣдателей (§§ 157, 183); всѣ они выбирались не непосредственно, то есть не обществами, а засѣдателями отъ крестьянъ въ нисшихъ инстанціяхъ; трехъ засѣдателей Приходскаго суда выбирали члены Мірскихъ судовъ—лица, которыхъ по закону утверждалъ, а на практикѣ назначалъ помѣщикъ (§ 159); двухъ засѣдателей Уѣзднаго суда выбирали засѣдатели отъ крестьянъ Приходскихъ судовъ (§ 184). Засѣдатели отъ крестьянъ въ Приходскомъ судѣ утверждались и отрѣшались отъ должности Уѣзднымъ судомъ (§§ 162, 170); засѣдатели отъ крестьянъ въ Уѣздномъ судѣ утверждались и отрѣшались Гофгерихтомъ (§§ 185, 190).

Затѣмъ, весь личный составъ крестьянскихъ судебныхъ инстанцій (кромѣ разумѣется Мірскаго суда), а именно: въ Приходскомъ судѣ предсѣдатель, въ Уѣздномъ предсѣдатель и два засѣдателя, въ отдѣленіи Гофгерихта предсѣдатель, резидующій Ландратъ и Ландраты члены Гофгерихта (§§ 157, 159, 183, 184, 198) набирался изъ мѣстныхъ дворянъ, по выбору отъ дворянства, и не было во всѣхъ перечисленныхъ инстанціяхъ ни одного лица по

назначенію отъ правительства. Канцеляріи также были въ рукахъ дворянства: секретарь приходскаго суда (онъ же и нотаріусъ) избирался и увольнялся предсѣдателемъ; половину своего жалованья онъ получалъ отъ дворянства, а другую отъ всего прихода. Должность эта имѣла особенную важность, такъ какъ съ нею сопряжено было свидѣтельствованіе и занесеніе въ книгу всѣхъ условій о сдачѣ помѣщиками крестьянскихъ усадьбъ (§§ 170, 175, 177, 179). Секретарь Уѣзднаго суда выбирался изъ мѣстныхъ дворянъ, изучившихъ право непремѣнно въ *Дерптскомъ* университетѣ (§ 193); секретарь отдѣленія Гофгерихта выбирался изъ того же разряда лицъ на дворянскомъ собраніи (§. 199).

Множествомъ надстроенныхъ одна надъ другою инстанцій, повидимому, надежнымъ образомъ ограждались права крестьянъ, по крайней мѣрѣ права положительно въ законѣ выраженныя; но чтобъ судить о томъ, въ какой мѣрѣ правосудіе въ дѣйствительности было доступно крестьянамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ права и интересы сталкивались съ произволомъ или съ выгодами помѣщиковъ, не мѣшаетъ принять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства.

Вопервыхъ, по закону, крестьянамъ безусловно запрещалось подавать письменныя просьбы или заявленія, а равно дѣйствовать черезъ повѣренныхъ. До помѣщиковъ этотъ законъ разумѣется не относился, но крестьяне должны были непремѣнно объясняться на судѣ не иначе какъ словесно и самолично. Законъ гласилъ, что при изданіи такого правила имѣлось въ виду сократить число процессовъ и уберечь просителей отъ расходовъ (§§ 204, 216). Первая цѣль этимъ несомнѣнно достигалась; мало того, во многихъ случаяхъ, тою же мѣрою рѣшительно отнималась у крестьянъ всякая возможность искать суда на помѣщика; достигалась ли вторая цѣль, когда ужъ

дѣло было начато — по крайней мѣрѣ сомнительно. Но кромѣ двухъ указанныхъ цѣлей, достигалась еще третья, о которой законъ благоразумно умалчивалъ, а именно: дѣйствія инстанцій по дѣламъ крестьянъ совершенно закрывались отъ всякаго посторонняго взгляда и отнималась возможность ходатайствовать за крестьянъ у тѣхъ ненавистныхъ дворянству мѣстныхъ юристовъ, которые, по плебейскому своему происхожденію, были бы неспособны цѣнить по достоинству пріемы и традиціи вотчинной юрисдикціи.

Во-вторыхъ, чтобъ ѣхать для подачи просьбы въ уѣздный или губернскій городъ, нужно было отлучиться изъ своего прихода, а на это необходимо было испросить паспортъ у вотчиннаго правленія. По закону, правленіе обязано было не задерживать просителей долѣе двухъ сутокъ, буде не встрѣчалось къ ихъ отлучкѣ какого-либо законнаго препятствія (§ 147); но вѣдь мало ли что могло показаться законнымъ препятствіемъ! Въ такомъ случаѣ, надлежало обратиться въ Приходскій судъ, который, истребовавъ объясненія отъ вотчиннаго правленія, могъ выдать паспортъ отъ себя, но могъ и отказать въ немъ. Въ послѣднемъ случаѣ, недовольному крестьянину оставалось только обратиться съ словесною жалобою на Приходскій судъ въ Уѣздный, а туда все-таки нельзя было явиться безъ паспорта, подъ страхомъ прослыть бродягою (§ 148). На оборотъ, когда Приходскій судъ разрѣшалъ выдачу паспорта, помѣщикъ могъ обжаловать его рѣшеніе, такъ что, въ обоихъ случаяхъ, отъ помѣщика зависило возбудить многосложное, частное дѣлопроизводство о предоставленіи или непредоставленіи крестьянину возможности начать дѣло по существу.

Въ-третьихъ, ни на одно изъ учрежденій по дѣламъ крестьянъ не распространялся надзоръ ни уѣздныхъ стряпчихъ (фискаловъ), ни губернскаго прокурора. Это странное

отступленіе отъ общаго порядка существовавшаго во всей Имперіи, не исключая и Прибалтійскаго края, на первыхъ порахъ вѣроятно ускользнуло отъ вниманія законодательной власти. Въ Положеніи 1819 года, нигдѣ не было сказано, чтобъ упомянутыя учрежденія были изъяты отъ надзора, но объ немъ умалчивалось. Правда, въ инстанціяхъ по дѣламъ крестьянъ установленъ былъ слѣдственный порядокъ дѣлопроизводства. Это значило, что суды, не ограничиваясь сущностью просьбъ и оцѣнкою предъявленныхъ сторонами доказательствъ и возраженій, должны были сами заботиться о пополненіи недосказаннаго, охранять интересы тяжущихся отъ ихъ собственныхъ упущеній, исправлять ихъ ошибки, предъявлять за нихъ требованія и приводить за нихъ основанія, о которыхъ они сами не думали. Но все это, съ одной стороны, давало суду, который облекалъ въ письменную форму словесныя заявленія крестьянъ, полную возможность извращать смыслъ и характеръ ихъ показаній и требованій, а съ другой могло бы быть выгодно для крестьянъ въ томъ лишь случаѣ, когда бы судъ сталъ дѣйствовать какъ оберегатель ихъ интересовъ, по крайней мѣрѣ оберегая ихъ интересы не менѣе чѣмъ помѣщичьи. Спрашивается: было ли основаніе предполагать, что таковъ именно былъ вообще образъ дѣйствій напримѣръ хотъ бы Уѣзднаго суда, въ которомъ сидѣли три дворянина, по выбору отъ своихъ собратьевъ, и два крестьянина, на практикѣ почти всегда безмолвныхъ?

Итакъ, общественная организація крестьянъ и всѣ спеціально для нихъ созданныя инстанціи составляли особый, замкнутый міръ, совершенно недоступный наблюденію и со всѣхъ сторонъ огражденный, не только отъ вмѣшательства, но и отъ нескромнаго любопытства непосвященныхъ. Что тамъ творилось, между безграмотными темными крестьянами и по своему слишкомъ просвѣщенными помѣщиками — этого никто не зналъ и не могъ

узнать; но видѣнъ былъ общій результатъ — полнѣйшее недовѣріе крестьянъ къ судамъ.

Только по дѣламъ уголовнымъ, крестьяне были подсудны общимъ инстанціямъ и судились общимъ порядкомъ; но здѣсь самое примѣненіе этого порядка ставило именно крестьянъ въ исключительное положеніе, къ явной ихъ невыгодѣ. Вся переписка производилась, какъ извѣстно, на языкѣ нѣмецкомъ, котораго, за очень рѣдкими исключеніями, крестьяне не понимали. Даже показанія обвиненныхъ, обвинителей и свидѣтелей записывались, при производствѣ слѣдствія, по нѣмецки и только по нѣмецки. Само собою разумѣется, что вопросы предлагались опрашиваемымъ словесно, на ихъ языкѣ, то есть по латышски или по эстски; на тѣхъ же языкахъ давались и отвѣты; но слѣдователь записывалъ какъ свои вопросы, такъ и отвѣты опрашиваемыхъ, не въ подлинныхъ выраженіяхъ, а въ нѣмецкомъ, болѣе или менѣе точномъ переводѣ собственнаго своего издѣлія. При прочтеніи опроса, онъ опять, но только на словахъ, переводилъ записанное съ нѣмецкаго на латышское или эстское, а за тѣмъ подавалъ опрошеннымъ къ подписанію актъ написанный по нѣмецки. Они свидѣтельствовали своею подписью или крестами (за неумѣніемъ писать) подлинность, полноту и точность изложенія, въ которомъ часто не понимали ни единаго слова, такъ что приложеніе руки къ опросу рѣшительно теряло значеніе гарантіи отъ подлога. Оно даже связывало опрошенныхъ, отнимая у нихъ возможность, въ послѣдствіи, въ случаѣ обнаруженія умышленнаго или невольнаго извращенія ихъ словъ, отпереться отъ приписаннаго имъ показанія. Такимъ образомъ, обрядъ, которымъ такъ дорожитъ законъ какъ лучшею охраною отъ подлога, на практикѣ превращался въ самую надежную гарантію неизобличимости и безнаказанности подлога, въ опаснѣйшее искушеніе, какому только можетъ подвергнуться слѣдова-

тель. Знаю, что это покажется невѣроятнымъ большинству читателей вѣрящихъ на слово Остзейскимъ свидѣтельствамъ о мнимомъ превосходствѣ тамошняго судопроизводства надъ нашимъ — пускай же они справятся; сдѣлать это не трудно, такъ какъ изложенный порядокъ существуетъ и въ настоящее время, а я на сей разъ сошлюсь также на свидѣтельство, притомъ неоспоримо безпристрастное.

Очень у насъ извѣстный по своимъ спеціальнымъ познаніямъ и по своей опытности именно въ уголовныхъ дѣлахъ, сенаторъ Л... бывшій въ сороковыхъ годахъ начальникомъ отдѣленія въ Министерствѣ Юстиціи, командированъ былъ тогдашнимъ Министромъ графомъ Паниным въ Лифляндію, для обревизованія тамошнихъ судебныхъ мѣстъ. Будучи въ Ригѣ, онъ посѣтилъ тюремный замокъ. Тамъ, одинъ изъ арестантовъ, какой-то Русскій, повалился ему въ ноги, упрашивая его, съ слезями и воплемъ, выручить его оттуда, по крайней мѣрѣ объяснить ему, за что онъ содержится? — „Какъ за что, да развѣ ты не знаешь?“ — „Не знаю“ — и вторичный поклонъ въ ноги. Г. Л... обратился къ сопровождавшему его Прокурору съ просьбою разъяснить ему дѣло. Оказалось, по отвѣту Прокурора, что арестантъ, собственными своими показаніями, отобранными у него при формальномъ слѣдствіи, уличался въ разныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Выслушавъ объясненіе, г. Л... естественно предположилъ со стороны арестанта притворное невѣдѣніе, довольно у насъ нерѣдкое и, намѣреваясь уличить его, вытребовалъ подлинное дѣло. — „Покажите мнѣ допросъ“. — Прокуроръ развернулъ дѣло на бумагѣ писанной по нѣмецки и прочелъ изъ нея нѣсколько строкъ. Г. Л... обратился къ арестанту съ вопросомъ: „ты понимаешь?“ — „Нѣтъ, родной, ничего не понимаю, я вѣдь по нѣмецки не смыслю“. — „Зачѣмъ же вы читаете ему

нѣмецкій переводъ? Дайте же *подлинный* допросъ.“ — Прокуроръ улыбнулся и отвѣчалъ: „да это и есть подлинный.“ — „Какъ подлинный! Вы называете подлиннымъ показаніе записанное не на томъ языкѣ, на которомъ оно отобрано?“ — „Да! вѣдь Вамъ конечно не безъизвѣстно, что къ числу мѣстныхъ привилегій, которыми мы наиболѣе дорожимъ, принадлежитъ и право производить всѣ дѣла на нашемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ.“ — „Такъ на этомъ основаніи у васъ записываются по нѣмецки и всѣ допросы?“ — „Всѣ.“ — „Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда опрашиваемый по нѣмецки не смыслитъ?“ — „Даже и въ такихъ случаяхъ!“ — Озадаченный этимъ открытіемъ, ревизоръ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, разумѣется счелъ долгомъ донести объ этомъ Министру. Графъ Панинъ пораженъ былъ не менѣе своего подчиненнаго невѣроятнымъ безобразіемъ этого порядка вещей и тотчасъ же возбудилъ вопросъ о его измѣненіи. Началась объ этомъ переписка, кажется даже, что послѣдовало какое-то распоряженіе, но старый обычай удержался и, сколько мнѣ извѣстно, держится доселѣ.

Я останавливаю вниманіе читателей на этомъ обстоятельствѣ и желалъ-бы, чтобъ они вникли въ чрезвычайную его важность въ особенности потому, что именно въ исторіи распространенія Православія очень многое имъ объясняется. Я разумѣю массу изумительныхъ, рѣзкихъ противорѣчій въ показаніяхъ крестьянъ. Когда начали вникать въ значеніе религіознаго движенія сороковыхъ годовъ, обозначились три мнѣнія. Нѣкоторые, весьма немногіе, признавали въ основѣ этого движенія потребность духовнаго свойства, совершенно искреннюю, не отрицая, что къ ней примѣшивались разнаго рода соціальныя побужденія; другіе утверждали, что перемѣна вѣры была не болѣе какъ случайною формою, въ которую облеклось исканіе болѣе сносной вещественной обстановки;

третьи видѣли во всемъ этомъ не болѣе какъ послѣдствія соблазнительнаго подговора какихъ-то неуловимыхъ подстрекателей. При такомъ разнорѣчіи, естественно было обратиться къ самимъ крестьянамъ; но дѣло въ томъ, что на нихъ ссылались сторонники и представители всѣхъ трехъ приведенныхъ объясненій. Православный священникъ доносилъ: „такіе-то и такіе-то крестьяне, придя ко „мнѣ, заявили о желаніи своемъ присоединиться къ Церкви; „при этомъ, они положительно объяснили, что не ожи„даютъ отъ перемѣны вѣры никакой вещественной льго„ты, ни земли, ни облегченія въ повинностяхъ, но не хо„тятъ имѣть дѣла съ своимъ пасторомъ и просятъ, чтобъ „запретили помѣщику препятствовать имъ въ исполненіи „ихъ желанія.“ На другой день, Орднунгсъ-Рихтеръ писалъ: „по донесенію вотчиннаго управленія такого-то, что „мѣстные крестьяне бунтуютъ, произведено было на мѣстѣ „изслѣдованіе, при чемъ крестьяне (тѣ самые, которыхъ „поименовывалъ священникъ) заявили, что какой-то неиз„вѣстный „русскій человѣкъ“ — солдатъ или причетникъ, „въ корчмѣ, уговаривалъ ихъ не слушаться помѣщика, „увѣрялъ ихъ, что всѣ принявшіе Православіе получатъ „даромъ землю и совѣтывалъ имъ скорѣе идти къ священ„нику; что сбитые этими рѣчами съ толку, они пошли къ „священнику, что тамъ ихъ обнадежили относительно на„дѣла, и что они записались въ число желающихъ перейти „въ Православіе, о чемъ теперь горько сожалѣютъ.“ — Генералъ-Губернаторъ, получая единовременно такого рода увѣдомленія, приходилъ въ недоумѣніе. Кто нибудь да лгалъ, это было очевидно; но кому же вѣрить? Онъ посылалъ на мѣсто, прямо отъ себя, надежнаго чиновника, на спросъ котораго тѣ же крестьяне объявляли „что они „никогда и не думали бунтовать, никакихъ таинственныхъ „подстрѣкателей не видали, но что они точно крайне не„довольны своимъ пасторомъ, и, глядя на другихъ, пože-

„лали быть одной вѣры съ Царемъ и съ Русскими, а „тамъ пусть будетъ что́ будетъ! Хуже того что есть все-таки не будетъ!“ — Еще разъ: кому же вѣрить? — „Какъ кому?“ — отвѣчаютъ Нѣмцы — „Орднунгсъ-Рихтеръ „предъявляетъ вамъ составленный имъ актъ — это юриди-„ческое доказательство, а все остальное не болѣе какъ бол-„товня“! — Но въ томъ-то и сила, что этотъ актъ есть не болѣе какъ свидѣтельство Орднунгсъ-Рихтера о томъ, что́ говорилось на допросѣ, а не закрѣпленное слово самаго опрошеннаго; слѣдовательно, нельзя называть его *подлинным*, въ строгомъ и точномъ, а не въ Лифляндскомъ значеніи этого слова.

Какъ ни призрачна была та свобода, личная и общественная, которую пріобрѣли крестьяне въ 1819 году, однако она послужила для дворянства предлогомъ къ испрошенію у правительства радикальной отмѣны всѣхъ прежнихъ постановленій, ограничивавшихъ помѣщика въ распоряженіи крестьянскою землею и въ требованіи барщины. Правительство не высмотрѣло ловушки. Вообразивъ себѣ, что сдѣлавшись изъ крѣпостныхъ людей полноправными гражданами, крестьяне уже не нуждались въ спеціальныхъ законахъ, которые бы обезпечивали за ними право пользованія землею въ опредѣленномъ количествѣ и на условіяхъ признанныхъ безобидными, оно легкомысленно пожертвовало самымъ понятіемъ о крестьянской землѣ (въ смыслѣ надѣла, долженствующаго навсегда оставаться въ пользованіи крестьянъ) и упразднило обязательную силу незадолго передъ тѣмъ составленныхъ вакенбуховъ (своего рода подворныхъ уставныхъ грамотъ). Помѣщикамъ и крестьянамъ предоставлено было договариваться полюбовно о наймѣ вторыми у первыхъ земли и о размѣрѣ повинностей, не стѣсняясь въ этомъ отношеніи никакими предустановленными правилами (§§ I, VI, VII, XII, 20, 23, 40 и др.). Такой радикальный разрывъ съ историческимъ опытомъ вѣ-

ковъ, самъ по себѣ, потрясалъ хозяйственный бытъ всего крестьянскаго сословія и, рано или поздно, долженъ былъ поставить его въ зависимость отъ землевладѣльцевъ во многихъ отношеніяхъ болѣе тягостную чѣмъ прежнія крѣпостныя отношенія; а при той лжесвободѣ, о которой было говорено выше, при тѣхъ, для крестьянъ въ высшей степени обидныхъ законодательныхъ мѣрахъ, которыми обусловленъ былъ переходъ отъ крѣпостнаго состоянія къ свободѣ*), наконецъ: при господствовавшей на мѣстахъ системѣ односторонняго примѣненія этихъ мѣръ, клонившейся не къ смягченію ихъ суровости, а къ исчерпыванію до суха ихъ выгодности для помѣщиковъ, гибельныя послѣдствія положенія 1819 года должны были довольно скоро обнаружиться. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, онѣ уже не составляли тайны для людей хорошо знавшихъ край, хотя еще и не обращали на себя вниманія высшаго правительства.

Лучшія крестьянскія полевыя угодья были отобраны помѣщиками и прирѣзаны къ господскимъ полямъ; туда же постепенно отходили и заросли (Buschland) по мѣрѣ того какъ онѣ разчищались упорнымъ трудомъ крестьянъ. Многіе крестьянскіе дворы были вовсе упразднены; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ упразднены были всѣ**); въ иныхъ мѣстностяхъ, вотчинныя управленія дробили крупные дворы на мелкія хозяйства съ цѣлью привязать къ мѣсту всегда сподручныя и дешевыя рабочія силы; въ другихъ, слѣдовали противоположной системѣ, слагая изъ многихъ дворовъ средняго размѣра небольшое число крупныхъ, въ видахъ сосредоточенія крестьянской земли въ рукахъ немногихъ, зажиточныхъ хозяевъ, какъ болѣе исправныхъ въ

*) Подробное ихъ изложеніе отлагается до спеціальнаго изслѣдованія о крестьянской реформѣ въ Прибалтійскомъ краѣ.

**) Заявлено Лифляндскимъ помѣщикомъ, въ послѣдствіи Ландратомъ, барономъ г. Фалькерзамомъ, въ Комитетѣ 1846 года.

отбываніи повинностей. Черезъ двадцать лѣтъ по освобожденіи крестьянъ и по введеніи Положенія 1819 года, барщина все еще составляла единственный видъ повинностей; о денежномъ оброкѣ не было и помину, не только въ дворянскихъ, но и въ казенныхъ имѣніяхъ, которыя всѣ находились въ арендномъ содержаніи; размѣръ повинностей рѣдко гдѣ стоялъ ниже прежней, вакенбухами установленной нормы, и во многихъ имѣніяхъ былъ *чрезвычайно возвышенъ.**) Вообще и независимо отъ числа рабочихъ дней, повинности стали противъ прежняго не въ примѣръ обременительнѣе, вопервыхъ: по отношенію къ уменьшившемуся количеству и къ понизившемуся достоинству земли оставленной подъ крестьянскими

---

*) Подлинное выраженіе генералъ-губернатора барона Палена въ рапортѣ Государю Императору при представленіи на Высочайшее утвержденіе такъ называемыхъ 22 пунктовъ (дополненія къ Положенію 1819 года). Передъ этимъ, тотъ же баронъ Паленъ, въ Сентябрѣ 1841 года, писалъ „что жалобы крестьянъ на обремененіе ихъ работами происходили отъ существовавшихъ законовъ о контрактныхъ отношеніяхъ между помѣщиками, какъ отдатчиками, и крестьянами, какъ съемщиками земель принадлежавшихъ первымъ; ибо помѣщикъ, при опредѣленіи условій найма, *ничѣмъ не ограниченъ*, крестьянинъ же, удерживаемый долгами и другими обязанностями, не всегда въ состояніи пользоваться принадлежащимъ ему правомъ оставлять мѣсто жительства и искать себѣ въ другихъ имѣніяхъ аренды на болѣе выгодныхъ условіяхъ". — Какъ бы изумился баронъ Паленъ, если бы кто нибудь предсказалъ ему, что изданіе того самаго Положенія 1819 года, которое онъ осуждалъ такъ радикально, будетъ праздноваться черезъ 50 лѣтъ, какъ счастливое для крестьянъ событіе! Не менѣе радикально судилъ объ этомъ бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ И. Г. Сенявинъ по объѣздѣ Лифляндіи въ 1845 году. Вотъ его слова: „несмотря на номинальную свободу, крестьяне находятся въ полной зависимости отъ дворянства и, сравнительно, состояніе ихъ сдѣлалось гораздо хуже чѣмъ оно было въ 1804 году" (Чтенія, 1865. Кн. 4. стр. 189). Наконецъ, въ журналѣ государственнаго совѣта (Департ. закон. и эконом.) 20 Янв., 20 Февр. 2, 5, 9, 12. 28 Марта 1860 года No. 17, по проэкту новаго Положенія о крестьянахъ Лифляндской губерніи, напечатано буквально о Положеніи 1819 года слѣдующее: „отъ этого новаго порядка, благосостояніе Лифляндскихъ крестьянъ примѣтно пришло въ упадокъ (стр. 1. строки 13 и 14)". — Съ тѣхъ поръ какъ это писалось, мы конечно далеко ушли, не знаю только впередъ ли?

дворами, во-вторыхъ: по усилившейся взыскательности въ наблюденіи за работами и по неопредѣленности или несоразмѣрности уроковъ, отчасти также вслѣдствіе введенія новыхъ, хозяйственныхъ пріемовъ и усовершенствованныхъ системъ полеводства, послужившихъ предлогомъ къ усиленію безурочныхъ работъ въ раздѣлъ.

Ничто не даетъ такого яснаго понятія о тогдашней барщинѣ какъ тѣ правила, которыя, послѣ уже волненій 1841 года, изданы были *для ея облегченія* и, въ то время, были прославлены какъ благодѣянія свидѣтельствовавшія о великодушіи Лифляндскихъ помѣщиковъ. Было, напримѣръ, постановлено не считать рабочаго дня прогульнымъ и не числить его въ долгу на хозяинѣ крестьянскаго двора, если послѣдній выставилъ работника куда слѣдовало по наряду и если заданный урокъ не могъ быть исполненъ по обстоятельствамъ отъ работника независившимъ (§ 12 такъ называемыхъ 77^ми^ дополнит. правилъ 1845 года) — слѣдовательно, прежде, крестьяне отвѣчали и за всякое уклоненіе атмосферы отъ распоряженій вотчинной конторы, напримѣръ за несвоевременный дождь, за наводокъ и т. д. Запрещено было наряжать подводы во время посѣва, жнитва и въ распутицу — прежде это дѣлалось — а денной путь ограниченъ былъ 35 верстами съ кладью и 40 верстами порожнякомъ (тамъ же § 10 и §§ 10 и 11 правилъ 1842 года). Опредѣлено было, что когда крестьянинъ, по распродажѣ его движимости на покрытіе его долговъ, присуждался къ отработкѣ остальнаго взысканія въ пользу помѣщика, срокъ таковой отработки не долженъ былъ простираться далѣе года, причемъ помѣщикъ имѣлъ право наряжать на работу женатаго должника не болѣе четырехъ дней въ недѣлю, а холостаго ежедневно (§§ 42, 43, 44 правилъ 1845 года) — прежде должникъ обращался въ безсрочную кабалу. Введено было новое правило, что работа на барщинѣ не

должна была продолжаться болѣе 12 часовъ въ сутки *на кругъ*, въ продолженіи цѣлаго года (тамъ же § 10.) — Стало быть, въ лѣтнюю пору, она могла длиться и долѣе, а всетаки это правило считалось льготою. Спрашивается: сколько же насчитывалось рабочихъ часовъ въ суткахъ въ прежнее время, до введенія этого благодѣтельнаго ограниченія? — При нарядѣ на барщину въ дальнее мѣсто, за проходъ 20 верстъ велѣно было зачитывать день (§ 13 правилъ 1842 года) — стало быть, прежде, зачета вовсе не дѣлалось или онъ дѣлался въ еще меньшемъ размѣрѣ. Запрещено было съ одного двора требовать на работу въ одинъ день болѣе половины работниковъ, по закону полагаемыхъ на этотъ дворъ (по величинѣ двора), не распространяя однако этого правила на работы полевыя и на уборку сѣна (тамъ же § 18). — Изъ этого видно, что прежде можно было производить сгономъ всѣ работы безъ исключенія.

Законъ допускалъ между помѣщиками и крестьянами какъ словесныя сдѣлки о наймѣ земли, такъ и письменные контракты на срокъ не свыше 50 лѣтъ (§§ 479, 480); но на практикѣ, они заключались на самые короткіе сроки (именно потому, что повинности быстро возвышались) обыкновенно на одинъ годъ, и почти всегда на словахъ. Законъ требовалъ, чтобы словесная сдѣлка заносилась въ книгу приходскаго суда приходскимъ нотаріусомъ, который былъ не болѣе какъ наемнымъ служителемъ мѣстныхъ дворянъ (§§ 480, 481); но, на практикѣ, это требованіе не исполнялось. Условія сдачи, разумѣется, всегда диктовалъ помѣщикъ; но кромѣ условій договоренныхъ и положительно высказанныхъ, законъ признавалъ еще нѣкоторыя общія условія, которыя всегда подразумѣвались, если только отмѣна ихъ не была формально выговорена сторонами. Къ числу такихъ условій принадлежали слѣдующія: съемщикъ не можетъ, безъ особаго на то разрѣшенія владѣльца, выкарче-

вывать пней для разчистки новыхъ мѣстъ подъ посѣвъ; получивъ на то разрѣшеніе, не можетъ снимать къ ряду, съ нови, болѣе трехъ хлѣбовъ; не можетъ засѣвать за разъ болѣе $^{1}/_{24}$ нови, ни удобрять ее иначе какъ древесною золою; не долженъ никому продавать ни своихъ дровъ, ни своей соломы, ни своего сѣна и т. д. (§ 482).

Въ какой степени, при системѣ такъ называемыхъ добровольныхъ соглашеній, заключенное съ крестьяниномъ условіе дѣйствительно ограничивало произволъ владѣльца, объ этомъ читатель легко составитъ себѣ понятіе вникнувъ въ слѣдующія статьи закона.*)

Если помѣщикъ потребуетъ удаленія арендатора (т. е. крестьянина-хозяина) со двора, или уничтоженія заключеннаго о сдачѣ двора условія, *за дурное веденіе хозяйства, небреженіе о строеніяхъ, запущеніе полей, неисполненіе договоренныхъ повинностей*, или *по другимъ закономъ признаваемымъ причинамъ*, и мірской судъ, по надлежащемъ изслѣдованіи дѣла, удостовѣрится въ основательности жалобы и опредѣлитъ удалить арендатора или уничтожить контрактъ; то, хотя арендатору и не воспрещается подать апелляцію на такое рѣшеніе, однако мірской судъ отбираетъ у него дворъ, въ видахъ предупрежденія дальнѣйшаго его разстройства, и въ тоже время налагаетъ запрещеніе на такую часть имущества арендатора, которая, впредь до рѣшенія высшей инстанціи, служила бы обезпеченіемъ исполненія по рѣшенію мірскаго суда (§ 130).

Если (въ такомъ же случаѣ) мірской судъ представитъ помѣщику возраженія на его требованія и послѣд-

---

*) Предупреждаю, что во всѣхъ цитатахъ, я ручаюсь за вѣрную передачу *смысла*, но не могу (хотя бы это было гораздо для меня легче) всегда буквально держаться Русскаго текста, который въ сущности есть только переводъ съ нѣмецкаго, при томъ переводъ крайне безграмотный, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до невѣроятной степени неточный

ній не уважитъ ихъ, то, вопреки этимъ возраженіямъ, требованіе помѣщика *приводится безпрекословно въ исполненіе*, на его страхъ и отвѣтственность; при этомъ однако мірскому суду предоставляется *правo* (въ обязанность не вмѣняется) войти въ приходскій судъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ сдѣланнаго распоряженія (послѣ того какъ арендаторъ уже выгнанъ со двора) и о присужденіи съ помѣщика вознагражденія. Приходскій судъ старается покончить дѣло мировою, а въ случаѣ неуспѣха, принимаетъ мѣры для обезпеченія интересовъ стороны понесшей ущербъ, и обращаетъ дѣло на рѣшеніе въ уѣздный судъ (§§ 131, 170, 172).

Если арендаторъ приведетъ снятый имъ дворъ въ упадокъ, или если возникнетъ *поводъ опасаться*, что онъ *не исполнитъ* принятыхъ имъ на себя обязанностей, то владѣлецъ имѣетъ право, буде арендаторъ внесъ залогъ, требовать, чтобъ судъ нарядилъ слѣдствіе и чтобъ за тѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, постановлено было рѣшеніе о точномъ исполненіи условій и о вознагражденіи за происшедшую, по винѣ арендатора, порчу въ строеніяхъ или въ землѣ, или же: *о немедленномъ упраздненіи контракта*, буде окажется, что залогъ недостаточенъ для покрытія вознагражденія и для обеспеченія на будущее время точнаго исполненія арендаторомъ принятыхъ на себя обязанностей (§ 489).

Всякій искъ возникшій изъ аренднаго условія и не оспориваемый противною стороною, удовлетворяется исполнительнымъ порядкомъ (§ 486).

Тѣмъ же порядкомъ удовлетворяется всякое требованіе помѣщика, на его страхъ, буде оно предъявлено на арендатора не внесшаго залога, хотя бы арендаторъ и не признавалъ положительно безспорности требованія, хотя бы онъ даже не подалъ повода, простымъ оставленіемъ предъявленнаго требованія безъ опроверженія, предпола-

гать, что онъ признаетъ его безспорнымъ. Но если въ послѣдствіи это требованіе окажется неосновательнымъ, то помѣщикъ обязанъ вознаградить арендатора за всѣ убытки и сверхъ того внести штрафъ въ волостную сумму (§ 487).

Если арендаторъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, отказывается отъ исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, то судъ можетъ его къ этому *принудить порядкомъ исполнительнымъ*, въ видахъ предупрежденія всякой остановки въ ходѣ полевыхъ работъ; при чемъ однако ему не возбраняется, съ своей стороны, *подать въ судъ* жалобу на помѣщика, буде и послѣдній также не выполняетъ условій (§ 488).

Итакъ, подъ предлогомъ *неисправностей* не только въ отбываніи повинностей, *но и въ хозяйствѣ самаго арендатора*, неисправностей, въ которыхъ личная вина его могла быть очень сомнительна, даже подъ предлогомъ *предположенія* неисправности въ будущемъ, требованіе помѣщика объ отобраніи двора и объ уничтоженіи условія, удовлетворялось исполнительнымъ порядкомъ, хотя бы справедливость требованія оспоривалась противною стороною и отвергалась нижестоящею судебною инстанціею, которой всѣ члены, по закону, утверждались, а на практикѣ — назначались помѣщикомъ. Что же касается до арендатора согнаннаго со двора и оставшагося безъ крова, то въ утѣшеніе, ему предоставлялось начать искъ противъ помѣщика судебнымъ порядкомъ, при чемъ онъ непремѣнно долженъ былъ лично имѣть хожденіе по своему дѣлу, по крайней мѣрѣ въ двухъ инстанціяхъ (приходскомъ и уѣздномъ судахъ) такъ какъ только уѣздный судъ могъ постановить рѣшеніе, и то подлежавшее дальнѣйшему обжалованію. Но и этого было мало для огражденія помѣщичьихъ интересовъ отъ дарованной крестьянамъ свободы. Опытные практики придумали такіе мудреные контракты, съ такими кляузными и

многосложными обязанностями, что не было физической возможности выполнять ихъ въ точности. Это впрочемъ и не требовалось отъ арендаторовъ, пока они были *покорны*, но служило надежнымъ противъ нихъ орудіемъ, на случай еслибъ они вздумали зазнаться, или еслибы помѣщику понадобился, для своихъ разсчетовъ или прихотей, или для вымещенія своего личнаго неудовольствія, благовидный предлогъ.

Если такъ не трудно было, во всякое время, не выжидая истеченія контрактнаго срока, отобрать отъ арендатора снятый имъ дворъ, то понятно, что согнать батрака нанявшагося по условію на работу, было еще легче. Тутъ достаточно было заявить о непослушаніи, упорствѣ, подачѣ дурныхъ примѣровъ и т. п. (§ 468). Нельзя конечно оспоривать, что большой просторъ данный произволу помѣщика, въ этомъ случаѣ, оправдывался самымъ свойствомъ отношеній между хозяиномъ и наемнымъ работникомъ; но законъ шелъ гораздо далѣе строго-необходимаго. Помѣщикъ, отпуская батрака, выдавалъ ему письменную аттестацію, въ которой онъ имѣлъ право опорочить его и тѣмъ помѣшать ему пристроиться у другаго хозяина, а когда опороченный подавалъ на это жалобу, то судъ *отъ него же* долженъ былъ требовать доказательствъ несправедливости аттестаціи (§ 473) — юридическихъ доказательствъ, что онъ не лѣнивъ, не сварливъ, не невоздержанъ и т. д.!

Вообще, дѣла въ Лифляндіи велись такимъ образомъ, чтобы каждый крестьянинъ считалъ себя во всякое время хозяиномъ своего двора или пристроеннымъ къ работѣ, не по праву и не въ силу обоюду обязательнаго договора, а благодаря личному великодушію и снисходительности помѣщика; оттого, хорошимъ управляющимъ или прикащикомъ слылъ тотъ, у котораго никогда ни одинъ крестьянинъ не разсчитывался съ вотчинною конторою

на чистоту, то-есть не выходилъ никогда изъ долговъ, неисправностей и провинностей, только до поры и времени на немъ терпимыхъ.

Таково было въ сороковыхъ годахъ, основанное на личной свободѣ и на добровольныхъ договорахъ, обеспеченіе хозяйственнаго быта Лифляндскихъ крестьянъ.

Латыши исповѣдывали Протестантскую вѣру по чистѣйшему Аугсбургскому символу, но почему? — этого конечно они сами не знали. Какъ пришли они къ этой вѣрѣ? — этого они не помнили, да и нечего было помнить. Кажется, что и предки ихъ, свидѣтели окончательнаго торжества Протестантства надъ Латинствомъ на Балтійскомъ поморье, какъ будто не замѣтили, что ихъ перечислили изъ одной вѣры въ другую; по крайней мѣрѣ, въ извѣстіяхъ того времени, не осталось никакихъ слѣдовъ хотя бы малѣйшаго участія Лифляндскаго простонародія въ религіозномъ кризисѣ, совершившемся на его глазахъ и въ собственной его жизни.*) Видно только, что Латыши о старой своей вѣрѣ не жалѣли, но и не просили новой; за первую не стояли, да и второй не сочувствовали: та и другая была имъ навязана, безъ всякаго съ ихъ стороны внутренняго запроса; обѣ, въ равной степени, были для нихъ чужія, а своей, народной вѣры у нихъ не стало съ той самой поры какъ погибло древнее ихъ язычество. Та вѣра точно была для нихъ своя, и оттого они бились за нее долго, съ такимъ упорствомъ, которое теперь, при взглядѣ на нынѣшнихъ Латышей и Эстовъ кажется невѣроятнымъ; она, въ былыя времена, дѣйствительно проникала на сквозь всю жизнь народа, и оттого миѳическія преданія объ этой старой

*) Остзейскіе ученые давно ищутъ и не находятъ никакихъ извѣстій о водвореніи и распространеніи Лютеранства въ деревняхъ. (Harless, Geschichtsbilder aus der Luther. Kirche Livlands 13.)

вѣрѣ доселѣ сливаются съ его скудными воспоминаніями о самомъ себѣ, въ какихъ-то давно прошедшихъ, лучшихъ вѣкахъ.*) Но къ несчастію, торжество христіанства надъ язычествомъ въ Лифляндіи было такою же побѣдою матерьяльной силы какъ и торжество пришлой Нѣмецкой народности надъ туземною. Оттого, ни Латинство, ни Протестантство не унаслѣдовали отъ старой вѣры ея нравственной, дѣйственной силы, и не заняли ея мѣста въ душѣ народа. Безъ всякой натяжки можно сказать, что у Латыша не было и нѣтъ ни своей Христіанской исторіи, ни своихъ Христіанскихъ героевъ, ни своей народной святыни. Какъ въ прежнее время Латинство, такъ въ позднѣйшее и въ настоящее Протестантство, было и остается для простаго народа вѣрою господъ, и въ этомъ понятіи о барской вѣрѣ исчезало и исчезаетъ для него всякое различіе между Латинствомъ и Протестантствомъ. Позднѣе, онъ встрѣтился еще съ одною вѣрою, и тогда возникъ въ умѣ его мудреный вопросъ: что лучше, вѣра *барская* или вѣра *Царская?* — но объ этомъ рѣчь впереди.

Кромѣ указанной причины, были и другія, помѣшавшія Протестантству, въ цѣлыхъ два съ половиною вѣка, проникнуть въ умы и сердца Латышей. Даже не исповѣдуя Протестантства, и не считая его прогрессомъ въ такъ называемомъ развитіи Христіанской идеи, а напротивъ осуждая его какъ рѣшительное уклоненіе отъ полноты и цѣльности церковнаго преданія, нельзя однако не признавать громадной, исторической его силы какъ просвѣтительнаго начала; но мы не погрѣшимъ противъ са-

*) Слѣды язычества, съ помѣсью Христіанскихъ символовъ, долго держались въ народѣ. Въ концѣ XVII вѣка, тогдашній Шведскій Генералъ-Губернаторъ издавалъ строгіе приказы объ упраздненіи, разрушеніи и истребленіи всякихъ суевѣрій и признаковъ стараго идолопоклонства, въ томъ числѣ наставленныхъ *Крестовъ*. Гораздо еще позднѣе около 1835 года, одинъ Лифляндскій пасторъ узналъ о существованіи языческаго жертвенника и разрушилъ его

маго строгаго безпристрастія, прибавивъ къ этому, что по самой природѣ Протестантства, сущность его недоступна людямъ безграмотнымъ, темнымъ, для которыхъ пора историческаго развитія не наступила. Сознательное къ нему сочувствіе можетъ зародиться только на умственной почвѣ особеннымъ образомъ подготовленной и взрытой; оно предполагаетъ за собою много передуманнаго, перечувствованнаго и пережитаго, даже непремѣнно много отвергнутаго, а за Латышами ничего подобнаго не было; было только много отнятаго у нихъ силою: личная свобода, земля, начатки своеобразнаго общественнаго быта и т. д. Отсутствіе точекъ прямаго соприкосновенія между первобытными понятіями Латышей и духомъ новой вѣры, въ которую они были зачислены, могло бы конечно, до нѣкоторой степени, восполниться нравственнымъ вліяніемъ проповѣдниковъ этой вѣры, если бы между пастырями и пасомыми установилась прочная связь, основанная на взаимномъ довѣріи и сочувствіи; но ничего даже похожаго на это въ Лифляндіи не было. Мы уже знаемъ каковы были отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ въ области экономической — по тому же самому типу сложились, въ области церкви, отношенія Лютеранскаго духовенства къ прихожанамъ Латышскаго происхожденія. Здѣсь какъ и тамъ, въ распредѣленіи мѣстнаго народонаселенія на приходы, преобладало начало крупной собственности — небольшое число и огромное протяженіе единицъ, представлявшее непреодолимое препятствіе матеріальнаго свойства тѣсному сближенію прихожанъ съ ихъ духовнымъ начальствомъ. Отчасти по этому, отчасти потому, что многіе пасторы плохо зная по Латышски и Эстски, едва могли объясняться съ своими прихожанами*), образовался, для ежедневныхъ

*) Императрица Екатерина II, при учрежденіи семинаріи для образованія духовенства, первая вмѣнила знаніе народнаго языка въ непремѣнную обязанность сельскимъ пасторамъ, но это условіе не строго соблюдалось.

между ними сношеній, цѣлый классъ посредниковъ, такъ называемыхъ форминдеровъ (нисшаго разряда церковныхъ служителей) совершенно соотвѣтствовавшихъ оффиціалистамъ вотчиннаго управленія: прикащикамъ, нарядчикамъ, смотрителямъ. Форминдеры употреблялись для передачи прихожанамъ приказаній духовнаго ихъ начальства и даже для исполненія требъ, особенно хлопотливыхъ и мало прибыльныхъ. Хозяйственное положеніе сельскаго духовенства разработано было до малѣйшихъ подробностей, и своею строго юридическою опредѣленностью, свидѣтельствовало о томъ, что именно эта сторона отношенія пастырей къ пасомымъ составляла главный предметъ заботъ духовенства. Существовала цѣлая система обязательныхъ сборовъ и повинностей на удовлетвореніе его нуждъ — своего рода церковные вакенбухи. Сюда входили (кромѣ доходовъ болѣе или менѣе случайныхъ, какъ-то: платы и приношеній разнаго рода за требы, за экзамены, за конфирмацію и т. д.) вопервыхъ: особеннаго рода общественные сборы или оброки хлѣбомъ, припасами или деньгами (Persellen и Kühlmite); эти оброки раскладывались на прихожанъ, и за исправность взносовъ отвѣчало общество, круговою порукою; во-вторыхъ, въ пользу пасторатовъ не владѣвшихъ приписными къ нимъ населенными вотчинами, мірскія общества отбывали вспомогательную барщину, поставкою опредѣленнаго числа работниковъ и, сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, высылали на работу бобылей; вмѣсто этой повинности, сельскіе промышленники, какъ-то: корчмари, мельники и дворовые люди, облагались въ пользу пасторовъ подушнымъ денежнымъ сборомъ; въ-третьихъ, многіе пасторатъ имѣли собственныя земли, на которыхъ водворены были крестьяне, нѣкогда крѣпостные, потомъ объявленные свободными; эти крестьяне арендовали дворы, отбывали поземельныя повинности и подлежали мѣрамъ взысканія на основаніи

тѣхъ самыхъ правилъ, какими опредѣлялись отношенія помѣщиковъ-дворянъ къ водвореннымъ на ихъ земляхъ крестьянамъ; въ-четвертыхъ, при постройкѣ и ремонтѣ церковныхъ домовъ, мірскія общества обязаны были подвозить строевой матеріалъ отпускаемый помѣщикомъ и, сверхъ того, ставить отъ себя солому, половину денегъ потребныхъ на расходы по постройкамъ и давать рабочихъ безъ вознагражденія (§§ VII, 518, 519). Мы не скажемъ ничего новаго, а только повторимъ фактъ общеизвѣстный и общепризнанный, прибавивъ къ этому, что, за рѣдкими исключеніями, пасторы усвоили себѣ и возрѣніе помѣщиковъ на крестьянъ. Въ своихъ прихожанахъ Латышскаго происхожденія, духовенство видѣло не болѣе какъ рабочую силу причисленную къ Протестантской церкви, для обеспеченія матеріальныхъ ея нуждъ, и вѣрную оброчную статью, которая доставляла пасторамъ средства посвящать себя занятіямъ болѣе привлекательнымъ чѣмъ духовное воспитаніе Латышей, напримѣръ: устройству своихъ дѣтей, ученымъ трудамъ, музыкѣ, садоводству и т. п. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, личныя отношенія пасторовъ къ прихожанамъ были даже хуже отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Неограниченное на дѣлѣ господство помѣщиковъ надъ простонародьемъ основано было на фактѣ племеннаго превосходства и на правѣ полной поземельной собственности. Господство сельскаго духовенства надъ прихожанами изъ крестьянъ также подбито было сознаніемъ безконечнаго превосходства германской крови надъ Латышскою; но къ этому сознанію примѣшивалось еще особенное чувство высокомѣрнаго пренебреженія человѣка образованнаго, хотя недостаточно, къ вовсе необразованному, чувство изсушающее душу и убивающее въ ней всякую любовь къ меньшей братьѣ. На самомъ дѣлѣ, средній уровень книжнаго образованія пасторовъ не превышалъ предѣла тѣхъ познаній и той

начитанности, безъ которыхъ протестантское духовенство, по самому характеру своего служенія, не можетъ обойтись; но несмотря на его ограниченность, или точнѣе — вслѣдствіе его ограниченности, это скудное и самодовольное образованіе проводило между пастырями и пасомыми непроходимую черту. „Der Kirchenherr“ (буквально: Церковный баринъ) — такъ до сихъ поръ именуется пасторъ, въ отличіе отъ другаго барина — помѣщика.*) Наконецъ, въ довершеніе параллелизма, подобно тому какъ земская полиція строго наблюдала, чтобы крестьяне не переступали самовольно административныхъ границъ прихода и губерніи, такъ точно таже земская полиція смотрѣла и за тѣмъ, чтобы крестьяне не отступали въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ отъ догматовъ Аугсбургскаго исповѣданія, въ которомъ заключены были ихъ совѣсти. Ей, то есть полиціи, ввѣрено было и охраненіе Протестантскаго правовѣрія. Я знаю, что это покажется большинству читателей невѣроятною клеветою. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, заподозрить Лифляндію въ посягательствѣ на свободу совѣсти, когда ея сыны, въ заграничныхъ своихъ изданіяхъ, такъ громко распинаются именно за эту свободу и, во имя ея, взываютъ противъ насъ Русскихъ къ общественному мнѣнію Европы и Америки? На этотъ вопросъ я отвѣчу простою справкою. Вмѣстѣ съ Положеніемъ 1819 года, вышелъ полицейскій уставъ для Лифляндскихъ крестьянъ, сочиненный, также какъ и это Положеніе, не въ Петербургѣ, а въ Ригѣ и содержащій въ себѣ слѣдующія двѣ статьи: „начинающій въ

---

*) Г. Экгардъ, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній на Окраины Россіи, увѣряетъ будто бы перешедшіе въ Православіе Латыши пренебрегали своими священниками между прочимъ потому, что послѣдніе не имѣли *барскихъ манеръ* (dieser Geistliche, der nicht einmal die Manieren eines „Herrn“ hatte стр. 209). Почтенный авторъ кажется и не подозрѣваетъ, что священнику отнюдь и не подобаетъ смотрѣть бариномъ.

публичныхъ мѣстахъ споры о вѣрѣ подвергается строгому выговору, а буде оный не подѣйствуетъ, то и полицейскому наказанію (§ 541). Буде кто затѣетъ новую секту и, *по увѣщаніи полиціи*, не оставитъ вреднаго своего намѣренія, то таковой берется подъ стражу и *отсылается въ Орднунгсъ-Герихтъ* (Земскій Судъ) *своего округа для принятія въ разсужденіи его далнѣйшихъ мѣръ* (§ 543)". Приведенныя статьи (которыхъ конечно никогда не цитуетъ ни г. Фонъ-Боккъ, ни его многочисленные подражатели) замѣчательны какъ образчики Протестантской послѣдовательности въ примѣненіи свободы изслѣдованія и свободы совѣсти, то есть именно того начала, которому Протестантство обязано своимъ бытіемъ. Мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ нимъ въ послѣдствіи, а теперь указываемъ на нихъ какъ на предупредительныя мѣры придуманныя и внесенныя въ законъ, въ виду какихъ-то опасеній за будущность.

Что прописанныя статьи устава 1819 года были продиктованы Лифляндскимъ дворянствомъ, которому онѣ были внушены тамошнимъ духовенствомъ, — въ этомъ никто сколько нибудь знакомый съ обыкновеннымъ способомъ составленія законовъ для Остзейскаго края конечно не усомнится; съ одинаковою увѣренностью можно въ настоящемъ случаѣ опредѣлить и тѣ побужденія, которыми при этомъ руководились мѣстные дѣльцы. Пасторовъ въ то время сильно тревожили успѣхи гернгутерства въ Лифляндскихъ деревняхъ и дальновиднѣйшіе изъ нихъ, готовясь къ неминуемой съ нимъ борьбѣ, благоразумно припасали себѣ надежныхъ союзниковъ въ лицѣ агентовъ земской полиціи. Изъ записокъ Православнаго Латыша, читателямъ уже извѣстно, что стремленіе къ Православію зародилось въ массѣ народонаселенія предварительно подготовленной гернгутерствомъ и потому необходимо теперь же сказать нѣсколько словъ о ма-

лоизвѣстномъ у насъ мѣстномъ значеніи этой секты въ Лифляндіи.

Во второй половинѣ прошлаго вѣка, въ средѣ Германскаго Протестантства господствовало направленіе популярно — раціоналистическое, подъ вліяніемъ котораго церковь постепенно превращалась въ школу, а вѣроисповѣданіе въ философскую систему. Озабоченные пріисканіемъ для догматовъ вѣры научной подбивки, богословы того времени довольно безцеремонно обрубали ихъ, прилаживая Христово ученіе къ тогдашнимъ понятіямъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нравственно распущенномъ обществѣ, какъ будто испарялась дѣйственная сила Христіанства. Въ противодѣйствіе школѣ и общественному настроенію, изъ болѣе или менѣе отчетливаго, но въ основѣ своей все-таки вѣрнаго ощущенія мертвенности научныхъ формулъ и внутренняго безначалія въ жизни, возникли въ Германіи секты извѣстныя подъ названіемъ піетизма и гернгутерства.

Обѣ имѣли свой корень не въ догматикѣ, а въ области религіознаго чувства — это было ихъ общее свойство, которымъ онѣ рѣзко отличались отъ древнихъ ересей. Но въ дальнѣйшемъ развитіи, піетизмъ расплылся въ поэтическихъ мечтахъ, тогда какъ гернгутерство удержалось, и до сихъ поръ держится, на болѣе практической почвѣ личнаго и общественнаго воспитанія въ духѣ Христіанскаго благочестія. Вѣрные своему происхожденію отъ общепротестантскаго корня, гернгутеры, также какъ и Лютеръ, убѣждены въ коренномъ поврежденіи религіознаго идеала, завѣщаннаго Церкви ея божественнымъ основателемъ, и въ необходимости возстановить его въ первобытной его чистотѣ. По ихъ мнѣнію, Церкви, въ истинномъ значеніи этого слова, теперь уже нѣтъ, а учрежденіе называющее себя этимъ именемъ есть только пародія Церкви, или, во всякомъ случаѣ, не болѣе какъ

преддверіе къ ней, нѣчто въ родѣ Церкви ветхозавѣтной.

Это однако не значитъ, чтобъ человѣчество окончательно погибло. Истинные сыны Божьи, жаждущіе благодатнаго возрожденія, никогда не переводились; они существуютъ и теперь — это члены пока еще разрозненной будущей Церкви. Имъ нужно только опознаться, образовать изъ себя духовное братство, слив воедино свои дары и стремленія; тогда осѣнитъ ихъ неоскудѣвающая благодать, самъ Христосъ заключитъ съ ними тѣсный союзъ и, такимъ образомъ, изъ малаго на первое время стада, составится со временемъ истинная Христова Церковь. Въ сущности, гернгутеры берутся съизнова за ту практическую задачу, которой, по ихъ мнѣнію, не смогли разрѣшить апостолы съ ихъ преемниками. Въ процессѣ постепеннаго строенія истинной Церкви, гернгутеры допускаютъ два момента, которымъ соотвѣтствуютъ двѣ формы общежитія: подготовительная, или такъ называемая *община* (Societät) и окончательная: *братство* (Bruderschaft).

Въ общину принимаются послѣдователи всѣхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, Лютеранскаго, Реформатскаго и другихъ, при чемъ отъ нихъ даже не требуется, чтобъ они отдѣлились отъ своихъ единовѣрцевъ. Напротивъ, имъ вмѣняется въ обязанность исправно посѣщать свою церковь, исполнять ея предписанія и оказывать ея пастырямъ глубочайшее уваженіе; за тѣмъ, какъ члены общины заключившей *специальный союзъ* съ Христомъ, они должны также присутствовать на ея собраніяхъ, участвовать на ея духовныхъ упражненіяхъ и подчиняться безусловно руководству ея наставниковъ, которымъ ввѣряется попеченіе о ихъ душахъ. Въ этомъ смыслѣ, образованіе общины не есть еще расколъ, по крайней мѣрѣ не влечетъ за собою раскола проявленнаго; но это конечно но-

вая, своего рода небольшая церковь, выростающая въ организмѣ мѣстной церкви, и питающаяся ея соками: ecclesiola in ecclesioe. Можно сказать, что въ силу подразумѣваемой сдѣлки, въ которую охотно вступаютъ гернгутеры съ мѣстнымъ духовенствомъ, они, на первыхъ порахъ, оставляютъ господствующей церкви плоть, а себѣ берутъ душу своихъ послѣдователей. Въ отличіе отъ общинъ, братства составляютъ уже частицы вполнѣ самостоятельной церкви, имѣющія свою особенную іерархію и не признающія надъ собою никакой иной духовной власти. Члены каждой общины, независимо отъ подготовляемыхъ къ вступленію въ духовный союзъ (оглашаемыхъ) подраздѣляются на разряды или степени, соотвѣтствующія мѣрѣ полученной благодати. Община управляется старшиною, который назначается изъ среды ея членовъ, но не по выбору, а по жребію, которому гернгутеры придаютъ значеніе божественнаго указанія. Подготовленіе оглашаемыхъ и забота о духовномъ совершенствованіи членовъ поручается наставникамъ, изъ коихъ каждый имѣетъ на своемъ попеченіи отъ 5^ти^ до 6^ти^ душъ; надъ нѣсколькими таковыми общинами, отъ 12^ти^ до 20^ти^, ставится тѣмъ же порядкомъ, то есть по жребію, діаконъ, обязанный руководить старшинъ и наставниковъ. Діаконы, въ свою очередь, подчиняются мѣстному Пресвитеру, а Пресвитеры центральному управленію всей ассоціаціи въ Гернгутѣ. За исключеніемъ старшинъ, наставниковъ и чтецовъ, всѣ прочіе начальники (діаконы, Пресвитеры и т. д.) назначаются непремѣнно изъ числа братьевъ и образуютъ какъ бы звенья той непрерывной цѣпи, которою общины связуются съ братствами.

Въ Остзейскомъ краѣ, всѣ нисшія должности (наставниковъ, старшинъ, уставщиковъ и т. д) замѣщались всегда изъ туземцевъ, т. е изъ Латышей и Эстовъ; а діаконы

и Пресвитеры присылались изъ за границы. Народъ считалъ ихъ пророками и святыми.

Собственно братствъ, какъ совершенно самостоятельныхъ религіозныхъ обществъ, въ Остзейскомъ краѣ, говорятъ, никогда не было; были и существуютъ только общины, подъ руководствомъ братчиковъ, такъ называемыхъ diaspora — Arbeiter (трудящихся въ разсѣяніи).*)

Какъ всѣ сектанты, въ разныя времена мечтавшіе о возстановленіи будто бы исчезнувшей съ лица земли апостольской церкви, гернгутеры рабски подражаютъ своему идеалу, воспроизводя въ своемъ кругу преимущественно тѣ случайныя формы общежитія, которыя, въ частномъ и общественномъ быту апостоловъ обусловливались тогдашнею историческою обстановкою горсти Христіанъ затопленныхъ Іудействомъ и язычествомъ. У нихъ бываютъ разнаго рода собранія, такъ называемые *часы* (Stunden), частью открытыя для всѣхъ, частью болѣе тѣсныя, доступныя однимъ избраннымъ; эти собранія посвящаются чтенію, молитвѣ, пѣнью, назидательнымъ бесѣдамъ, обсужденію разныхъ предметовъ касающихся нуждъ и пользъ отдѣльныхъ лицъ или всего общества, принятію новыхъ членовъ, исключенію недостойныхъ, нравственному исправленію сомнѣвающихся или надающихъ, даже совершенію таинствъ: крещенія, пріобщенія и полугласной исповѣди съ омовеніемъ ногъ. Къ вопросамъ собственно догматическаго свойства, гернгутеры вообще относятся безразлично; они принимаютъ безоговорочно Аугсбургскій символъ, но мирятся и съ ученіемъ реформатовъ, избѣгая вообще всякой полемики и заимствуя отъ догматики только то, что можетъ быть предметомъ внутренняго ощущенія и дѣйствовать на чувство.

Можно сказать, что у нихъ нѣтъ собственнаго своего

*) Сарептскіе же Гернгутеры организованы въ братство.

символа; но есть, вопервыхъ, въ своемъ родѣ образцовая, строго выработанная общественная организація, во вторыхъ: подробно формулированная система внутренняго воспитанія и руководства къ спасенію (разумѣется какъ они его понимаютъ) свидѣтельствующая о глубокомъ разумѣніи высшихъ потребностей души человѣческой. Въ этомъ собственно заключается ихъ спеціальность и ихъ сила. Прежде всего, они стараются пробудить въ каждомъ лицѣ кажущемся имъ достаточно воспріимчивымъ, вниманіе къ самому себѣ, потомъ сознаніе своей грѣховности и живую потребность благодатнаго обновленія; за тѣмъ, они раскрываютъ передъ нимъ тайну искупительной жертвы и, непрестаннымъ устремленіемъ всѣхъ его помысловъ къ страстямъ Христовымъ (это основная тема ихъ пѣсенъ, проповѣдей и бесѣдъ) приводятъ его въ состояніе напряженнаго умиленія, которое тщательно въ немъ поддерживается. При этомъ, ему даютъ чувствовать, что только черезъ посредство общества, состоящаго будто бы въ какомъ то особенномъ, таинственномъ союзѣ съ Искупителемъ, и можетъ личность жаждущая спасенія воспользоваться заслугами Христа и, такъ сказать, пріобщиться къ нимъ. Такимъ образомъ, въ понятіяхъ подготовляемаго, вступленіе въ общество мало по малу отождествляется съ завершеніемъ внутренняго оправданія; наконецъ, по принятіи въ общество передъ новымъ членомъ открывается дальнѣйшій путь духовнаго совершенствованія, въ той же средѣ и подъ руководствомъ тѣхъ же наставниковъ, которые могутъ возводить его съ нисшихъ степеней на высшія.

Латышей и Эстовъ, не имѣвшихъ почти никакого понятія о догматическомъ ученіи вѣроисповѣданія въ которое они были зачислены и, въ тоже время, не находившихъ въ скудныхъ и сухихъ обрядахъ своей церкви ничего такого къ чему бы они могли привязаться хотя бы силою

привычки, весь этотъ процессъ, съ его привлекательною таинственностью и съ множествомъ духовныхъ упражненій искусно разсчитанныхъ на возбужденіе нервной системы, естественно долженъ былъ поразить какъ совершенно новое откровеніе свыше. Чтобъ отдаться всею душею нежданнымъ проповѣдникамъ доброй вѣсти, имъ даже не отъ чего было отрекаться; въ душѣ ихъ было пустое мѣсто и гернгутеры заняли его безъ боя. Этимъ въ особенности (не безъ участія конечно и другихъ причинъ, о которыхъ будетъ говорено ниже) объясняется изумительная быстрота распространенія и несомнѣнно благотворное вліяніе гернгутерства на массу простаго народа въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ.

Оно проникло туда около 1730 года и притомъ не случайно, а благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ пасторовъ. Одни изъ нихъ (особенно воспитанники Галльскаго Университета) сами сочувствовали гернгутерству; другіе, сознавая свою немощь, надѣялись найти въ братчикахъ послушныхъ себѣ помощниковъ, а третьи радовались представлявшейся возможности, оставя на свою долю почетъ, доходы и покойную жизнь, возложить на другихъ скучныя заботы о душахъ своихъ прихожанъ. Въ высшемъ дворянствѣ (особенно между женщинами) новое ученіе нашло также восторженное сочувствіе и дѣятельное покровительство. Первые прибывшіе изъ за границы братчики, осмотрѣвшись въ новой для нихъ средѣ, тотчасъ же вошли въ сношеніе съ простонародіемъ и, съ свойственнымъ имъ искуствомъ, умѣли затронуть въ немъ самыя чувствительныя струны. Крестьяне были польщены и тронуты необычно ласковымъ съ ними обращеніемъ ихъ новыхъ наставниковъ и, какъ кажется, не только не пожалѣли о совершенномъ отсутствіи всякаго барства въ ихъ манерахъ, а скорѣе вмѣнили имъ это въ заслугу. Въ немногихъ, наскоро выстроенныхъ молит-

венныхъ домахъ, открылись собранія, такъ называемые *часы*. Сперва крестьяне посѣщали ихъ изъ одного любопытства, потомъ, и очень скоро, они имъ полюбились. Тутъ, на этихъ сходкахъ, Латыши и Эсты, забитые въ тиски крѣпостнаго права, запуганные и обреченные на безмолвье и невѣжество,*) наконецъ вздохнули свободно. Они увидали себя въ первый разъ собранными вмѣстѣ, въ кругу своихъ, для обмѣна мыслей и жалобъ, для безбоязненнаго обнаруженія своихъ духовныхъ потребностей и мірскихъ заботъ, для непосредственнаго, живаго участія въ доступныхъ всѣмъ молитвенныхъ упражненіяхъ. Смѣло можно сказать, что гернгутеры развязалы языки крестьянамъ и что въ молитвенныхъ домахъ, а не въ дворянскихъ и не въ церковныхъ школахъ воспріяло свое начало мѣстное народное образованіе. По иниціативѣ неутомимаго организатора гернгутерской церкви Графа Цинцендорфа, въ 1736 году лично посѣтившаго новонасажденную свою паству, открыта была въ Лифляндіи семинарія на 130 Латышей, для подготовленія учителей изъ туземцевъ.**) Все это заводилось не то что бы тайно, но и не гласно, съ вѣдома мѣстнаго духовенства, отчасти даже съ его одобренія, но безъ утвержденія и вѣдома правительства. Понятно однако, что быстрые успѣхи гернгутеровъ не могли не возбудить подозрѣній. Дальновиднѣйшіе изъ пасторовъ, внутренно сознавая свое безсиліе выдержать соперничество братчиковъ, догадались, что рано или поздно послѣдніе отобьютъ у нихъ, вмѣстѣ

*) При открытіи Дерптскаго Университета, Шведскій Генералъ-Губернаторъ Скитте заявлялъ съ негодованіемъ, что крестьянамъ запрещалось чему либо учиться, дабы легче было держать въ крѣпостной зависимости не только плоть, но и духъ простаго народа.

**) По недостатку туземцевъ способныхъ быть пасторами, сельское духовенство въ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ состояло почти исключительно изъ Шведовъ, а при Русскомъ владычествѣ, долго восполнялось выходцами изъ Германіи незнавшими мѣстныхъ языковъ.

съ ихъ паствою, и ихъ кормленіе; съ другой стороны, помѣщики стали замѣчать, что народъ какъ будто балуется, то есть смотритъ бодрѣе, и отвлекается отъ дѣла, то есть отъ барщины; наконецъ, тѣмъ и другимъ не нравился демократическій характеръ общинъ. Лифляндскій Генералъ-Суперинтендентъ Фишеръ обратился въ Оберъ-Консисторію съ предложеніемъ нарядить формальное слѣдствіе надъ гернгутерами, самовольно вторгшимися въ подвѣдомственную ей одной область церковнаго ученія и тѣмъ посягнувшими на исключительныя права ей присвоенныя, какъ *господствующей* мѣстной церкви. Но еще прежде чѣмъ слѣдствіе было окончено, послѣдовалъ ударъ изъ Петербурга, конечно подготовленный тамошними вліятельными дворянами Остзейскаго происхожденія. Не разобравъ точно въ чемъ было дѣло, Императрица Елисавета Петровна, строгимъ указомъ 16 Апрѣля 1743 года, повелѣла: „*предводительницу* новой секты Графиню Цинцендорфъ*) и всѣхъ прибывшихъ съ нею изъ чужихъ краевъ помощниковъ *учтивымъ образомъ* заарестовать и отправить въ Петербургъ за карауломъ, съ довольнымъ конвоемъ; книги, бумаги и письма ихъ отобрать и доставить туда же; всѣ молитвенные дома запереть, собранія прекратить, всѣмъ Лифляндцамъ впавшимъ въ *развращенное* ученіе Эрнъ-Гутеровъ**) сіе запретить; за тѣмъ, *послѣ всего этого*, донести о результатѣ наряженнаго на мѣстахъ изслѣдованія и о томъ: что̀ именно содержитъ оное Эрнъ-Гутеровъ ученіе, какое онаго употребленіе, въ самомъ дѣлѣ явное или тайное?***) „Всѣ эти строгости

*) Она передъ этимъ пріѣзжала въ Ригу и пробиралась въ Петербургъ, кажется съ цѣлью отвратить ударъ; но ничего не могла сдѣлать и, во время, до арестованія ея, сама выѣхала изъ Россіи. Мужъ ея, напрасно пытавшійся добиться объясненія, былъ высланъ за границу.

**) Такъ они названы въ указѣ.

***) Русскій Архивъ Бартенева 1868. Nr. 9.

мотивированы были тѣмъ, что въ числѣ послѣдователей новой секты оказывалось множество крестьянъ, которые „тѣмъ развращеннымъ ученіемъ будто бы *приводились въ непослушаніе помѣщикамъ и, подъ предлогомъ молитвы, должныя свои работы покидали.*“ Этотъ послѣдній аргументъ, яснѣе всякой подписи, свидѣтельствуетъ о томъ, кто въ этомъ случаѣ подстрекалъ и возбуждалъ правительство. Лифляндское духовенство, позабывъ на сей разъ о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости (къ которой однако громко взывали изъ за границы и въ самой Лифляндіи друзья гернгутеровъ) вдвойнѣ обрадовалось указу; кѣмъ бы онъ ни былъ подсказанъ, отвѣтственность за него всетаки ложилась всецѣло на Русское правительство, а между тѣмъ онъ приходился пасторамъ какъ нельзя болѣе по душѣ. Въ развитіе его, ревностная исполнительница Высочайшей воли — мѣстная Консисторія, живо взялась за дѣло и потребовала: чтобъ всѣ иностранцы, члены заграничныхъ братствъ, были удалены изъ края; чтобъ мѣстнымъ обывателямъ запрещено было имѣть съ ними письменныя сношенія; чтобъ всѣ ихъ изданія, неодобренныя мѣстною цензурою, были изъяты изъ обращенія; чтобъ равномѣрно запрещены были закрытыя а потомъ и всякія гернгутерскія собранія; чтобъ молитвенные дома были разломаны или отобраны на другое употребленіе; чтобъ денежныя кассы были отняты у обществъ и переданы пріютамъ для бѣдныхъ и т. д. Обсуждая эти распоряженія, Г. Гарнакъ, новѣйшій изслѣдователь Лифляндскаго гернгутерства, находитъ, что тамошнее церковное начальство, исполняя обязательныя для него предписанія высшаго правительства, обнаружило въ этомъ случаѣ твердость, мудрость и *кротость* (milde Haltung).*) Это значитъ, что *пасторы*, оказывавшіе

*) Стр. 93.

поблажку гернгутерамъ, *остались на своихъ мѣстахъ;* но только ихъ и пощадили. За то, на заграничныхъ братчиковъ и на крестьянъ обрушилось гоненіе; начались аресты, допросы, ссылки, и новое ученіе озарилось сіяніемъ мученическаго вѣнца. Подрѣзанный корешокъ однако уцѣлѣлъ и пустилъ новые отпрыски. Собранія все-таки продолжались, но въ тайнѣ; люди сходились по ночамъ, въ лѣсахъ, и поддерживали другъ въ другѣ бодрость надеждою на лучшія времена. Времена эти вскорѣ наступили. Въ началѣ царствованія Екатерины II, въ связи съ цѣлымъ рядомъ мѣръ имѣвшихъ цѣлью привлечь иностранцевъ къ водворенію въ Россіи, по просьбѣ заграничной генеральной дирекціи общества братства Евангелическаго, Августинскаго исповѣданія (такъ названы гернгутеры въ указѣ 25 Февраля 1764 года), поручено было Синоду разсмотрѣть ученіе и правила ихъ церкви.

Оказалось „что ученіе сего общества съ Лютеранскимъ, а паче съ Реформатскимъ сходствуетъ, съ малою токмо отмѣною „а потому Императрица сняла запретъ наложенный на гернгутеровъ въ 1743 году, разрѣшила имъ водвореніе въ Россіи, съ правомъ безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру и отправлять свое богослуженіе, на общемъ основаніи изданнаго прежде манифеста, слѣдовательно — всетаки подъ условіемъ не привлекать въ свою вѣру христіанъ другихъ исповѣданій.*)

Въ послѣдствіи, въ царствованіе Императора Александра I, подъ вліяніемъ господствовавшаго либеральнаго мистицизма, и это законное ограниченіе было почти упразднено. Члены Евангелическаго братскаго общества въ Остзейскихъ губерніяхъ (слѣдовательно братчики въ тѣсномъ смыслѣ, въ отличіе отъ членовъ мѣстныхъ об-

*) Полн. Собр. зак. XVI No. 11880 и 12057.

щинъ) испросили себѣ въ 1817 году*) жалованную грамоту, преисполненную всякихъ имъ похвалъ (между прочимъ за успѣшное наставленіе словомъ и примѣромъ наипаче поселянъ), которою были имъ дарованы слѣдующія, важныя права: „устроивать, учреждать и содержать *подъ своимъ* присмотромъ, какъ то и доселѣ было, *для духовной пользы и назиданія Латышей, Эстовъ и другихъ желающихъ*, молитвенные дома или собранія по городамъ, селеніямъ и деревнямъ, съ согласія владѣльца земли и съ вѣдома начальства городскаго, *безъ всякаго впрочемъ въ томъ препятствія.* Въ оныхъ молитвенныхъ домахъ или собраніяхъ, могутъ свободно сходиться всѣ желающіе, по прежнему донынѣ заведенію, кромѣ часовъ для обыкновеннаго по церквамъ богослуженія назначенныхъ и во время свободное отъ работъ. Симъ молитвеннымъ назидательнымъ для чтенія Слова Божія, моленія и *приличныхъ наученій* учреждаемымъ, *состоять подъ руководствомъ и управленіемъ старшихъ и членовъ братскаго Евангелическаго общества*“ (п. 2). Далѣе: „поелику на принадлежащихъ обществу сему участкахъ земли находятся нынѣ заведенія для воспитанія и обученія дѣтей обоего пола, то оныя нетолько могутъ по прежнему быть продолжаемы, но, *по усмотрѣнію старшинъ общества*, учреждаемы и вновь таковыя. Заведеніямъ симъ состоять подъ непосредственнымъ и *единственнымъ* руководствомъ и надзоромъ упомянутыхъ старшинъ; но впрочемъ, духовному и свѣтскому начальству, до кого то касается, во всякое время не возбраняется оныя заведенія видѣть и имѣть о нихъ свѣдѣнія“. (4)

Какъ видно изъ этихъ выписокъ, гернгутеры получили наконецъ право бытія на законномъ основаніи, даже правительственное поощреніе на продолженіе своей мис-

*) Полн. Собр. зак. XXXIV No. 27113.

сіонерской дѣятельности въ средѣ мѣстной Лютеранской церкви, не ограничиваясь тѣсными предѣлами своего замкнутаго братства. Съ этой минуты, они развернулись на свободѣ, не имѣя болѣе причинъ скрывать свои успѣхи. Остается указать на плоды ихъ неутомимой дѣятельности. Я сдѣлаю это исключительно на основаніи оффиціальныхъ свидѣтельствъ противной стороны, то есть членовъ мѣстной Лютеранской церкви.

Покуда эта церковь „*погружена была въ мертвый сонъ*“ братчики оживили въ народѣ религіозный смыслъ и благочестіе. Къ нимъ пристала *лучшая часть* поселянъ, самые богатые и способные, сравнительно съ другими наиболѣе развитые и нравственные, въ томъ числѣ большинство должностныхъ крестьянъ, какъ то: судей, нарядчиковъ, смотрителей, учителей и церковныхъ старостъ. Это отпаденіе *лучшихъ* болѣе всего оскорбляло самолюбіе пасторовъ. Благодаря составу общинъ, онѣ получили въ Лифляндіи исключительно мѣстный характеръ, вовсе имъ чуждый въ другихъ земляхъ, именно характеръ *національнаго*, полурелигіознаго, полусоціальнаго учрежденія, къ которому народъ привязался всею душою, признавая его вполнѣ своимъ — характеръ, котораго не имѣло и не имѣетъ оффиціально господствующее Лютеранство. Иными словами: въ средѣ провинціальной церкви образовалась въ первый разъ дѣйствительно *народная церковь*, и чѣмъ быстрѣе росла и крѣпла послѣдняя, тѣмъ ощутительнѣе падала и разлагалась первая. Сплетенная гернгутерскими діаконами сѣть соціально-религіозныхъ учрежденій раскинулась по всей Лифляндіи; около 1819 года, насчитывалось до 144 общинъ и болѣе 30 тысячъ членовъ, въ томъ числѣ, начальствующихъ: Нѣмцевъ, прибывшихъ изъ за границы, 44, а туземцевъ 1000; въ послѣдствіи, число общинъ возросло до 250, а числа членовъ до 50 тысячъ. Лютеранской Церкви угрожала ви-

димая опасность опустѣть въ конецъ и превратиться въ ненужный сосудъ лишенный всякаго содержанія. Правда, гернгутеры не напрашивались на явный съ нею разрывъ и оказывали ея служителямъ наружное уваженіе, но это происходило отъ полнаго къ нимъ пренебреженія. Гернгутеры отбили у церкви ея народъ и отняли у народа его церковь. Нетолько въ кругу общинъ, *но и въ массѣ сельскаго народонаселенія не вошедшей въ ихъ составъ*, укоренилось убѣжденіе, что общины стоятъ безконечно выше церкви, *что церковь многаго не имѣетъ, что между прочимъ ей недостаетъ благодати, которой она потому не можетъ и передавать своимъ членамъ, что служители ея не болѣе какъ своего рода чиновники, и что вообще духовное просвѣщеніе и заботы о душахъ вовсе не ихъ дѣло**) Едвали когда нибудь доводилось какой либо церкви приносить болѣе полное сознаніе въ своей немощи.

Понятно, что въ такомъ положеніи, простое чувство самосохраненія должно было наконецъ вызвать Лютеранское духовенство на рѣшительную борьбу. Вникнувъ въ свое незавидное положеніе, оно прежде всего нашло нужнымъ подкрѣпить себя полицейскими средствами, испросивъ

---

*) Все это извлечено изъ книги доктора Гарнака: Die Lutherische Kirche Livlands und die Hernhuterische Brüdergemeinde etc. Erlangen 1860. Авторъ долго жилъ въ Лифляндіи, занималъ довольно видное мѣсто въ тамошней іерархіи, принималъ живое участіе въ ея борьбѣ съ гернгутерами, принадлежалъ къ числу самыхъ строгихъ и послѣдовательныхъ ихъ противниковъ, наконецъ написалъ свою книгу по порученію особой Коммиссіи учрежденной Лифляндскимъ провинціальнымъ Синодомъ въ 1852 году и, слѣдовательно, пользовался всѣми мѣстными матерьялами. Надобно прибавить, что сужденія автора о гернгутерствѣ, *какъ ученіи*, свидѣтельствуютъ о глубокомъ пониманіи сущности Христіанства и что, сравнительно съ другими изданіями Балтійскаго происхожденія, трудъ его отличается рѣдкою добросовѣстностью въ изложеніи фактовъ. Видно искреннее желаніе быть безпристрастнымъ, выдержанное настолько, насколько это вообще возможно въ сочиненіи издаваемомъ съ цѣлью явно полемическою и въ защиту дѣла далеко не безусловно праваго. Авторъ успѣлъ даже уберечься отъ бранчивыхъ выходокъ противъ Россіи и Православія.

ихъ у правительства, разумѣется, до поры до времени не обнаруживая своихъ намѣреній. Въ этомъ помогъ ему особенно Князь Ливенъ, бывшій попечитель Дерптскаго Университета, въ послѣдствіи иезидентъ Генеральной Консисторіи и Министръ народнаго просвѣщенія. Прежде всего, нужно было подготовить законное основаніе для начатія дѣйствій противъ гернгутеровъ. Самый благопріятный къ тому поводъ представился самъ собою, при составленіи новаго устава Лютеранской Церкви въ Россіи и наказа Лютеранскому духовенству. Умные люди ухитрились включить въ уставъ статью слѣдующаго содержанія: „частныя молитвенныя собранія, выходящія изъ предѣловъ семейственнаго или домашняго общаго моленія, дозволяются не иначе *какъ съ разрѣшенія Консисторіи* и съ вѣдома мѣстнаго гражданскаго начальства. При семъ должны быть наблюдаемы слѣдующія правила: 1) чтобъ въ сихъ собраніяхъ *никто не имѣлъ права проповѣдывать* (freie Vorträge zu halten*) или совершать святыя таинства, и чтобы всѣ дѣйствія оныхъ ограничивались чтеніемъ Св. Писанія, *безъ всякихъ толкованій*, или же одобренныхъ консисторіями разсужденій духовнаго содержанія, равномѣрно *безъ всякихъ прибавленій и толкованій*, и пѣньемъ духовныхъ пѣсней или произнесеніемъ молитвъ, также разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ Консисторіями. 2) чтобъ сіи собранія назначались не во время общественнаго богослуженія и ни въ какомъ случаѣ не могли сдѣлаться поводомъ къ предосудительнымъ въ христіанскомъ обществѣ расколамъ или къ какому либо нарушенію церковнаго или же гражданскаго порядка (§ 17). „Въ наказѣ**), эти статьи были развиты слѣдующимъ образомъ: право дозволять частныя духовныя собранія выходящія изъ предѣловъ

*) То есть говорить отъ себя, не ограничиваясь чтеніемъ напечатаннаго съ разрѣшенія цензуры.

**) Полн. Собр. зак. VII NNo. 5870 и 5871.

обыкновеннаго, домашняго богослуженія принадлежитъ *лишь мѣстнымъ Консисторіямъ.* Консисторіи дозволяютъ учрежденіе духовныхъ собраній только такимъ людямъ, которые пользуются въ приходахъ общимъ уваженіемъ, не были замѣчены ни въ какихъ противозаконныхъ или навлекающихъ стыдъ и безчестіе дѣлахъ, *состоятъ въ Россійскомъ подданствѣ и суть постоянные жители того мѣста, гдѣ они намѣрены имѣть собранія* (§ 23). — Приходскіе проповѣдники, *если не они сами руководствуютъ сіи собранія, должны, по крайней мѣрѣ, какъ можно чаще посѣщать оныя, для надзора за всѣмъ въ нихъ происходящимъ.* Если они откроютъ въ сихъ собраніяхъ какія либо злоупотребленія или безпорядки, то должны стараться немедленно прекратить оныя, сначала посредствомъ увѣщаній, а потомъ увѣдомляя мѣстную Консисторію, которая, удостовѣрясь въ истинѣ донесенія, *запрещаетъ собраніе* и объявляетъ о причинахъ сего участвующимъ въ ономъ чрезъ приходскаго проповѣдника. Если же, вопреки запрещенію Консисторіи, собранія будутъ продолжаться, то она обращается къ мѣстному начальству требуя прекращенія оныхъ и *наказанія неповинующихся ея предписаніямъ* (§ 24).

Прописанныя статьи, какъ видно, изложены были въ самой общей формѣ; дѣльцы редактировавшіе ихъ благоразумно воздержались отъ прямаго указанія на гернгутеровъ и, конечно, не вывели на справку выданной имъ въ 1819 году жалованной грамоты, а высшее правительство, вѣроятно, объ ней не вспомнило. Но такъ какъ уставъ подрѣзывалъ въ корнѣ права дарованныя братству и шелъ въ разрѣзъ съ грамотою, то между этими двумя выраженіями Высочайшей воли должно было произойти на практикѣ неминуемое столкновеніе. Этого то именно и желало Лютеранское духовенство, разсчитывая, что во всѣхъ частныхъ пререканіяхъ, какъ только дѣло дойдетъ

до дополнительныхъ разъясненій и разрѣшеній, оно, при содѣйствіи своихъ Петербургскихъ патроновъ, непремѣнно одолѣетъ своихъ темныхъ противниковъ. Такъ и случилось. Еще до изданія устава, Лифляндская Консисторія исходатайствовала у Генералъ—Губернатора рядъ административныхъ распоряженій, въ силу которыхъ отнесены были къ числу *безпорядковъ и злоупотребленій:* обычай гернгутерскихъ проповѣдниковъ объѣзжать приходы, привлеченіе въ общины крестьянъ и назначеніе въ должности наставниковъ при общинахъ *необразованныхъ туземцевъ* (то есть Латышей и Эстовъ)*). Вслѣдъ за тѣмъ, потребованъ былъ списокъ всѣхъ молитвенныхъ домовъ и предписано было, чтобъ новые молитвенные дома *не открывались безъ разрѣшенія Генералъ—Губернатора;* изъ числа существовавшихъ, закрыто было въ это время и въ послѣдующее болѣе двухъсотъ (по счету гернгутеровъ). Наконецъ, Высочайшими повелѣніями 14 Апрѣля 1834 и 24 Марта 1839 годовъ, всѣ правила устава формально примѣнены были къ молитвеннымъ домамъ гернгутеровъ и вообще *запрещено было протестантамъ вступать въ общины.***)

Само собою разумѣется, что гернгутеры не безмолвствовали, а шагъ за шагомъ отстаивали свои права или свои притязанія. Между привиллегированною, оффиціально господствующею церковью и церковью народною завязалась продолжительная тяжба, въ которой обѣ стороны

*) Вспомнимъ, что всѣ гернгутерскія общины въ Лифляндіи находились въ непосредственномъ завѣдываніи старшинъ избранныхъ изъ Латышей и Эстовъ, а старшины подчинялись діаконамъ. Теперь старшины признаны были неспособными къ этому дѣлу по недостатку образованія, а діаконы, *какъ не Русскіе подданые* временно проживавшіе въ Лифляндіи, устранялись силою новаго устава. Такимъ образомъ, общины были обезглавлены. Ловко!

**) А. Г. Гарнакъ всетаки находитъ, что церковь *слишкомъ мало и рѣдко* пользовалась противъ гернгутеровъ своими правами. Казалось бы: чего же больше!

перекидывались всевозможными доводами, ссылками, взаимными попреками и обвиненіями. — „Вы не составляете отдѣльной церкви, вы Лютеране, и потому должны безусловно покоряться мѣстному церковному правительству“ — говорили пасторы и оберъ-пасторы, обращаясь къ гернгутерамъ. — „Если мы Лютеране (чего мы и не отрицаемъ)“ отвѣчали Гернгутеры, „то не отнимайте у насъ того права, которому Протестантство обязано своимъ бытіемъ, свободы вѣроисповѣданія и свободы слова.“ — „Да какіе вы Лютеране!“ возражала на это Консисторія, „вы ставите Аугсбургскій символъ ни во что, вы ввели у себя небывалыя таинства, исповѣдь, жеребій, омовеніе ногъ, у васъ свои праздники, которыхъ мы не знаемъ, своя іерархія, свое ученіе, свои богослужебныя книги.“ — „Пусть такъ, но если вы насъ отвергаете и не считаете насъ своими, то вамъ до насъ нѣтъ и дѣла, и мы можемъ надѣяться, что вы оставите насъ въ покоѣ.“ — „Нѣтъ! мы мѣстная, господствующая церковь (Herrschende Landeskirche) и вы не смѣете заводить въ ней расколовъ.“ —

Гернгутеры конечно ссылались безпрестанно на жалованную грамоту Императора Александра I и этимъ приводили въ немалое затрудненіе своихъ противниковъ. — „Не стыдно-ли было“ говорили пасторы „помимо церкви и, такъ сказать, за ея спиною, испрашивать себѣ привилегій въ явный ей ущербъ? Не грѣшно-ли и теперь, въ дѣлѣ чисто духовномъ, становиться подъ защиту свѣтской власти и жаловаться ей на вашихъ законныхъ пастырей?“ — „Такъ для чегоже“ отвѣчали гернгутеры сами же вы обращаете противъ насъ составленный вами церковный уставъ, ссылаясь на права дарованныя вамъ тою же властью? Для чего напускаете вы на насъ полицію?“

„А почемужъ бы намъ не ссылаться на наши права? Или вы еще не вычитали, что велѣніямъ предержащей

власти самъ Богъ велѣлъ повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть?“*)

Борьба происходила одновременно въ области догматики, каноническаго права, гражданскихъ законовъ, и сопровождалась подпольными интригами на всѣхъ пунктахъ, въ крестьянскихъ лачугахъ, на тайныхъ сходкахъ, въ Лифляндскихъ лѣсахъ, въ канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ и въ пріемныхъ Министровъ.

На первыхъ порахъ, многіе изъ членовъ духовенства, сознавая силу гернгутерства, несомнѣнную пользу имъ

---

*) Любопытно бы было изучить въ подробности этотъ диспутъ и изложить его параллельно съ диспутомъ той же Лютеранской церкви съ Православною, по поводу нерехода Лютеранъ въ Православіе, смѣшанныхъ браковъ и т. д. Это бы раскрыло передъ нами цѣлую систему понятій и пріемовъ совершенно отъ насъ ускользающую. Къ немалому изумленію нашему, мы увидали бы, что Лифляндское духовенство, *въ одно и тоже время*, проводило двѣ, одна другой совершенно противоположныя теоріи, прибѣгая, смотря по обстоятельствамъ и по характеру противниковъ съ которыми оно имѣло дѣло, къ цѣлымъ серіямъ взаимно опровергающихся аргументовъ. Такъ, напримѣръ, въ диспутѣ своемъ съ Православіемъ, Лифляндское Лютеранство противопоставляло правамъ господствующей въ Имперіи церкви свободу совѣсти, а въ диспутѣ съ гернгутерами, которые постоянно требовали послѣдовательнаго примѣненія этой свободы, оно опиралось на свои права какъ *мѣстной господствующей* церкви. Когда Православное духовенство, объясняя по своему секретный указъ о крещеніи младенцевъ рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ, доказывало, что этимъ частнымъ закономъ правительство конечно не думало нарушать основныхъ постановленій Церкви, Лютеране отвѣчали, что дѣйствіе общаго закона не распространяется на тѣ случаи, для которыхъ въ частныхъ, не менѣе обязательныхъ законахъ, сдѣланы изъятія; а когда гернгутеры отстаивали свои права, выраженныя въ дарованной имъ грамотѣ, какъ привилегію, иначе какъ изъятіе изъ общаго правила, пасторы и Лютеранская Консисторія отвѣчали, что этого допустить нельзя, ибо правительство конечно не имѣло намѣренія нарушать устава Лютеранской церкви. Для такого сравнительнаго изученія нашлось бы много даже печатныхъ матеріаловъ, хоть бы напримѣръ въ книгѣ Гарнака, и особенно въ актахъ и отчетахъ Лифляндскихъ провинціальныхъ Синодовъ, на которые онъ часто ссылается. Почему бы не заняться этимъ дѣломъ кому нибудь изъ преподавателей Рижской Православной Семинаріи или изъ тамошнихъ нашихъ ученыхъ Священниковъ. Это было бы гораздо поучительнѣе и полезнѣе ни къ чему не ведущаго подбиранія бранчивыхъ выходокъ противъ Православія, часто попадающихся въ проповѣдяхъ Лифляндскихъ пасторовъ.

принесенную подъемомъ нравственнаго уровня крестьянъ, и собственное свое безсиліе замѣнить его въ дѣлѣ духовнаго воспитанія массы, придумывали разныя комбинаціи для примиренія общинъ съ церковью; но ни одна изъ предложенныхъ на этомъ основаніи сдѣлокъ не удалась. Соглашеніе было дѣйствительно невозможно и гернгутеры, особенно крестьяне, отвергавшіе всякія съ ихъ стороны уступки, въ этомъ отношеніи были послѣдовательнѣе своихъ противниковъ. Наконецъ и огромное большинство Лютеранскаго духовенства окончательно убѣдилось въ неизбѣжности борьбы на жизнь и смерть. Совокупными усиліями вліятельнѣйшихъ лицъ изъ его среды, въ особенности пасторовъ (въ послѣдствіи Лифляндскихъ Суперинтендентовъ) Клота и Вальтера, разныхъ Коммиссій и мѣстныхъ Синодовъ, выработался цѣлый планъ кампаніи. Какъ выразился одинъ Синодъ, рѣшено было приложить сѣкиру къ корню дерева. Выше было замѣчено, что большая часть старшинъ и наставниковъ руководившихъ общинами занимала кромѣ того разныя должности по вотчиннымъ и общественнымъ управленіямъ. Такое сочетаніе въ однѣхъ рукахъ духовной власти съ судебно-полицейскою конечно могло подавать поводы къ злоупотребленіямъ со стороны этой своего рода крестьянской аристократіи и, естественно, возбуждало зависть въ бобыляхъ и бѣднякахъ, особенно въ людяхъ слабыхъ, тяготившихся крайне строгою гернгутерскою дисциплиною. Пасторы подмѣтили въ кругу общинъ этотъ зародышъ антагонизма и нѣкоторые изъ нихъ воспользовались имъ довольно удачно, выдавъ себя за эмансипаторовъ бѣднѣйшихъ и угнетенныхъ; вообще, интриги хорошо удавались пасторамъ; за то ихъ многословныя и желчныя проповѣди противъ гернгутеровъ имѣли мало успѣха. Гораздо болѣе эффекта производили на слушателей скорбныя жалобы и запальчивыя выходки противъ оффиціальной церкви какого нибудь оратора

самоучки, раздававшіяся на ночныхъ сходкахъ, въ лѣсахъ, при картинной обстановкѣ напоминавшей малому стаду считавшихъ себя избранниками Божьими первобытныя времена мучениковъ.

Взаимное раздраженіе росло съ каждымъ днемъ и уже доходило до крайней степени напряженія передъ самымъ тѣмъ временемъ какъ началось движеніе изъ Лютеранства въ Православіе.

Мы отклонились бы слишкомъ далеко въ сторону еслибы захотѣли прослѣдить далѣе судьбу гернгутерства въ Лифляндіи; нужно было только ознакомиться съ нею какъ съ однимъ изъ характерныхъ симптомовъ тогдашняго настроенія Латышей и Эстовъ и потому кстати будетъ теперь еще разъ обратить вниманіе читателей именно на эту сторону дѣла.

Никому не приходило въ голову объяснять быстрое развитіе гернгутерства на нашей Балтійской окраинѣ чьими либо подпольными интригами или подкупами. Братчики не обѣщали, да и не могли обѣщать Латышамъ и Эстамъ никакихъ вещественныхъ выгодъ. Напротивъ, вступленіе въ общины сопряжено было съ очевидными неудобствами и тягостями. Вопервыхъ, всѣ расходы общинъ, на постройку молитвенныхъ домовъ, на покупку книгъ, на содержаніе діаконовъ и т. д. падали довольно ощутительнымъ бременемъ на скудныя средства самихъ членовъ; во вторыхъ, строгость гернгутерской дисциплины, обязательное воздержаніе отъ пьянства и распутства, пуританизмъ нравственныхъ требованій и безпрестанный контроль со стороны общества, которому долженъ былъ подчиняться каждый изъ его членовъ, не представляли по себѣ ничего, въ житейскомъ отношеніи, особенно соблазнительнаго. Наконецъ, обязанность посѣщать кирки и въ тоже время участвовать непремѣнно во всѣхъ собраніяхъ общины сопряжена была съ потерею времени, очень чувстви-

тельною для людей обреченныхъ на трудовую жизнь почти безъ отдыха. И не смотря на то, народная масса съ такимъ жаромъ ринулась въ полуотверзтую дверь, за которою мелькалъ въ ея глазахъ образъ идеальной Церкви, что оффиціальное Лютеранство пошатнулось въ своей основѣ и едва не осталось безъ паствы. Можно ли послѣ этого отрицать, что прежде чѣмъ началось движеніе въ другую сторону, прежде чѣмъ помыслы простаго народа обратились къ Православію, въ массѣ бродила глубокая живая, хотя и не вполнѣ выяснившаяся потребность чисто духовнаго свойства не находившая себѣ удовлетворенія въ оффиціальномъ Лютеранствѣ?

Въ запискахъ о распространеніи Православія въ Лифляндіи, частью изданныхъ, частью оставшихся въ рукописяхъ, не разъ упоминалось о томъ, что первыя сѣмена христіанства занесены были въ Прибалтійскій край изъ Россіи, именно изъ Полоцкаго княжества*), что церковь наша имѣла представителей въ Русскомъ городѣ Юрьевѣ (Дерптѣ)**) и что можетъ быть отъ этихъ древнихъ временъ вели свое начало продолжавшіяся въ сороковыхъ годахъ сношенія Лифляндскихъ крестьянъ Протестантскаго вѣроисповѣданія съ Православными церквами и священниками въ нѣкоторыхъ пограничныхъ приходахъ.***)

---

*) Одинъ Лифляндскій лѣтописецъ заявляетъ, что Русскіе князья (въ отличіе отъ Нѣмецкихъ) не имѣли обыкновенія навязывать свою вѣру покореннымъ ими племенамъ: est consuetudo regum Ruthenorum quemcunque gentem expugnaverint *non* fidei Christianae subjicere. (Изд. Губера 3 й выпускъ стр. 166).

**) Къ соборной Православной церкви въ Дерптѣ приписано было въ началѣ XIII вѣка до 24 деревень. Въ Ригѣ была Русская Церковь въ эпоху Орденскаго владычества, подчиненная Псковскому епископу, въ Пернавѣ также.

***) Такъ, Латыши имѣли обыкновеніе посѣщать Якобштатскую Церковь, въ Курляндіи, для служенія молебновъ. Это видно изъ Церковныхъ приходорасходныхъ книгъ и, по свидѣтельству мѣстнаго причта, получалось въ десятеро больше дохода отъ Лютеранъ чѣмъ отъ своихъ прихожанъ. Латыши и Эсты хаживали также ежегодно, цѣлыми партіями, на богомоліе

Приведенные факты несомнѣнны, и нѣтъ причины не признать въ нихъ случайно уцѣлѣвшей нити, конечно очень слабой и тонкой, которая могла до нѣкоторой степени послужить указаніемъ для крестьянъ, когда началось въ нихъ религіозное броженіе; но нельзя придавать этому большаго значенія и, во всякомъ случаѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Протестантское духовенство, если и знало объ этихъ мелочахъ, то конечно нисколько ими не тревожилось, принимая ихъ за признаки грубаго суевѣрія Латышей. Но другія явленія, правда изолированныя и мало у насъ извѣстныя, могли возбуждать въ немъ небезосновательныя опасенія. Такъ, напримѣръ, около 1800 года, цѣлый Верхнеустинскій пасторатъ Верросскаго уѣзда (нынѣ тогожъ названія приходъ Псковской эпархіи) перешелъ изъ Лютеранства въ Православіе и новообращеннымъ поставленъ былъ священникъ ими избранный изъ ихъ среды. Другой подобный случай оффиціально засвидѣтельствованъ. Я передамъ его буквально, по Протестантской версіи: „Виндавскій пасторъ Керберъ донесъ, что на принадлежащемъ къ его приходу при мызѣ Кастеръ островѣ Чудскаго озера называемомъ Піари-Сааръ, живутъ Эсты

въ Печерскій монастырь, на границѣ Псковской губерніи и Лифляндіи. Около Пернавы и въ другихъ мѣстностяхъ Лифляндіи, крестьяне издавна хаживали къ Православнымъ священникамъ за святою водою, заказывали имъ заздравные молебны, покупали у нихъ свѣчи и. т. п. Бывшій профессоръ Дерптскаго университета Р . . . . свидѣтельствовалъ какъ очевидецъ „что задолго до движенія 1841 года, въ воскресные и праздничные дни, Православныя Церкви въ Дерптѣ наполнялись Латышами и Чухнами, которыхъ конечно никто туда не гналъ и не приглашалъ. Напротивъ, этихъ незванныхъ гостей священники, обыкновенно, приказывали выводить, ссылаясь на то, что и своимъ тѣсно. Крестьяне ставили передъ иконами свѣчи, молились, совершали поминовенія по усопшимъ, нѣкоторые даже соблюдали посты. и т. д.“ О подобныхъ признакахъ наклонности къ Православію до 1841 года, упоминалъ, также какъ очевидецъ Архіепископъ Псковскій Наѳанаилъ въ рапортѣ Синоду 21 Окт. 1841 No. 488. Замѣчательно, что очень многія Латышскія слова относящіяся къ предметамъ вѣры и богослуженія, повидимому, заимствованы изъ Русскаго.

вмѣстѣ съ Русскими, каковое обстоятельство употребляютъ во зло Эстскіе малолѣтки обоего пола, кои, провинясь въ чемъ либо, или, по лѣтамъ и необразованности своей, не имѣя охоты пріобрѣтать нужныхъ познаній въ религіи, въ то самое время когда имъ, по Лютеранскому вѣроисповѣданію, надлежитъ приготовляться къ первому причащенію, укрываются на Русской части острова и тамъ принимаютъ *Греческое* вѣроисповѣданіе, чему и представилъ онъ четыре примѣра. Его Императорское Величество Государь Императоръ, указомъ 20 Декабря 1813 года, ивволилъ объявить по всей справедливости Высочайшее неодобреніе свое на счетъ *всякаго* обращенія изъ одной вѣры въ другую, и ежели могутъ быть *терпимы* сами по себѣ таковыя перемѣны исповѣданій, то онѣ, *по крайней мѣрѣ*, не должны быть дозволяемы малолѣтнымъ, не свѣдущимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, не познавшимъ еще ученія той церкви, въ которой они окрещены, умалчивая о томъ, чтобъ они были въ состояніи познавать чуждое имъ вѣроисповѣданіе; а всего менѣе можно позволить *наносить безчестіе господствующей вѣрѣ* чрезъ то, что ее почитаютъ убѣжищемъ для грубаго невѣжества и упорствованія *противъ закона и порядка.* И кромѣ вышеупомянутыхъ примѣровъ, доходили уже прежде до свѣдѣнія Лифляндской оберъ-консисторіи *другіе случаи*, что молодые люди, для избавленія себя отъ обязанности знать катихизисъ дабы быть допущенными по закону Лютеранскому къ причащенію, переходили къ Православной Греческой церкви, чтò оскорбляетъ столько же очевидно достоинство сей послѣдней*), сколько и *права Протестантской церкви въ Лифляндіи***). Почему Лифляндская оберъ-

*) Какая трогательная и безкорыстная заботливость о нашей церкви со стороны Лютеранской консисторіи!

**) Это не такъ трогательно, но за то гораздо ближе къ дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ: принять Протестантовъ въ Православную церковь — не тоже

консисторія просила объ учиненіи *запрещенія* православному духовенству, не только на островѣ Піарѣ-Сааръ, но *также всѣмъ и каждому въ Лифляндской губерніи не допускать несовершеннолѣтнихъ и незаконнорожденныхъ, а паче непокорныхъ церкви**) молодыхъ людей протестантскаго исповѣданія *къ принятію Православной вѣры.*“ (Полн. собр. зак. т. XXXVI Nr. 27630, указъ Св. Синода 8 Января 1819).

Все въ этомъ оригинальномъ документѣ заслуживаетъ вниманія. Съ одной стороны, въ немъ выразились очень ярко и осязательно понятія и притязанія Лифляндскаго духовенства, съ которыми мы въ послѣдствіи неоднократно будемъ встрѣчаться. Протестанты переходятъ въ Православіе — значитъ: другихъ побужденій кромѣ унизительныхъ и корыстныхъ тутъ и предполагать нельзя; все дѣло объясняется желаніемъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, лѣнью, уклоненіемъ отъ ученья, грубымъ невѣжествомъ, даже упорствомъ противъ закона. Но почему бы однако не предположить, что обычай Православной церкви, допускающей къ причастію и младенцевъ, могъ подѣйствовать на Эстовъ? Кажется, въ этомъ не было бы ничего невозможнаго. Но Лифляндская консисторія ни о чемъ подобномъ не хочетъ и слышать; она рѣшаетъ дѣло съ плеча: нужно, во что-бы то ни стало, отстоять обязательность установленныхъ ею порядковъ, и потому, не справляясь на сей разъ съ свободою совѣсти, она просто требуетъ отъ начальства запрещенія принимать *непокорныхъ* Лютеранъ въ Православную церковь. О свободѣ и о правахъ христіанской совѣсти Лифляндская кон-

---

ли, что̀ пріютить бѣглыхъ крѣпостныхъ людей или посягнуть на чужбую, оброчную статью?

*) Значитъ: принимать въ Православную церковь можно бы было только *покорныхъ* Протестантской церкви, то есть такихъ, которыхъ бы само Протестантское духовное начальство благословило на переходъ въ Православіе?

систорія вспомнитъ позднѣе, лѣтъ черезъ сорокъ, когда понадобится оправдать отпаденіе Православныхъ въ Лютеранство. Тогда заговорятъ другимъ языкомъ и выставятъ иного рода аргументацію. Не менѣе отчетливо выразилось въ данномъ случаѣ и воззрѣніе высшаго правительства на обращеніе въ Православную вѣру вообще. Хотя именной указъ 20 Декабря 1813 года, на который ссылался Виндавскій пасторъ, не помѣщенъ въ Полномъ собраніи законовъ, однако нѣтъ повода сомнѣваться въ его подлинности, тѣмъ болѣе, что и Святѣйшій Синодъ, при разсмотрѣніи дѣла, не отвергъ ссылки. Да и самое содержаніе, даже тонъ указа — это рѣшительное неодобреніе *всякаго* обращенія изъ одной вѣры въ другую, характеризуетъ какъ нельзя лучше понятія того времени, впрочемъ едвали и теперь вполнѣ отброшенныя высшимъ правительствомъ и особенно высшимъ обществомъ. Конечно, можетъ показаться страннымъ, что такія понятія могли уживаться съ представленіемъ о самодержцѣ, какъ покровителѣ и заступникѣ, чуть ли не главѣ Православной церкви; что такое огульное осужденіе *всякой* перемѣны вѣры, слѣдовательно и перемѣны по искреннему убѣжденію, укоренилось въ странѣ не видавшей на престолѣ, со временъ Елисаветы Петровны, ни одной Императрицы рожденной и воспитанной въ Православной вѣрѣ; наконецъ, что это предвзятое недовѣріе къ высшему проявленію религіозной свободы, по видимому, мирилось съ ученіемъ о свободѣ совѣсти, о которой у насъ въ то время такъ много толковали, рѣшительно не понимая ея сущности; но такія ли еще увидимъ мы странности! Не мѣшаетъ обратить вниманіе и на самый ходъ дѣла по поводу обращенія Эстовъ. Лифляндская духовная консисторія отнеслась съ своимъ ходатайствомъ къ министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицину, который препроводилъ его, не дѣлая отъ себя никакого распоряже-

нія, къ синодальному оберъ-прокурору князю Мещерскому который, въ свою очередь, передалъ его по принадлежности на обсужденіе въ Святѣйшій Синодъ. Туда, въ 1819 году, поступило это дѣло на окончательное разрѣшеніе. Въ сороковыхъ годахъ, дѣла совершенно однородныя, какъ мы увидимъ ниже, производились уже инымъ порядкомъ; въ Синодъ попадали рѣдко, а сосредоточивались и получали разрѣшеніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и особенно въ III отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Но въ 1819 году, корпусъ жандармовъ еще не существовалъ, а Синодъ пользовался правами, если не представительства независимой церкви, то, по крайней мѣрѣ, высшаго правительственнаго учрежденія, помимо и безъ участія котораго не рѣшались ввѣренныя ему дѣла духовнаго вѣдомства.

Разсмотрѣвъ представленіе Лифляндской консисторіи, Синодъ разумѣется рѣшилъ „что воспрещать соединеніе съ Православною церковью тѣмъ изъ иновѣрцевъ, которые ведутся къ тому истиннымъ расположеніемъ, а не другимъ, самою церковью отвергаемымъ видомъ, было бы противно Евангельскому духу.“ Указъ, изъ котораго выписаны эти строки, помѣченъ 8 Января 1819 года; слѣдовательно хорошо былъ извѣстенъ въ Лифляндіи въ Декабрѣ того же года, когда собранное на Ландтагѣ дворянство разсматривало и окончательно редактировало проэктъ Положенія о крестьянахъ. Весьма можетъ быть, что послѣ неудавшейся попытки Лифляндской консисторіи добиться запрещенія присоединять непокорныхъ Латышей и Эстовъ, признано было нелишнимъ заблаговременно прибѣгнуть къ домашнимъ, предупредительнымъ мѣрамъ на случай повторенія странностей подобныхъ тому что произошло въ Виндавскомъ приходѣ.

Теперь, изобразивъ общественную и церковную обстановку Латышей, остается въ короткихъ словахъ напом-

нить тогдашнюю организацію дворянскаго и духовнаго сословій, съ которыми народъ находился въ ближайшемъ соприкосновеніи и долженъ былъ, въ скоромъ времени, придти въ столкновеніе; наконецъ, сказать два слова о тогдашнемъ личномъ составѣ мѣстнаго управленія въ Лифляндіи.

Дворянство стояло, стоитъ и теперь, во главѣ края, какъ первое и передовое сословіе земскаго общества.

Оно дѣлилось на коренное, иначе *рыцарство*, то-есть записанное въ мѣстную матрикулу (дворянскую книгу) и не записанное. Только первое пользовалось полными правами по имуществу и въ составѣ общества, какъ то: правомъ пріобрѣтать дворянскія вотчины не подрергаясь перекупу, правомъ голоса въ собраніяхъ по всякаго рода дѣламъ и правомъ занимать по выбору всякія должности. Дворяне нематрикулированные, покупая дворянскую вотчиину, рисковали, въ теченіи опредѣленнаго срока, быть вынужденными уступить ее любому члену кореннаго дворянства, который бы вздумалъ перекупить ее; они пользовались правомъ голоса въ собраніяхъ только по дѣламъ о дворянскихъ складчинахъ и допускались къ занятію лишь немногихъ, очень второстепенныхъ должностей по выбору (Св. мѣстн. узакон. II ст. 7, 32, 100, 364, 876).

Общественная организація Лифляндскаго рыцарства поражала изумительнымъ множествомъ сословныхъ учрежденій, обиліемъ должностей и многосложностью своего штата.

У него были троякаго рода собранія: Ландтаги (соотвѣтствующіе нашимъ Губернскимъ Собраніямъ) такъ называемые Конвенты и Уѣздныя Собранія, не считая множества другихъ, частью приготовительныхъ, частью избирательныхъ съѣздовъ по разнымъ спеціальнымъ частямъ мѣстнаго управленія (таковы, напримѣръ, собранія по судебнымъ приходскимъ округамъ, почтовые конвенты и т. п. тамъ же ст. 50 и пр. 91 и др.) Дворянскій Конвентъ состоялъ изъ губернскаго предводителя, 12-ти уѣздныхъ

депутатовъ и Ландратской Коллегіи въ полномъ ея составѣ; онъ приготовлялъ дѣла для Ландтага, замѣнялъ его въ дѣлахъ второстепенной важности, въ промежутокъ времени отъ одного собранія до другаго, и рѣшалъ вопросы возникавшіе по поводу разномыслій между губернскимъ предводителемъ и очереднымъ ландратомъ (ст. 133, 138). Прокуроръ не присутствовалъ на дворянскихъ собраніяхъ, и сторонніе лица въ нихъ не допускались безъ разрѣшенія предводителя; на практикѣ, эти собранія были закрыты для публики, и о томъ что̀ въ нихъ происходило правительство ничего не знало (ст. 49, 64).

Дворянское представительство состояло: во первыхъ, изъ 12-ти пожизненно-избираемыхъ ландратовъ (составлявшихъ вмѣстѣ одну коллегію), изъ коихъ каждый, по очереди, завѣдывалъ въ продолженіи мѣсяца текущими дѣлами дворянства. Какъ представитель и оберегатель не только своего сословія, но и земства вообще, очередной ландратъ былъ, послѣ губернатора, вторымъ лицемъ въ губерніи; во вторыхъ, изъ губернскаго предводителя, имѣвшаго однородныя съ ландратомъ обязанности, дѣйствовавшаго по соглашенію съ нимъ, но игравшаго при немъ второстепенную роль; въ третьихъ, изъ 12-ти уѣздныхъ депутатовъ, по три на уѣздъ, за тѣмъ изъ депутатовъ и ревизоровъ дворянской кассы и т. д. (ст. 557, 559, 563, 566, 572, 573, 596, 604, 609, 610, 611, 619, 625, 628, 638). Ландраты и предводитель, хотя бы они, при выборѣ ихъ, и не имѣли чиновъ соотвѣтствующихъ разрядамъ въ коихъ полагались эти должности, пользовались за урядъ правами четвертаго класса, а уѣздные депутаты правами шестаго; слѣдовательно, дворянство, для своихъ сословныхъ надобностей, производило 13 дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и 12 коллежскихъ (ст. 540, 541, 542 и пр. къ 541).

Сверхъ всего этого, дворянство пользовалось самымъ широкимъ правомъ выбора въ судебныя и полицейскія должности. Чтобъ судить о важности этого права, нужно припомнить составъ мѣстныхъ учрежденій. Высшею судебною инстанціею въ Лифляндіи для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ былъ Гофгерихтъ; онъ состоялъ изъ президента, вице-президента, двухъ ландратовъ, двухъ совѣтниковъ и двухъ асессоровъ; кромѣ двухъ послѣднихъ (которыхъ опредѣлялъ Сенатъ) всѣ упомянутыя лица назначались по выбору отъ дворянства (св. мѣстн. узак. часть I ст. 294, 295, 298, 312, 314; часть II ст. 384, 565, п. I). Нисшую судебную инстанцію, также по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ (кромѣ дѣлъ крестьянскихъ, для которыхъ учреждены были Мірскіе, Приходскіе и Уѣздные суды) составляли пять Ландгерихтовъ, каждый изъ предсѣдателя и двухъ асессоровъ; всѣ они, равно какъ и секретарь, избирались дворянствомъ (часть I ст. 356, 357, 359, 361, 370 и 372. Ч. II 386, 387). Полиціею завѣдывали Орднунгсъ-рихтеры (земскіе исправники) по два на уѣздъ и Орднунгсъ-герихты (земскіе суды). Въ Орднунгсъ-герихтѣ, кромѣ предсѣдателя, полагалось два адъюнкта. Всѣ эти лица, которымъ, между прочимъ, *поручалось и охраненіе неприкосновенности правъ Православной церкви* (часть I ст. 411, I п. 3), избирались, равно какъ и нотаріусъ состоявшій при каждомъ Орднунгсъ-герихтѣ, также дворянствомъ. Члены Орднунгсъ-герихта удалялись отъ должности по распоряженію главнаго начальника края, но не иначе какъ по предварительномъ о томъ сообщеніи дворянскому представительству — Ландратской коллегіи (ч. I, ст. 397—399, 401, 403, 431. Ч. II ст. 390.

По другимъ, спеціальнымъ отраслямъ управленія, дворянство избирало директоровъ почтовыхъ станцій, такъ какъ почта была въ его рукахъ, и попечителей или смот-

рителей разнаго рода училищъ и заведеній, болѣе или менѣе отъ него зависившихъ (ч. II ст. 32, 359 п. 5, 360). Наконецъ, очередной ландратъ приглашался, на правахъ члена, въ засѣданія Губернскаго Правленія и въ собраніе палатъ, когда въ нихъ разсматривались дѣла касавшіяся правъ, выгодъ и учрежденій дворянскаго общества; онъ же участвовалъ въ засѣданіяхъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и въ ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ кассъ (ч. II ст. 567, 568.

Мѣстная Лютеранская церковь, по своей организаціи, была такъ тѣсно связана съ вышеизложеннымъ учрежденіемъ дворянства, что составляла въ Лифляндіи не болѣе какъ особое отдѣленіе или департаментъ его

Сельскіе проповѣдники и пасторы иначе не опредѣлялись какъ по предъявленіи ими формально выраженнаго на то согласія прихожанъ, то есть — на практикѣ — мѣстныхъ помѣщиковъ (Полн. собр. зак. т. VII. No. 5870, Уст. Евангелич. Лютер. церкви въ Рос. 1832, §§ 152, 159, 161, 164). *)

Сельское приходское духовенство подчинялось надзору 8-ми Пробстовъ (Благочинныхъ), которые избирались пасторами каждаго округа (Благочинія), а Пробсты подчи-

---

*) Уставъ 1832 года, составленный членами Лютеранскаго духовенства, притомъ преимущественно Остзейцами, въ свое время слылъ драгоцѣннымъ для нихъ пріобрѣтеніемъ. Еще въ 1845 году, президентъ Генеральной Консисторіи свидѣтельствовалъ, что этимъ уставомъ „было расширено благотворное дѣйствіе Лютеранскаго вѣроисповѣданія на вѣрноподданныхъ Остзейцевъ". Бумагу, изъ которой выписаны этѣ строки приводитъ Г. ф. Боккъ (Livl. Beitr. B. II. 7. Seite 842); онъ же теперь причисляетъ этотъ уставъ къ оскорбительнѣйшимъ нарушеніямъ такъ называемой провинціальной конституціи Лифляндіи. Какъ де посмѣли тамошнюю мѣстную, господствующую Церковь подчинить центральному учрежденію вѣдающему дѣла Протестантской Церкви на всемъ протяженіи Имперіи! Съ 1832 и 1845 годовъ, понятія, какъ видно, измѣнились и притязанія возрасли значительно. Теперь устройство Церкви, также какъ и судебная реформа, обсуждаются исключительно съ точки зрѣнія политическаго сепаратизма.

нялись Генералъ-Суперъинтенденту (который избирался дворянствомъ, изъ лицъ духовнаго званія) и Лифляндской провинціальной Консисторіи. Генералъ-Суперъинтендентъ дѣйствовалъ какъ представитель Консисторіи во всѣхъ ея сношеніяхъ съ подчиненнымъ ей духовенствомъ, а въ составѣ Консисторіи, занималъ мѣсто вице-предсѣдателя. Консисторія, составлявшая высшую Губернскую инстанцію по судебнымъ, административнымъ и духовнымъ дѣламъ мѣстной Лютеранской церкви, состояла изъ свѣтскаго президента и духовнаго вице-президента, двухъ свѣтскихъ и двухъ духовныхъ асессоровъ. Президентъ и оба свѣтскіе асессоры избирались дворянствомъ, первый непремѣнно изъ числа 12-ти ландратовъ, а послѣдніе изъ сословія матрикулированныхъ дворянъ (тамъ же: §§ 264, 267, 268, 275, 276, 278, 290—294. Сводъ мѣстн. узакон. ч. II. ст. 565, п. 2. 380—383). Дворянство участвовало также въ выборахъ одного изъ свѣтскихъ членовъ Генеральной Консисторіи — высшей въ Имперіи судебно-административной инстанціи по дѣламъ Лютеранской церкви (тамъ же ст. 380). Сверхъ того, общими дѣлами по церковному управленію въ Лифляндіи занимались дворянскія Уѣздныя Собранія, дворянскій Конвентъ и дворянскій Ландтагъ (св. мѣстн. узак. II. ст. 78, 84, 167).

Хозяйство церковное находилось въ завѣдываніи приходскихъ попечительствъ, подчиненныхъ четыремъ главнымъ попечительствамъ. По приходамъ, попечители, отъ одного до двухъ, избирались прихожанами владѣвшими какою нибудь недвижимою собственностью, изъ своей среды; главныя попечительства состояли изъ неизбѣжнаго Ландрата, по назначенію отъ дворянства, свѣтскаго члена назначавшагося тѣмъ же порядкомъ изъ матрикулированнаго дворянства, и главнаго Пробста (§§ 477 и прим. 486, 492, Св. мѣст. уз. ч. II. ст. 359 п. 2 383). Наконецъ, Лифляндское Лютеранское духовенство собиралось еже-

годно на помѣстный соборъ или синодъ, подъ предсѣдательствомъ своего Суперъинтендента, для совокупнаго обсужденія предметовъ духовнаго свойства, то есть церковной доктрины, церковной дисциплины и всякаго рода явленій въ области мѣстной религіозной жизни (§§ 438 и 444).

Пусть теперь читатель вникнетъ въ это тѣсное соотношеніе двухъ первенствующихъ сословій, дворянства и духовенства, такъ сказать взаимно проникавшихся, въ это множество всякаго рода органовъ, которыми они располагали для выраженія своихъ желаній, стремленій и своей воли, въ это вездѣприсутствіе ихъ представителей, во всѣхъ сферахъ мѣстнаго управленія — и онъ пойметъ какими удобствами и какимъ обиліемъ средствъ они были вооружены для скорой передачи всякаго рода свѣдѣній, для обмѣна мыслей, для соглашеній и стачекъ, для установленія единства въ дѣйствіи и, въ случаѣ нужды, въ противодѣйствіи. Вершину многосложной организаціи нами очерченной составляла всетаки Коллегія Ландратовъ. Повторяю еще разъ: не говоря о другихъ должностяхъ первостепенной важности, замѣщеніе которыхъ производилось по выбору дворянства и изъ его среды, одни ландраты, по праву, занимали: въ высшей Губернской судебной инстанціи (Гофгерихтѣ) два мѣста (ч. I. ст. 295), въ высшей инстанціи по дѣламъ крестьянъ (особомъ отдѣленіи Гофгерихта) три мѣста (часть 1. ст. 302), въ высшей инстанціи по дѣламъ мѣстной Лютеранской церкви (Провинціальной Консисторіи) мѣсто предсѣдателя; въ четырехъ главныхъ церковныхъ попечительствахъ мѣста старшихъ попечителей (ч. II. ст. 381), въ Коммиссіи о имѣніяхъ дворянскаго общества мѣсто предсѣдателя (ч. II. ст. 376). Имъ же, то есть ландратамъ, въ почтовомъ управленіи, принадлежалъ главный надзоръ, а въ дѣлахъ Губернскаго Правленія и Приказа общественнаго Приз-

рѣнія имъ предоставлено было постоянное участіе (ч. II. ст. 565, 567, 568). При этомъ, каждый изъ нихъ, независимо отъ спеціальнаго дѣла лично ему ввѣреннаго, вѣдалъ по очереди текущія дѣла дворянства, а всѣ вмѣстѣ, какъ Коллегія, составляли постоянное представительство дворянскаго сословія. Такимъ образомъ, нитями искусно протянутыми во всѣ стороны, судопроизводство гражданское, уголовное, духовное и мѣстное управленіе, по дѣламъ полицейскимъ, хозяйственнымъ и церковнымъ, окончательно стягивались въ рукахъ одного сословія. Тамъ, въ этой дворянской Коллегіи, было сѣдалище мѣстной власти — le siège du pouvoir. Но независимо отъ той силы, которою она орудовала на основаніи закона, Ландратская Коллегія, на основаніи издавня установившихся традицій, имѣла еще de facto огромное вліяніе на главнаго начальника края. Еслибъ мы назвали ландратовъ неизбѣжными его совѣтниками и помощниками, мы этимъ далеко бы еще не выразили дѣйствительныхъ отношеній представителей высшаго правительства къ представителямъ мѣстныхъ, Нѣмецко-Лютеранскихъ и по преимуществу дворянскихъ интересовъ. Это были, въ полномъ смыслѣ слова, руководители и опекуны приставленные къ генералъ-губернатору отъ дворянства, безъ одобренія, а тѣмъ паче противъ совѣта, внушенія или желанія которыхъ, онъ фактически не могъ ничего ни предпринять, ни остановить. Въ противномъ случаѣ, онъ возбудилъ бы противъ себя на мѣстахъ единодушную оппозицію, съ неизбѣжнымъ ея отголоскомъ въ Петербургѣ, и подвергся бы опасности лишиться мѣста, а можетъ быть и навсегда испортить свою политическую будущность. О противодѣйствіи этой мѣстной, прочно организованной силѣ, высшее правительство и не помышляло; по крайней мѣрѣ, оно не пользовалось для этого даже тѣми скудными средствами, которыя все еще были въ его рукахъ. Въ угоду ли всемогущему сосло-

вію, представлявшему собою мѣстное общественное мнѣніе, по другимъ ли причинамъ, всѣ коронныя должности, въ которыя правительство назначало отъ себя и кого хотѣло, начиная съ генералъ-губернатора и кончая уѣздными стряпчими (Фискалами) замѣщались, по обычаю, если не исключительно Лифляндскими, то Балтійскими дворянами, по крайней мѣрѣ мѣстными уроженцами, Нѣмцами по происхожденію и Лютеранами по вѣроисповѣданію, такъ что во всей Лифляндіи, въ 1841 году, не было ни одного Русскаго чиновника въ должности хотя бы второстепенной.

Прокуроромъ былъ баронъ Гейкингъ, Начальникомъ губерніи престарѣлый баронъ Фелькерзамъ, нѣкогда подписавшій, въ должности секретаря дворянства, актъ о подчиненіи Курляндіи Русской державѣ при Екатеринѣ II, мѣсто генералъ-губернатора занималъ благодушный и благородный баронъ Паленъ, о личныхъ свойствахъ котораго отзывались съ почтеніемъ и сочувствіемъ всѣ безъ исключенія имѣвшіе съ нимъ какія либо сношенія, даже тѣ, которые, по своимъ понятіямъ, не могли не порицать административныхъ его дѣйствій.

Мои убѣжденія и мнѣ не позволяютъ отнестись къ нимъ сочувственно, но само собою разумѣется, что, намѣреваясь воспользоваться правомъ критиковать правительственную систему генералъ-губернатора, я выгораживаю безусловно побужденія человѣка, котораго я не имѣлъ чести лично знать и котораго имѣю всѣ причины уважать. Чтобъ устранить отъ себя всякое въ этомъ отношеніи подозрѣніе, я позволю себѣ теперь же высказать съ полною откровенностью мое объ немъ мнѣніе, сложившееся изъ всего, что̀ я могъ узнать на мѣстахъ, вскорѣ по удаленіи его изъ края.

Система управленія Барона Палена обусловливалась частью кровными его убѣжденіями, частью вліяніемъ

окружавшей его среды, а непримиримости этихъ убѣжденій и вліяній съ историческими правами и съ государственными интересами Россіи на ея Балтійской окраинѣ, онъ не только не сознавалъ, но даже и не подозрѣвалъ. Верхомъ несправедливости было бы ставить ему это въ упрекъ, когда и высшее правительство, самымъ назначеніемъ его, обнаруживало отсутствіе того же сознанія.

Онъ былъ искренній Протестантъ, и потому естественно, что стремленіе Латышей въ Православіе не могло представляться ему ничѣмъ инымъ какъ припадкомъ какого-то дикаго помѣшательства, которымъ толпа увлекалась отъ лучшаго и совершеннѣйшаго къ сравнительно-грубѣйшему. Странно бы было и ожидать отъ него, чтобъ онъ взглянулъ сочувственно, или даже спокойно и безпристрастно, на отпаденіе темной и безграмотной черни отъ вѣроисповѣданія, которымъ онъ самъ удовлетворялся; а въ подобныхъ случаяхъ, непризнаніе разумности чужихъ побужденій непремѣнно наводитъ на предположеніе подговоровъ, подкуповъ и обольщеній со стороны. Такъ, во время-оно, смотрѣли добросовѣстные Католики на Лютера и на его послѣдователей; по той же причинѣ, и баронъ Паленъ почти не могъ не повѣрить клеветамъ на Православное духовенство и не возненавидѣть его.

Онъ былъ рыцарь по происхожденію, по родовымъ преданіямъ, по понятіямъ и чувствамъ; понималъ служебный долгъ свой какъ отношеніе лица обязавшагося присягою къ лица принявшему ее, и въ полномъ сознаніи своей политической безупречности, смотрѣлъ во всѣ глаза на своего Лифляндскаго герцога, но честный взглядъ барона Палена не высматривалъ изъ за него Россіи. Ему не приходило въ голову, чтобъ можно было ожидать отъ его родины чего-нибудь бо́льшаго кромѣ династической преданности, и чтобъ эта чужая для него Россія имѣла какое-нибудь разумное

основаніе, даже какой-нибудь интересъ, хотѣть быть на Балтійской своей окраинѣ, не въ гостяхъ, а точно какъ бы дома и у себя. Дивиться ли послѣ этого, что всякое движеніе господствующей народности въ эту сторону возмущало его какъ посягательство на чужую собственность, котораго онъ иначе объяснить себѣ не могъ, какъ предположивъ въ Русскихъ низкое чувство зависти?

Онъ былъ Нѣмецъ, хорошо зналъ и понималъ своихъ земляковъ, видѣлъ ясно тѣ племенныя свойства, которыми они, къ выгодѣ своей, отличаются отъ Русскихъ, и на оборотъ не имѣлъ никакого чутья для тѣхъ, иного рода свойствъ, которыми Русскіе берутъ верхъ надъ Нѣмцами. Какъ-же бы не сталъ онъ подбирать къ себѣ Нѣмцевъ, и можно-ли было ожидать отъ него уразумѣнія той простой истины, что кромѣ отвлеченно-правительственныхъ интересовъ, у Русскаго правительства есть еще интересы Русскіе, для охраненія которыхъ нельзя обойтись безъ людей Русскихъ?

Онъ былъ помѣщикъ стараго закала, не помѣщикъ-хозяинъ, а помѣщикъ-аристократъ, унаслѣдовавшій отъ цѣлаго ряда суровыхъ своихъ предковъ привычку властвовать надъ народомъ; каково же было ему видѣть, что эти презрѣнные Латыши выбивались, не только изъ подъ крѣпостной зависимости отъ дворянства, но и изъ подъ духовной его опеки, стараясь помимо его, тѣснѣе примкнуть къ Россіи? Когда Лифляндія вздрогнула при мысли, что если простонародіе потребуетъ просвѣщенія и получитъ его прямо отъ Россіи, а не отъ своихъ бароновъ, то передовое сословіе, пожалуй, скоро очутится одинокимъ у себя дома, безъ заднихъ, покорныхъ ему сословій, безъ почетной свиты; когда все это было растолковано барону Палену, могъ ли онъ не повторить за другими, что это бунтъ? Могла ли не закипѣть дворянская кровь во всѣхъ жилахъ благодушнаго старца, и если въ эту ми-

нуту его руководителямъ удалось исторгнуть у него рядъ приказовъ на ненужныя экзекуціи, рѣшится ли кто-нибудь заподозрить добросовѣстность его ослѣпленія, за которое поплатились такъ жестоко не менѣе добросовѣстно размечтавшіеся крестьяне? Въ ту пору жизни барона Палена, когда установлялись его политическія убѣжденія и воззрѣнія, вопросы вѣроисповѣдные, соціальные и національные, можно сказать, не существовали. Онъ не имѣлъ случая въ нихъ вдуматься и когда они неожиданно предстали ему въ непривлекательной формѣ какого-то загадочнаго броженія, онъ ихъ не опозналъ, не нашелъ для нихъ формулы, и въ торопяхъ ухватился за сподручные ему пріемы военной дисциплины.

Конечно, у него были передъ глазами и другія явленія болѣе понятныя: бѣдность крестьянъ, систематическое ихъ угнетеніе, несоразмѣрность повинностей съ ихъ средствами и всѣ виды хозяйственнаго произвола помѣщиковъ; но всего этого онъ долго не видѣлъ, и какъ будто даже боялся увидѣть; потомъ, когда обстоятельства поставили его лицомъ къ лицу съ страшною дѣйствительностью, онъ смутился, и для него наступила минута тяжелаго колебанія. Признать, что народъ въ Лифляндіи бѣдствовалъ вещественно и нравственно — это значило осудить хваленое благоустройство края и вызвать со стороны правительства рѣшительныя мѣры, которыя могли бы поколебать сословное господство дворянства; онъ это зналъ, а между тѣмъ, изъ Петербурга ему указывали на открытыя язвы, да и самъ онъ ощупывалъ ихъ во время своихъ объѣздовъ. Наконецъ таки честность взяла свое. Какъ ни противно было его природѣ всякое подобіе демократизма, какъ ни высоко стоялъ въ его понятіяхъ интересъ дворянства, и какъ ни дорожилъ онъ мнѣніемъ о себѣ своихъ земляковъ, у него достало правдивости признать передъ властью безвыходное положеніе крестьянъ и му-

жества потребовать безотлагательной для нихъ помощи. Собственно объ этой сторонѣ дѣла, правительство услышало отъ барона Палена болѣе горькой для дворянства правды, чѣмъ отъ многихъ его преемниковъ носившихъ русскія фамиліи, а въ положеніи барона Палена, при его обстановкѣ и при его связяхъ, это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, гражданскій подвигъ, за который онъ же скоро и поплатился. Какъ только онъ началъ въ своихъ донесеніяхъ писать всю правду и разоблачать темныя стороны крестьянскаго быта, онъ былъ немедленно отозванъ.

Единственнымъ во всей Лифляндіи представителемъ Россіи и ея интересовъ въ дѣлахъ Православной церкви, былъ въ 1841 году викарій архіепископа Псковскаго, преосвященный Иринархъ, назначенный въ Ригу не задолго до начала движенія крестьянъ въ Православіе. Онъ служилъ сперва по духовноучебному вѣдомству, потомъ состоялъ священникомъ при одной изъ нашихъ заграничныхъ миссій, въ Италіи, и тамъ (по справедливому замѣчанію человѣка знавшаго его близко) усвоилъ себѣ то умѣнье въ трудныхъ обстоятельствахъ держать себя съ достоинствомъ, которое такъ легко пріобрѣтается въ средѣ свѣтски образованнаго общества и котораго отсутствіе нерѣдко парализируетъ на практикѣ другія, гораздо высшія способности ума и воли.

Передъ назначеніемъ въ Ригу, онъ былъ Епископомъ Старицкимъ, первымъ викаріемъ Тверской Епархіи. Извѣстно, что покойный Императоръ намѣревался учредить въ Лифляндіи самостоятельную Церковную Каѳедру; но Синодъ, когда это предположеніе было ему сообщено на обсужденіе, предпочелъ образовать изъ Лифляндіи и Курляндіи викаріатство Псковской Епархіи, что̀ и было утверждено. Главною при этомъ цѣлью, какъ Государя такъ и Синода, было открыть центръ противодѣйствія Рижскому расколу Ѳедосѣевскаго толка, который, въ средѣ иновѣрческой

и подъ покровительствомъ городскаго начальства, принималъ въ семейномъ быту безобразныя формы какъ бы узаконеннаго разврата. Въ то время, вопросъ о расколѣ вообще почему то особенно занималъ и даже тревожилъ высшее правительство; о раскольникахъ собирались всякаго рода свѣдѣнія, объ нихъ производились изслѣдованія явныя и секретныя, сочинялись даже проэкты о повсемѣстномъ и поспѣшномъ ихъ искорененіи. Но, вопреки видамъ правительства, первому викарному Рижскому судьба предназначала испробовать свою энергію въ другой, для него болѣе опасной борьбѣ. Ему первому довелось испытать на себѣ, съ одной стороны, всю силу религіозной и племенной вражды противъ Россіи, таившейся въ Лифляндскомъ обществѣ, съ другой — всю немощь власти, при встрѣчѣ ея съ интригою умѣющею прикрывать свои цѣли искуснымъ подборомъ словъ изъ лексикона политическаго консерватизма. Своею безпримѣрною участью, онъ первый далъ намъ мѣру этой силы и этого безсилія; онъ же, выдержавъ одинъ, безъ всякой поддержки, неравную борьбу и не пошатнувшись, не уступивъ ничего, завѣщалъ своимъ преемникамъ доблестный примѣръ, къ сожалѣнію до сихъ поръ не вызвавшій подражателей.

Въ Петербургѣ, въ самыхъ высшихъ сферахъ правительственныхъ и придворныхъ, стояла дружная фаланга заслуженныхъ сановниковъ Балтійскаго происхожденія: графъ Бенкендорфъ, Палены, Мейндорфы, Ганы, Веймарны и другіе, а за ними — необозримые ряды менѣе видныхъ но не менѣе усердныхъ и полезныхъ оберегателей интересовъ Остзейскаго края. Эта группа, по единству одушевлявшихъ ее стремленій, по образцовой, издавна установившейся въ ней дисциплинѣ, по обилію средствъ находившихся въ ея распоряженіи, по обширности ея связей и по огромному, изстари пріобрѣтенному ею вліянію на правительство и на общество, составляла болѣе чѣмъ по-

литическую партію; правильнѣе было бы назвать ее самообразовавшимся въ центрѣ самаго правительства *особымъ Министерствомъ Остзейскихъ дѣлъ.*

Представителями и проводниками церковныхъ, народныхъ и государственныхъ интересовъ Россіи въ Прибалтійскомъ краѣ, могли быть въ то время, по свойству занимаемыхъ ими должностей, графъ Строгоновъ, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, потомъ, съ конца ноября 1841 года, заступившій его мѣсто Л. А. (въ послѣдствіи Графъ) Перовскій и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ Протасовъ. О самомъ Синодѣ едвали нужно упоминать. Въ судьбахъ нашей церкви въ Лифляндіи, дѣятельность его почти незамѣтна; по крайней мѣрѣ она оставила по себѣ гораздо менѣе слѣдовъ, чѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ и особенно чѣмъ корпусъ жандармовъ. Синодъ былъ какъ будто въ сторонѣ; вопросы прямо до него касавшіеся, когда они требовали новыхъ законодательныхъ или административныхъ мѣръ, возбуждались, обсуживались и разрѣшались помимо его; съ нимъ даже рѣдко совѣтовались, предоставляя ему только примѣненіе правилъ безъ его содѣйствія изданныхъ или подборъ соображеній для оправданія приговоровъ и распоряженій состоявшихся безъ его участія. Впрочемъ онъ повидимому находилъ это естественнымъ, по крайней мѣрѣ не протестовалъ противъ страннаго безучастія, на которое онъ былъ осужденъ. Можетъ быть, онъ объ этомъ вздыхалъ, неслышно, про себя, да иногда случалось, что таинственная просфира, неизвѣстно кѣмъ занесенная съ задняго крыльца, неожиданно появлялась на столѣ какого-нибудь мірянина, по обязанностямъ службы, въ оффиціальномъ донесеніи своему начальству, замолвившаго слово за права и достоинство господствующей церкви.

Теперь сцена дѣйствія очерчена, главныя дѣйствую-

щія лица названы — можно приступить къ самому изложенію дѣйствія.*)

Нѣсколько послѣдовательныхъ неурожаевъ довели крестьянъ въ 1841 году до крайней степени нищеты. Общественные магазины были пусты, Лифляндія голодала, въ буквальномъ, страшномъ значеніи этого слова. По старой привычкѣ, крестьяне обращались за помощью къ помѣщикамъ; но бѣдствіе, противъ котораго не было принято своевременныхъ мѣръ, успѣло достигнуть такихъ размѣровъ, при которыхъ частная благотворительность была безсильна, а прежнее свое право на обязательную помощь со стороны бывшихъ своихъ владѣльцевъ крестьяне утратили за 20 слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ. Они были свободны, слѣдовательно должны были сами пещись о себѣ, и такъ какъ народъ пріобрѣтаетъ познаніе своихъ правъ и обязанностей не изъ печатныхъ указовъ, а изъ опыта, то надлежало дать ему полную возможность возчувствовать на

---

*) Я пользовался слѣдующими матеріалами: во первыхъ и главнѣйшимъ образомъ, разными записками о дѣлахъ Православія въ Лифляндіи, изданными въ трудахъ Московскаго Общества исторіи и древностей (1865. Книги 1, 2, 3, 4. 1866, кн. 1). Онѣ составлены большею частью должностными лицами (въ томъ числѣ бывшимъ товарищемъ министра В. Д. Сенявинымъ) по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ и личнымъ наблюденіямъ на мѣстахъ; во вторыхъ, заграничными изданіями Балтійскихъ публицистовъ, въ особенности „Лифляндскими вкладами“ Г. фонъ Бокка, а также журнальными статьями и корреспонденціями Русскихъ, Нѣмецкихъ, Балтійскихъ и заграничныхъ газетъ; въ третьихъ, разнаго рода рукописными матерьялами, оффиціальными и частными, собранными мною во время моего пребываній въ Ригѣ въ 1846—1848 годахъ; наконецъ, разсказами и свидѣтельствами очевидцевъ и собственными моими записками веденными въ Ригѣ въ тѣхъ же годахъ. Къ сознанію въ недостаточности этихъ источниковъ, мнѣ остается прибавить, что всякій указанный мнѣ пробѣлъ я пополню, всякую невольную ошибку или невѣрность исправлю, отъ кого бы и откуда бы ни шло замѣчаніе, какъ бы оно ни было мнѣ враждебно по направленію и даже грубо по тону. Послѣднія слова я прибавляю собственно для того, чтобы пріохотить къ возраженіямъ Балтійскихъ моихъ противниковъ, которыхъ, судя по характеру ихъ полемическихъ статей противъ меня, соблюденіе литературнаго приличія могло бы затруднить.

дѣлѣ свойство новыхъ его отношеній къ помѣщикамъ, отнюдь не подавая ему повода надѣяться, что прежніе, благопріятные для него порядки, можетъ быть, не совсѣмъ еще отмѣнены. Такъ разсуждали въ Лифляндіи благоразумные люди.

Одинъ Русскій чиновникъ, вскорѣ послѣ 1841 года командированный въ Лифляндію, пишетъ слѣдующее: „Мы не забудемъ разсказа одного молодаго медика, который возвратилъ къ жизни умиравшаго юношу. Родители, вмѣсто благодарности, осыпали врача горькими упреками, говоря, что лучше было сыну ихъ умереть сразу, чѣмъ остаться въ живыхъ, чтобы потомъ опять, медленно, умирать отъ голода.*)

Въ массѣ, однако, крестьянамъ всетаки не хотѣлось умирать. Они стали обращаться за помощью къ мѣстному начальству, причемъ ихъ просьбы нерѣдко принимали видъ жалобъ на помѣщиковъ за недоставленіе имъ средствъ къ пропитанію. Но понятно, что начальство ничѣмъ инымъ не могло отвѣтить имъ какъ отказомъ, и въ тонѣ нѣсколько суровомъ, потому что жалобы были дѣйствительно неосновательны, а всякое обнаруженіе состраданія могло бы породить неосуществимыя ожиданія. — „Такъ если ужъ нѣтъ житья и у себя дома, нельзя ли куда-нибудь выселиться?“ — эта мысль возникла сама собою и не могла не возникнуть въ умѣ крестьянъ. Когда желудокъ пустъ, фантазія иногда не въ мѣру разыгрывается и, какъ будто въ утѣшеніе умирающимъ отъ истощенія, выводитъ передъ ихъ потухающими взорами картины заманчиваго довольства. Этого рода утѣшеніе испытывали и Латыши. Въ ихъ распаленномъ воображеніи стала рисоваться какая-то роскошная, теплая, будто бы

*) Чтенія 1865, кн. III, стр. 119.

ихъ ожидавшая *Эйская* земля. Почему именно Эйская? — не знаю.

Генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, какъ кажется мало вникавшій въ процессъ образованія народныхъ слуховъ, хотѣлъ непремѣнно доискаться происхожденія этой молвы ходившей по всей Лифляндіи и наложить руку на перваго отвѣтственнаго ея изобрѣтателя; но это ему не удалось и, послѣ долгихъ усилій, онъ выяснялъ только, что слухи когда-то и кѣмъ-то распущенные между Латышами, нашли себѣ какъ бы подкрѣпленіе въ фактѣ переселенія въ 1840 году нѣсколькихъ окрестившихся Евреевъ изъ Курляндіи въ Бессарабію. Какъ бы то ни было, слухи эти быстро разносились и очень можетъ быть (въ подобныхъ случаяхъ безъ этого никогда не обходится) что находились полуграмотные люди, которые, раздѣляя заблужденіе толпы или промышляя ея довѣрчивостью, въ этомъ смыслѣ писали для нея просьбы, или даже обнадеживали ее лживыми справками.*) Во всякомъ случаѣ, не въ Ригѣ, а въ уѣздахъ, особенно въ Венденскомъ, Валкскомъ и Маріенбургскомъ, зародилась молва о переселеніи и оттуда толпы крестьянъ стали приходить въ Ригу съ просьбами поскорѣе вывести ихъ изъ Лифляндіи. Скоро число ихъ дошло до нѣсколькихъ тысячъ. Наполнивъ всѣ постоялые дворы и не находя пріютовъ, нѣкоторыя партіи кочевали на площадяхъ, даже противъ дома Генералъ-Губернатора.

Они метались во всѣ стороны, вздыхали во всѣхъ переднихъ, избили всѣ пороги и перебывали рѣшительно

---

*) Многіе между прочимъ утверждали, что еще задолго до того времени когда крестьяне стали обращаться къ Православному духовенству, былъ читанъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ каѳедръ, въ киркахъ и въ какой то судейской каморѣ, какимъ то писаремъ фальшивый указъ о раздачѣ гдѣ то на югѣ пустопорожнихъ земель всѣмъ желающимъ переселиться (объ этомъ писалъ Преосв. Иринархъ Псковскому Архіепископу).

у всѣхъ: у губернатора, у генералъ-губернатора, у жандармскаго штабъ-офицера и у разныхъ военныхъ начальниковъ.

Многіе изъ просителей всетаки, по прежнему, жаловались на своихъ помѣщиковъ; другіе мололи всякій вздоръ, намекая на какія-то апокрифныя распоряженія правительства на ихъ счетъ; нѣкоторые не имѣли при себѣ узаконенныхъ видовъ на отлучку изъ дому — да и не мудрено. Не могли же вотчинныя конторы благопріятствовать этимъ раззорительнымъ отлучкамъ, особенно когда имъ были хорошо извѣстны мечтательныя надежды побуждавшія Латышей таскатся въ Ригу. — Со стороны крестьянъ, тутъ ужъ было прямое нарушеніе законнаго порядка объ испрошеніи видовъ, и за таковыя ихъ продерзости губернское начальство усердно принялось наказывать ихъ палками, брить имъ половину головы и выпроваживать ихъ домой. Это было заявлено оффиціально барономъ Паленомъ и производилось въ стѣнахъ губернскаго правленія.*) Наконецъ, 9го іюня 1841 года, одна изъ голодныхъ и запуганныхъ испытанными наказаніями крестьянскихъ артелей, таскаясь по улицамъ города Риги, случайно забрела на архіерейское подворье, къ преосвященному Иринарху. Онъ выслушалъ терпѣливо безсвязный бредъ крестьянъ, не скрылъ своего къ нимъ состраданія (вѣдь не обязанъ же онъ былъ скрывать его) но объяснилъ имъ, что предметъ ихъ просьбы до него нисколько не касался и что онъ поставленъ былъ не для перевода изъ одной губерніи въ другую, а для присоединенія къ той церкви, которой онъ служилъ, желавшихъ вступить въ нее. Въ заключеніе, онъ присовѣтовалъ имъ идти домой, приняться за работу, *слушаться помѣщиковъ*

---

*) Отношенія Генералъ-Губернатора къ Министру Внутр. дѣлъ 1841 года. 13 и 18 Іюля N. No. 670 и 701.

(это было засвидѣтельствовано губернаторомъ, бар. Фёлькерзамомъ) и отпустилъ ихъ, давъ имъ кусокъ хлѣба и нѣсколько грошей. Не могъ же и онъ встрѣтить ихъ палками и бритвами! Таковъ былъ починъ такъ называемой въ Лифляндіи православной пропаганды: ласковое слово, сочувствіе къ чужой бѣдѣ, скудная милостыня и добрый совѣтъ.*) А вѣдь въ извѣстномъ смыслѣ баронъ Паленъ и его руководители всетаки были правы; точно: это была своего рода пропаганда и не безопасная; но виновата ли была Православная церковь и Россія, виноватъ ли былъ преосвященный Иринархъ, или любой Русскій человѣкъ, котораго судьба въ то время заносила въ Лифляндію, будь онъ солдатъ, торгашъ, или извощикъ, виноваты ли они были въ томъ, что, благодаря порядку вещей существовавшему въ этомъ краѣ, всякая встрѣча съ Русскимъ, всякій взглядъ брошенный на Латыша, потому только, что въ этомъ взглядѣ не было угрозы, всякое слово, потому только, что въ немъ не было брани, наводили народъ на сравненія для многихъ невыгодныя и возбуждали въ немъ фантастическія, положимъ даже опасныя надежды? Англійскій консулъ, два года тому назадъ, въ Архангельскѣ, тоже помогалъ голоднымъ, однако это не поколебало ихъ политической и религіозной вѣрности и не побудило ихъ проситься въ Англиканство; а преосвященный Иринархъ сдѣлался вдругъ злонамѣреннымъ подстрекателемъ, мутившимъ слабые умы крестьянъ!.... Впрочемъ и другое лицо, въ тоже время и

*) Въ „историческихъ очеркахъ Лютеранской Церкви въ Лифляндіи“ Г. Гарлеса (стр. 74) значится будтобы къ Преосв. Иринарху приходили гернгутеры, будтобы онъ разсмотрѣлъ и одобрилъ ихъ книги, обѣщалъ имъ свое покровительство и даже отвелъ имъ для молитвенныхъ собраній Православную деревянную церковь на какомъ то кладбищѣ подъ Ригою. Все это чистѣйшая выдумка и я могу засвидѣтельствовать, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, что Преосв. Иринархъ не имѣлъ съ гернгутерами рѣшительно никакихъ сношеній.

почти за тоже самое, навлекло на себя неудовольствіе мѣстныхъ властей. Это былъ никто иной какъ жандармскій подполковникъ, въ добавокъ Нѣмецъ, по имени Киршъ. Когда къ нему пришли крестьяне, онъ тоже, какъ видно, имѣлъ неосторожность заговорить съ ними по человѣчески и записать ихъ имена, для того (какъ заявлялъ онъ послѣ въ свое оправданіе), чтобъ легче было отыскать ихъ когда дѣло дойдетъ до палокъ и бритья. Слѣдственная коммиссія, назначенная барономъ Паленомъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго депутата Фонъ-Гагемейстера увѣряла, будто бы крестьяне бывшіе у *Русскаго губернатора, у котораго солдаты въ голубыхъ мундирахъ* (такъ они выражались, если вѣрить тому, что было записано слѣдователями), остались имъ довольны, утвердились въ прежнихъ своихъ мысляхъ и говорили, что онъ принялъ ихъ хорошо, даже обѣщалъ доложить объ нихъ Государю. За одно это, генералъ-губернаторъ жаловался своему другу графу Бенкендорфу на его подчиненнаго, вѣроятно еще новичка и не успѣвшаго усвоить себѣ Лифляндскихъ административныхъ пріемовъ. Подполковникъ Киршъ получилъ строгій выговоръ и, кажется, переведенъ былъ на другое мѣсто. Изъ всего этого выходило, что вообще съ крестьянами вовсе не подобало говорить, такъ какъ это во всякомъ случаѣ было опасно, а слѣдовало ограничиться бритьемъ головъ и сѣченіемъ. Никто не хотѣлъ понять, что страшны были не слова и взгляды, а страшна была совокупность мѣстныхъ, издавна сложившихся обстоятельствъ, при которыхъ дѣйствительно все выходило страшнымъ, и что старанія прекратить всякія сношенія крестьянъ съ лицами посторонними, къ которымъ они не питали наслѣдственнаго недовѣрія, не только не вели къ успокоенію массы, а напротивъ отнимали у нея послѣднюю возможность вразумиться. Такого рода мѣрами крестьянъ довели наконецъ до того, что всѣ тѣ, съ кото-

рыми они встрѣчались и имѣли дѣло, стали, въ ихъ понятіяхъ, распадаться на двѣ категоріи. Первая состояла изъ ихъ заклятыхъ враговъ; тутъ подразумѣвались тѣ, которые брили и сѣкли и тѣ, по наущенію и въ интересахъ которыхъ производились сѣченіе и бритье. Вторая категорія вмѣщала въ себѣ немногихъ ихъ доброжелателей и въ нее безъ разбора включались всѣ не прибѣгавшіе къ упомянутымъ средствамъ вразумленія. Въ эту категорію попалъ какъ преосвященный Иринархъ, такъ и жандармскій подполковникъ Киршъ. Затѣмъ, дѣйствительнымъ или мнимымъ доброжелателямъ, безъ дальнихъ справокъ, непремѣнно приписывалось, не только полное сочувствіе всѣмъ фантастическимъ надеждамъ народа, но и рѣшительное намѣреніе содѣйствовать ихъ осуществленію. — „Съ такимъ-то говорить можно, значитъ онъ за насъ, а коли за насъ, то разумѣется хлопочетъ и о переселеніи нашемъ. Да чуть ли онъ даже и не обѣщалъ хлопотать объ этомъ, или только видно было по всему, что будетъ хлопотать? — Да нѣтъ! Точно обѣщалъ!“ — такъ разсуждалъ народъ, такъ ему дѣйствительно казалось и этого общаго настроенія его никакъ не должно упускать изъ виду при оцѣнкѣ юридической достовѣрности показаній, которыя въ то время записывались полицейскими чиновниками со словъ, или яко бы со словъ крестьянъ.

Изъ „Записокъ Православнаго Латыша“, читатели уже знаютъ, что еще до наступленія голода, въ умахъ Латышей зашевелилась потребность такой вѣры, которую они могли бы дѣйствительно считать своею, и такихъ пастырей, которые бы не представлялись имъ какъ бы особымъ видомъ ненавистной помѣщичьей породы. Теперь, когда народъ всѣми своими надеждами обратился къ Россіи, эта потребность нашла себѣ болѣе опредѣленную формулу — броситься въ объятія Православнаго духо-

венства и, въ тоже время, слилась съ другимъ желаніемъ — бѣжать изъ края куда нибудь подальше. Это произошло также естественно какъ сліяніе въ одинъ потокъ ручьевъ текущихъ по одной ложбинѣ, хотя бы изъ разныхъ источниковъ; произошло потому, что простой народъ, не обладающій привычкою внутренняго анализа, не способенъ удерживать собственныхъ своихъ побужденій въ строгой раздѣльности. Подобныя явленія вовсе не рѣдки. Еслибы, напримѣръ, заданъ былъ вопросъ: отчего у насъ поднялся народъ за бродягою Пугачевымъ? то конечно никто бы не взялся отвѣтить указаніемъ на *одно* побужденіе. Мы теперь, прислушиваясь къ отголоскамъ доходящимъ до насъ отъ той эпохи, различаемъ въ нихъ и негодованіе вызванное темными слухами о разныхъ передрягахъ у самаго престола, и месть озлобленнаго гоненіями раскола, и ненависть къ помѣщикамъ, и свѣжую память о раздольѣ степнаго быта, и еще другіе мотивы; но въ то время, всѣ они сливались въ одинъ нестройный и грозный вопль. Похожее, по многосложности и разнообразію побужденій шевелившихся въ народѣ, происходило и въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ.*)

Вѣсть о пріемѣ сдѣланномъ преосвященнымъ Иринархомъ приходившимъ къ нему крестьянамъ быстро раз-

*) Этой простой до пошлости истины никакъ не вмѣщаетъ Г. Юлій Эккгардъ. Онъ находитъ мое изложеніе „неяснымъ и шаткимъ (unklar und schwankend) собственно потому, что я указываю на разныя причины: неудовлетворительность поземельнаго устройства крестьянъ, потребность живой вѣры, противодѣйствіе исключительному господству Нѣмецкой стихіи (примѣчаніе 12 къ Нѣмецкому переводу 1-го выпуска Окраинъ Россіи, стр. 206). По словамъ Остзейскихъ публицистовъ, стремленіе къ Православію объясняется очень просто — лживыми обѣщаніями неуловимыхъ агентовъ Православія, а позднѣйшее, обратное стремленіе новообращенныхъ къ прежней ихъ вѣрѣ также просто — жаждою причастія (Durst nach dem Abendmahle) которой Православная Церковь будтобы не въ силахъ утолить. Такое толкованіе, дѣйствительно, очень ясно и немногосложно, но это не исторія, а историческій подлогъ.

неслась, и вскорѣ, цѣлая толпа появилась у его дверей; но онъ естественно не могъ удовлетворить ея ожиданіямъ и постоянно повторялъ искавшимъ у него помощи, что исключительное его призваніе — служить церкви. Слова епископа произвели на крестьянъ впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько времени, они стали подавать ему письменныя прошенія, въ которыхъ жалобы на помѣщиковъ и ходатайства о перечисленіи всетаки *составляли главный предметъ* (подлинныя слова Преосвященнаго Иринарха), но выражалось также и желаніе присоединиться къ Церкви — *какъ предметъ придаточный.**) Такого рода просьбъ, съ 9го Іюля по 2 Августа, Преосвященный Иринархъ принялъ до 30 отъ нѣсколькихъ тысячь душъ и, по мѣрѣ поступленія, препровождалъ ихъ къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода въ томъ предположеніи „что сіи желанія крестьянъ, равно какъ и ихъ жалобы на помѣщиковъ, которыя мѣстное гражданское начальство, повидимому, старалось замять и скрыть отъ правительства, онъ (Оберъ-Прокуроръ) можетъ быть найдетъ нужнымъ передать кому слѣдуетъ.“**) При этомъ, Рижскій Епископъ ссылался также на 16 пунктъ данной ему отъ Святѣйшаго Синода инструкціи, которымъ „вмѣнялось ему въ обязанность соотвѣтствовать Высочайшимъ ожиданіямъ въ указѣ отъ 29 Іюля 1836 изъясненнымъ касательно здѣшнихъ иновѣрцевъ***) — каковой пунктъ, въ настоящемъ случаѣ съ пользою могъ имѣть свое приложеніе; ибо если правительство захочетъ воспользоваться настоящимъ происшествіемъ, то легко можетъ умножить здѣсь число Православныхъ, облегчить участь крестьянъ, даже

---

*) Отношеніе къ Архіепископу Псковскому 6 Августа 1841 года No. 937.

**) Тамъ же.

***) Этого намека я не въ состояніи изъяснить, такъ какъ, при всемъ стараніи, не могъ достать ни инструкціи, ни указа 29 Іюля 1836 года.

безъ переселенія ихъ въ другія губерніи, и положитъ прочное основаніе быстрому преобразованію здѣшняго края въ религіозномъ отношеніи“ — До какой степени принятіе отъ крестьянъ упомянутыхъ просьбъ дѣйствительно оправдывалось инструкціею — остается пока вопросомъ; положительно только то, что Графъ Протасовъ представлялъ ихъ Государю Императору, передавалъ ихъ по Высочайшему повелѣнію Министру Внутреннихъ Дѣлъ и, до 30 Іюля, не останавливалъ дѣйствій Рижскаго Епископа, даже не выражалъ ему ни одобренія, ни неодобренія.*)

Между тѣмъ, Преосвященный Иринархъ, при всѣхъ своихъ свиданіяхъ съ крестьянами, не переставалъ повторять имъ, что онъ ничего не могъ сдѣлать ни для улучшенія ихъ хозяйственнаго быта на мѣстѣ, ни для переселенія ихъ, и что вообще этотъ предметъ не имѣлъ ничего общаго съ другимъ ихъ прошеніемъ о присоединеніи ихъ къ Православной Церкви, которое одно подлежало его вѣдѣнію. Эти частыя объясненія, мало по малу, проникали въ умы крестьянъ и многіе стали наконецъ подавать просьбы только о перемѣнѣ вѣры, не упоминая вовсе о переселеніи. Само собою разумѣется, что это отнюдь еще не было доказательствомъ полнаго ихъ вразумленія и сознательнаго отреченія отъ надеждъ на мірскія выгоды; но это былъ первый къ тому шагъ — стремленіе постепенно выяснялось и очищалось. Не считая себя въ правѣ и не имѣя желанія запереться, притвориться ничего не слышащимъ и отвѣчать на всѣ и всякія просьбы голословнымъ отказомъ, преосвященный не могъ не дать имъ какого нибудь хода и чѣмъ нибудь не успокоить крестьянъ, толпами къ нему валившихъ и не расходившихся. Онъ поручилъ одному изъ состоявшихъ при немъ

*) Отношеніе Графа Протасова къ Преосвященному Иринарху 30 Іюля No. 5080.

священниковъ, знавшему по Латышски, принимать крестьянъ, выслушивать ихъ и давать имъ нужныя объясненія. Для характеристики тогдашняго движенія и понятій господствовавшихъ въ народѣ, кстати привести здѣсь случай записанный мною до поѣздки моей въ Ригу, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, со словъ очевидца, которому я имѣю полное основаніе вѣрить. Разъ, въ то время какъ упомянутый священникъ, разговаривалъ въ своей комнатѣ съ Латышами, къ нему вошелъ мальчикъ посланный проживавшимъ въ Ригѣ солдатомъ съ просьбою придти къ нему и дать молитву женѣ его, только что родившей. Священникъ призадумался было перервать свои объясненія, но потомъ однако пошелъ, сказавъ толпившимся у него Латышамъ, чтобъ они его обождали. По уходѣ его, между Латышами завязался слѣдующій разговоръ, разсказанный потомъ женою священника знавшею по Латышски: „если *адъютантъ* епископа (такъ они назвали священника) рѣшился идти самъ, то вѣрно звалъ его офицеръ.“ — „Нѣтъ, за нимъ послалъ простой солдатъ“. — „Странно! Впрочемъ и у инаго солдата водятся деньги и онъ конечно щедро наградитъ священника за безпокойство“. — „А что? ... какъ онъ вернется, спросимъ у него, что онъ получилъ за свой трудъ?“ — „Спросимъ“. — Какъ только вошелъ священникъ, Латыши обступили его съ вопросомъ. Онъ получилъ гривенникъ и, спѣша домой, сунулъ его въ перчатку. Доказательство было на лицо, а другихъ денегъ при священникѣ не оказалось. Это такъ поразило Латышей, что одинъ изъ нихъ, всплеснулъ руками, и обратившись къ висѣвшему въ углу образу, воскликнулъ: „вотъ каковы Русскіе пасторы! А нашего то попробуй заманить къ бѣдному человѣку! Кончено! Хочу непремѣнно къ Русскому пастору и въ Русскую вѣру“. — Скажутъ (также не безъ основанія) что и это была своего рода пропаганда; но что же было противъ нея дѣлать?

А что ея дѣйствительно боялись, это понятно и на это имѣются доказательства. Къ тому же священнику, о которомъ говорено выше, заходили незнакомые ему люди и предлагали значительную по его состоянію сумму денегъ, лишь бы онъ прекратилъ записываніе; потомъ стали подбрасывать къ нему безъименныя письма, въ которыхъ угрожали ему отравою, и такъ напугали его, что нѣкоторое время онъ пекъ хлѣбъ у себя на дому.

О сношеніяхъ завязавшихся между Латышами и преосвященнымъ Иринархомъ, разумѣется, очень скоро узнали начальникъ губерніи, главный начальникъ края, Лютеранское духовенство и высшее Нѣмецкое общество. Поднялась тревога. Приняты были самыя строгія и, въ тоже время самыя раздражительныя мѣры, чтобъ отнять у крестьянъ возможность посѣщать Епископа и свѣщенниковъ. Дома послѣднихъ были оцѣплены переодѣтыми агентами полиціи; одинъ Русскій прикащикъ, по просьбѣ зашедшихъ къ нему Латышей, указавшій имъ изъ своей лавки квартиру Архіерея, за одно это былъ арестованъ; всѣхъ крестьянъ пробиравшихся къ Преосвященному или къ священникамъ, равно какъ и возвращавшихся оттуда, немедленно хватали, какъ въ городѣ такъ и въ цитадели (при содѣйствіи Коменданта) и отводили къ допросу въ Губернское Правленіе, иногда отбирались показанія и отъ сопровождавшихъ ихъ священниковъ, притомъ безъ приглашенія депутата со стороны духовенства — объ этомъ въ попыхахъ не думали; крестьянъ приходившихъ изъ уѣздовъ задерживали у городскихъ воротъ; посылались даже за городъ полицейскіе съ военными командами, которымъ вмѣнялось въ обязанность останавливать *„подозрительнымъ образомъ приходившихъ крестьянъ“* обращать ихъ назадъ, буде окажется, что они шли въ городъ для ходатайства о переселеніи, а *„упрямыхъ немедленно наказывать на мѣстѣ“* Все это дѣлалось съ людьми считавшимися вольными и обо

всемъ этомъ баронъ Паленъ подробно увѣдомлялъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.*) Понятно, что насиліе употребленное съ одной стороны вызвало хитрость съ другой. Крестьяне стали пробираться къ священникамъ тайкомъ, въ сумерки, а чтобы проскользнуть въ городъ, нѣкоторые нарочно снимали съ себя верхнюю одежду не доходя до заставы и проходили черезъ нее въ однѣхъ рубашкахъ, будто бы городскіе работники возвращающіеся на свои квартиры.

На съѣздѣ пасторовъ въ Венденѣ, предложенъ былъ вопросъ: какія принять мѣры, чтобъ отклонить стремленіе крестьянъ къ Православной церкви? Въ это же время, мѣстная Коммиссія, учрежденная въ Венденѣ для изслѣдованія причинъ предъявленнаго крестьянами желанія переселяться въ другія губерніи, и состоявшая изъ депутата дворянства, орднунгсъ-рихтера и уѣзднаго фискала (разумѣется все мѣстныхъ дворянъ и Лютеранъ), свидѣтельствовала „что перемѣнить вѣру никто не изъявилъ желанія“. — (Еще бы! Имъ-то изъявлять!) Но она однако находила нужнымъ „положительно запретить Рижскому епископу принимать у себя крестьянъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые ничего не домогались *кромѣ одной перемѣны вѣры*“**). Слѣдователи, очевидно, начинали терять голову. Напуганный не менѣе ихъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Баронъ Паленъ послѣдовалъ ихъ совѣту и, сперва черезъ посредство Гражданскаго Губернатора Барона Фёлькерзама, потомъ прямо отъ себя, потребовалъ отъ Епископа, чтобъ онъ вовсе не принималъ крестьянъ, хотя бы они являлись къ нему только съ просьбами о переходѣ въ Православную вѣру, а просто бы имъ отказывалъ, и, не записывая ихъ именъ, обращалъ бы ихъ къ губернскому начальству. Требованіе свое Баронъ Паленъ

*) Отношеніе 10 Августа No. 786.

**) Отношеніе Генер. Губ. къ Минис. Внут. Д. 1841 Іюля 18 No. 701.

мотивировалъ тѣмъ, что приливъ крестьянъ изъ уѣздовъ въ Ригу продолжался только потому, что возвращавшіеся изъ города распространяли слухъ будтобы въ домѣ Архіерея записывались имена желавшихъ переселиться. На это Преосвященный Иринархъ отвѣчалъ буквально „что въ домѣ его никто никакихъ записей на переселеніе не дѣлаетъ, что запереть двери для крестьянъ онъ не можетъ безъ особеннаго на то разрѣшенія своего начальства, ибо это значилобы отказаться отъ одной изъ главныхъ обязанностей возлагаемыхъ на него саномъ и мѣстомъ, а отсылатъ приходящихъ къ нему людей къ гражданскому начальству считаетъ излишнимъ, ибо они являются къ нему, побывавъ уже у гражданскаго начальства, что̀ доказываютъ ихъ бритыя головы, и что при томъ окружающая домъ его полиція и безъ того беретъ ихъ всѣхъ къ допросамъ въ Губернское правленіе“.*) Съ этого началась война, и планъ кампаніи Нѣмецко-Лютеранской партіи тотчасъ обозначился.

Крестьяне бѣдствовали и волновались — этого факта нельзя было отрицать, а онъ естественно могъ побудить высшее правительство всмотрѣться ближе въ ихъ положеніе и навести его на мысль о существенныхъ измѣненіяхъ въ ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Крестьяне просились въ Православную церковь, съ затаенными, задними надеждами или безъ нихъ, но всетаки просились — этого также нельзя было скрыть и было достаточное основаніе ожидать, что такое необычное явленіе послужитъ подтвержденіемъ другаго факта, на слѣдъ котораго уже и прежде не разъ нападало нравительство, а именно: полнаго равнодушія крестьянъ къ Лютеранству, и слѣдовательно крайней неудовлетворительности правственныхъ отношеній Лютеранскаго духовенства къ ввѣренной ему паствѣ.

*) Отношеніе Преосв. Иринарха къ Арх. Псковс. 6-го Авг. 1841. No. 937.

При этомъ конечно трудно было надѣяться, чтобы правительство, безъ дальнихъ справокъ и оговорокъ, просто на просто запретило присоединять Латышей къ церкви пользующейся титуломъ господствующей; а между тѣмъ, всякое разрѣшеніе присоединенія, хотя бы условное, хотябы даже обставленное всевозможными затрудненіями, легко могло повлечь за собою отпаденіе всего простонародія отъ Лютеранства.*) Это грозило окончательнымъ раззореніемъ мѣстному духовенству и подкосило бы въ корнѣ Нѣмецкое владычество въ Лифляндіи, *разорвавъ послѣднюю нравственную связь дворянства съ народомъ*, какъ выражались депутаты дворянства въ 1846 году. Итакъ, въ интересахъ господствовавшей партіи, было крайне необходимо подвернуть правительству такое объясненіе движенія происходившаго въ Лифляндіи, которое удовлетворило бы его вполнѣ, замаскировало бы отъ него многосложныя побужденія шевелившіяся въ народѣ и, такимъ образомъ, отвлекло бы нашихъ государственныхъ мужей отъ мысли всмотрѣться въ дѣло ближе и добраться до самой его сущности. На такого именно рода надобности издавна припасены очень пригодныя *слова*. Онѣ хороши особенно тѣмъ, что ими выражаются понятія крайне тягучія, подъ которыя легко подвести самыя разнохарактерныя явленія, лишь бы онѣ имѣли наружный видъ нестройности и происходили въ

---

*) Даже въ позднѣйшую эпоху, когда уже стало видно, что правительство не окажетъ Латышамъ перешедшимъ въ Православіе никакой защиты, на Лифляндскомъ синодѣ 1849 года, прочтенъ былъ докладъ, въ которомъ необходимость строжайшихъ мѣръ противъ гернгутеровъ мотивировалась слѣдующими словами: „не будучи пророкомъ, нельзя однако не предусматривать, что если еще одно поколѣніе гернгутеровъ останется при прежнихъ способахъ дѣйствія, то въ Лифляндіи въ концѣ исчезнетъ какъ Лютеранство, такъ и само гернгутерство и останется одна Греческая Церковь, да при ней, въ деревняхъ, скудные, разрозненные осколки Евангелической вѣры; ибо гернгутерство, эта самодѣльная, на пескѣ выстроенная храмина не выдержитъ напора вѣтровъ и дождей“ (Д. Гарнакъ стр. 370).

нисшихъ слояхъ общества; другое достоинство этихъ словъ заключается въ томъ, что, будучи разъ произнесены и приняты для обозначенія того или другаго факта, онѣ избавляютъ отъ труда долго думать, а прямо наводятъ на извѣстный порядокъ всѣми затверженныхъ практическихъ мѣръ. Таково, напримѣръ, слово *бунтъ*. И вотъ, окрестили движеніе Лифляндскихъ крестьянъ въ Православіе этимъ драгоцѣннымъ словомъ.

„Злой духъ упорства распространился по всей странѣ, „и дѣла дошли до того, что миролюбно устроить ихъ „невозможно; съ тѣмъ вмѣстѣ, глухое смятеніе уже об„наруживается угрозами явнаго возмущенія кровопроли„тія и опустошенія". — Эту въ своемъ родѣ мастерскую фразу сочинилъ и первый пустилъ въ ходъ предсѣдатель слѣдственной Коммиссіи фонъ Гагемейстеръ; послѣ этого генералъ-губернаторъ, которому она кажется очень полюбилась, не разъ переписывалъ ее, цѣликомъ или по частямъ, въ своихъ конфиденціальныхъ сообщеніяхъ своему патрону и другу графу Бенкендорфу; черезъ послѣдняго, она разнеслась по всему Петербургу и тамъ возъимѣла желаемый успѣхъ. А между тѣмъ, въ то самое время какъ Лифляндіи будтобы угрожали явное возмущеніе, кровопролитіе и опустошеніе, тамошніе дворяне, по прежнему, съѣзжались въ уѣздные города и въ Ригу на собранія по своимъ сословнымъ дѣламъ, приспокойно оставляя на произволъ судьбы въ деревняхъ свою собственность и свои семьи; но про это въ Петербургѣ не знали, или не хотѣли знать. Сказано было: *бунтъ*, и довольно! а такъ какъ всякій бунтъ непремѣнно предполагаетъ зачинщиковъ, то въ настоящемъ случаѣ, роль эта естественно выпала Православному духовенству, въ особенности же преосвященному Иринарху, какъ главному лиходѣю. Затѣмъ, оставалось только постараться, чтобъ высшее правительство и самъ Государь Императоръ усвоили себѣ придуманное

толкованіе Лифляндскаго движенія (это ужъ было дѣло Петербургскаго Министерства Остзейскихъ дѣлъ) и наконецъ, подготовивъ почву, подобрать на мѣстахъ какія нибудь подобія уликъ и доказательствъ. Съ этой минуты, все Православное духовенство въ Лифляндіи взято было подъ секретный надзоръ мѣстной полиціи, и вся дѣятельность тамошнихъ властей сосредоточилась почти исключительно на подслушиваніи и на подшептываніи доносовъ противъ него направленныхъ. Для почина, всего удобнѣе было воспользоваться тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ понятіяхъ крестьянъ, духовное дѣйствительно перемѣшивалось съ мірскимъ и что поэтому, какъ бы преосвященный Иринархъ ни отбивался отъ жалобъ и ходатайствъ по дѣламъ до него не касавшимся, онѣ всетаки до него доходили. Въ доказательство обвиненій взводимыхъ на епископа, баронъ Паленъ сообщилъ въ Петербургъ слѣдующее обстоятельство.

Нѣкій Григорій Спасскій, уволенный изъ духовнаго званія и проживавшій до 15 Іюля въ домѣ церковнослужителей Алексѣевской церкви, противъ дома занимаемаго Епископомъ, сдѣлалъ въ Губернскомъ Правленіи словесное заявленіе, вслѣдъ затѣмъ изложенное имъ письменно и начинавшееся такимъ образомъ: „услыхавъ, что крестьяне Лифляндской губерніи пришли въ безпорядокъ какъ бы оттого, что его Преосвященство употребляетъ свое стараніе о ихъ переселеніи и узнавъ что отъ этого очевидно могутъ произойти опасныя послѣдствія, нынѣ, я, какъ также виновный въ этомъ безпорядкѣ, осмѣливаюсь пасть къ стопамъ благомилостиваго моего начальства и, съ чистосердечнымъ раскаяніемъ и сожалѣніемъ о сдѣланномъ проступкѣ, открыть нижеслѣдующее“. Это вступленіе опредѣляетъ тонъ показанія и достаточно обрисовываетъ личность кающагося грѣшника. Далѣе онъ подробно повѣствовалъ, что Рижской Алексѣевской церкви священ-

никъ Фасановъ поручалъ ему написать для приходившихъ къ Преосвященному Иринарху Латышей просьбу объ исходатайствованіи имъ перевода въ другую губернію на какія то земли, будто бы по Высочайшей волѣ на то опредѣленныя, или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи власти помѣщиковъ надъ крестьянами, за что они, изъ чувства благодарности, давали обѣщаніе перейти въ Православіе. Сомнѣваясь, чтобъ такое прошеніе имѣло законное основаніе, онъ Спасскій будто бы долго отнекивался; но Фасановъ уговорилъ его, сказавъ, что это дѣло доброе, что крестьяне освободятся отъ помѣщиковъ, а Православная вѣра распространится. Послѣ этого, и когда самъ Фасановъ продиктовалъ ему просьбу, онъ Спасскій не посмѣлъ ослушаться своего начальства и, хотя противъ воли, написалъ черновое прошеніе, которое было своеручно исправлено Фасановымъ и потомъ переписано. Латыши дали Спасскому за труды 75 коп. которыя онъ совѣстился принять, но однако принялъ. Въ другой разъ и при такихъ же обстоятельствахъ, была имъ написана такого же содержанія просьба по порученію экономa Архіерейскаго дома Священника Погонялова и Архіерейскаго келейника Анненкова. Но на сей разъ, пришедшіе Латыши долго не соглашались на условіе о переходѣ въ Православіе, однако наконецъ были уговорены упомянутыми лицами, объявившими имъ, что буде они не дадутъ требуемаго обѣщанія, то и Архіерей за нихъ ходатайствовать не будетъ. Обѣ просьбы были подписаны крестьянами какъ за себя, такъ и за отсутствующихъ и поданы ими Архіерею, который ихъ принялъ. На другой день Архіерей поручилъ священнику Погонялову объявить ему Спасскому чтобъ онъ впередъ никакихъ просьбъ для крестьянъ не писалъ, такъ какъ, по выходѣ его изъ духовнаго званія, гражданское начальство сталобы ему за это мстить. Къ этому Погоняловъ прибавилъ, что Его Преосвященство

приказалъ объявить крестьянамъ, что буде они хотятъ переселиться съ условіемъ перейти въ Православіе, то могутъ объ этомъ просить черезъ уполномоченныхъ, снабжая ихъ довѣренностями отъ многихъ. Сверхъ всего этого, Спасскій передавалъ, какъ слухъ сообщенный ему церковнымъ сторожемъ водившимъ крестьянъ въ Архіерейскій домъ, что Преосвященный распрашивалъ крестьянъ о томъ какъ обращаются съ ними помѣщики и что теперь, составленіемъ таковыхъ же просьбъ занимаются другія лица, какъ это было и прежде. Въ заключеніе, Спасскій вторично „повергался къ стопамъ всемилостивѣйшаго своего начальства, описывалъ угрызенія своей совѣсти, объяснялъ, что къ принесенію чистосердечнаго покаянія побудила его надежда умалить этимъ свою вину и просилъ прощенія въ своемъ преступленіи, въ которое онъ впалъ только изъ одного повиновенія прежнему своему (духовному) начальству и изъ опасенія, чтобъ оно не отказало ему въ аттестатѣ для увольненія изъ духовнаго званія.“ Къ изложенному показанію, возбуждающему при чтеніи непріятное ощущеніе похожее на тошноту, приложена была и улика: черновое прошеніе будто бы своеручно исправленное священникомъ Фасановымъ.

По этому извѣту формальнаго слѣдствія въ то время произведено не было и о содержаніи его мѣстное начальство не сообщило Преосвященному Иринарху ни единаго слова; но черезъ нѣсколько времени, онъ самъ узналъ о немъ, по слухамъ, и поэтому, въ числѣ другихъ обстоятельствъ донесъ Святѣйшему Синоду слѣдующее: „изслѣдованіе (нужно понимать опросъ) произведенное гражданскимъ начальствомъ мнѣ совершенно неизвѣстно. Рижскій Военный Губернаторъ писалъ мнѣ, что въ моемъ домѣ производятся записи крестьянъ на переселеніе; я просилъ его увѣдомить меня кто именно этимъ занимается и представить документы въ улику, дабы я въ этомъ случаѣ могъ сдѣлать распоряженіе ему

угодное, но на отношеніе мое не послѣдовало никакого отвѣта. Не знаю какія именно прошенія имѣетъ въ виду гражданское начальство; если оно разумѣетъ прошенія о переселеніи крестьянъ и о присоединеніи ихъ къ православію, то я смѣло могу увѣрить, что такихъ прошеній никто изъ здѣшняго духовенства не писалъ. Двѣ первыя поданныя мнѣ просьбы сего рода были писаны однимъ уволеннымъ изъ духовнаго званія причетникомъ, по прозванію Спасскимъ, но и ему, несмотря на то, что онъ не состоитъ въ моемъ вѣдомствѣ, вскорѣ по полученіи сихъ прошеній, дано было мною знать черезъ эконома моего дома, чтобъ онъ не писалъ таковыхъ прошеній, и дѣйствительно, послѣ того, я не видалъ болѣе его руки въ прошеніяхъ."

Стало быть, подумаетъ читатель, всётаки въ доносѣ Спасскаго, отчасти на самаго себя а больше на бывшихъ его товарищей и на Архіерея, была же доля правды; желательно бы только знать: всё ли въ немъ правда и одна ли правда? Этотъ вопросъ разъяснился нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, и уже послѣ того какъ Преосвященный Иринархъ и его ближайшіе помощники испытали на себѣ всю тягость Высочайшаго гнѣва. Только тогда доносъ Спасскаго и приложенное къ нему черновое прошеніе были разсмотрѣны Синодомъ, предъявлены кому слѣдовало для надлежащаго противъ нихъ объясненія и оцѣнены по достоинству.

Вотъ что при этомъ оказалось: на черновомъ прошеніи писанномъ Спасскимъ, въ томъ видѣ въ какомъ оно было передано Графомъ Бенкендорфомъ Оберъ-Прокурору Св. Синода, надъ титуломъ, рукою того же Спасскаго и за его подписью, было написано: „прошу Васъ что̀ не такъ исправить или что̀ нужно добавить и прислать мнѣ для переписки." Передъ словомъ „*прошу*" стоялъ восклицательный знакъ, а передъ этимъ знакомъ, безъ сомнѣнія,

было прописано имя лица къ которому обращался Спасскій; но край листа, на которомъ выставлено было это имя и начало обращенія, былъ отодранъ. Къ кому же именно относилась приписка? Для разрѣшенія этого вопроса приступлено было къ сличенію поправокъ, которыя Спасскій приписывалъ священнику Фасанову, съ почеркомъ послѣдняго и между ними не оказалось никакого сходства.

Такимъ образомъ, главная улика сама собою улетучилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ пало естественное подозрѣніе на добросовѣстность доносчика. Слѣдовало бы опросить и его формальнымъ порядкомъ, давъ ему очную ставку съ оговоренными имъ лицами; но объ этомъ почему то не подумали. Для характеристики этой личности остается прибавить, что поводомъ къ увольненію его изъ духовнаго званія было дурное его поведеніе; что онъ бродяжничалъ по Курляндіи, бѣдствовалъ въ крайней нуждѣ, искалъ письменныхъ занятій, и въ письмѣ *къ тому же самому Священнику Фасанову, котораго онъ послъ оговорилъ, напоминая о прежнихъ оказанныхъ ему Спасскому Фасановымъ благодѣяніяхъ*, испрашивалъ денежнаго себѣ пособія. Обнаружилось также, что незадолго до поданнаго Спасскимъ заявленія, которымъ онъ обвинялъ въ недобросовѣстныхъ продѣлкахъ Архіерея и своихъ бывшихъ сослуживцевъ, онъ сблизился съ однимъ Рижскимъ священникомъ бывшимъ подъ запрещеніемъ, который былъ всегда въ рѣшительномъ разладѣ со всѣми членами мѣстнаго духовенства. Этотъ священникъ водилъ Спасскаго въ Губернское Правленіе съ какою то просьбою и потомъ ходатайствовалъ о награжденіи его за принесенное имъ чистосердечное признаніе. Дѣйствительно, Спасскій, вскорѣ послѣ того получилъ два мѣста, одно въ Губернскомъ Правленіи, другое въ канцеляріи Генералъ-Губернатора. Сообразивъ совокупность этихъ обстоятельствъ и припомнивъ, что въ тоже самое время невидимыя руки, въ под-

метныхъ письмахъ, обольщали и стращали Православныхъ Священниковъ, нельзя не отнестись по крайней мѣрѣ съ крайнею осторожностью къ подозрительной личности, такъ кстати подвернувшейся съ своимъ доносомъ подъ руку мѣстнымъ властямъ, ловившимъ на всѣхъ перекресткахъ и, такъ сказать, выжимавшимъ изо всего улики противъ нашего духовенства.

Изъ лицъ упомянутыхъ въ доносѣ Спасскаго, священникъ Погоняловъ (экономъ) подтвердилъ, что разъ онъ дѣйствительно указалъ Спасскому на стоявшихъ въ пѣвческой крестьянъ, желавшихъ подать просьбу о перечисленіи и о присоединеніи ихъ къ Церкви, при чемъ сказалъ только: напиши если можешь. Священникъ Фасановъ нетолько отвергъ приписываемое ему участіе въ составленіи просьбы Спасскимъ, но прибавилъ, что самъ отклонялъ его отъ этого. Всѣ опрошенные показали единогласно, что, по полученіи первыхъ двухъ просьбъ писанныхъ Спасскимъ, Преосвященный Иринархъ безусловно запретилъ имъ заниматься этимъ дѣломъ; что вообще, съ разрѣшенія Архіерея, писали для крестьянъ просьбы только священники Погоняловъ и Заволоцкій бывшій при единовѣрческой церкви, и что никто изъ нихъ нетолько не написалъ ни одной просьбы, въ которой бы упоминалось о переселеніи или объ улучшеніи хозяйственнаго быта поселянъ въ самой Лифляндіи, но и на словахъ не подавалъ крестьянамъ никакого повода укрѣпляться въ подобныхъ надеждахъ. Напротивъ, всѣ они, по примѣру самаго Архіерея, старались ихъ въ этомъ разувѣрить.

Прописанный доносъ Спасскаго былъ далеко не единственный въ своемъ родѣ, хотя и отличался отъ другихъ подобныхъ сравнительно большею опредѣлительностью. Какъ сказано было выше, всѣхъ крестьянъ ходившихъ къ священникамъ или возвращавшихся отъ нихъ или подозрѣваемыхъ въ намѣреніи войти съ ними въ сношеніе,

хватали, сѣкли (вѣроятно для возбужденія въ нихъ бодрости и правдивости) потомъ опрашивали въ Губернскомъ Правленіи. Баронъ Паленъ съ каждою почтою посылалъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Шефу Жандармовъ цѣлыя кипы выписокъ изъ ихъ показаній, продолжая по прежнему не сообщать изъ нихъ ни полслова Преосвященному Иринарху. Слѣдующія выписки дадутъ читателямъ понятіе о множествѣ однородныхъ заявленій.

„4го Августа, утромъ, видны были на дорогѣ отъ Епископскаго дома въ цитадель нѣкоторые крестьяне Эстонской націи. По донесеніи мнѣ о томъ а также, что они скрылись отъ розысканіи полиціи, я поручилъ коменданту, задержавъ ихъ при выходѣ изъ цитадели, передать полиціи, чдѣ и было исполнено, когда они выходили изъ цитадели съ Священниками Суворовымъ и Заволоцкимъ, при чемъ послѣдній объявилъ, что онъ написалъ имъ прошеніе и хотѣлъ вести ихъ къ Его Преосвященству*) Задержанные крестьяне допрошены въ Губернскомъ Правленіи и большинство изъ нихъ созналось въ томъ, что частью за себя, частью же по довѣренности за другихъ по предмету переселенія, приходили сюда къ Епископу, откуда ихъ отослали въ цитадель къ священникамъ, которые имъ обѣщали переселеніе съ условіемъ принятія ими Православной вѣры и тогда ихъ записали.“

„Жительствующій здѣсь уволенный отъ военной службы Губернскій Секретарь Евгеній Стуартъ, для нѣкоторыхъ крестьянъ помѣстья Альтъ-Каркельнъ, составилъ за плату на имя его Преосвященства просьбу о переселеніи ихъ въ Саратовскую или другую губернію; но Его Преосвященство, 2го Августа, принявъ подобныя просьбы отъ другихъ крестьянъ, нашелъ прошеніе не подле-

*) Людей хватали, какъ видно, ни про что ни за что, такъ просто, за то что шли по улицѣ съ священникомъ, а не съ пасторомъ, съ Суворовымъ или заболоцкимъ, а не съ Голдгаммеромъ или Шмитомъ.

жащимъ и возвратилъ оное подателю Сигеру Юмбургу (повѣренному отъ крестьянъ); за симъ Губернскій Секретарь Стуартъ приписалъ на просьбѣ, что крестьяне съ тѣмъ вмѣстѣ просятъ и о присоединеніи ихъ къ Православію. Но Сигеръ-Юмбургъ не захотѣлъ брать просьбы съ такимъ прибавленіемъ и требовалъ возврата заплаченныхъ за сочиненіе ея денегъ, изъ чего обнаруживается, что еслибъ Стуартъ сначала включилъ это условіе, то люди, безъ малѣйшаго сомнѣнія, не подписали бы просьбу писанную на языкѣ совершенно имъ чуждомъ, въ убѣжденіи, что она содержитъ въ себѣ только предметъ ихъ желанія."

До сихъ поръ мы видѣли мелкія экспедиціи, а вотъ образчикъ цѣлой облавы на людей: „8 Августа, по показаніямъ задержанныхъ на улицахъ подозрительныхъ крестьянъ, Рижская полиція производила розысканіе въ окресностяхъ города и найдено въ лѣсу пристанище, гдѣ было собравшихся 40 человѣкъ крестьянъ изъ разныхъ мѣстъ губерніи, съ лошадьми и телѣгами. Большая часть изъ сихъ людей, вѣроятно предостереженная выставленными караульщиками, скрылась; восемь же задержаны полиціею и представлены 8го Августа въ Губернское Правленіе, гдѣ они, *равно какъ и всѣ прочіе допрошенные тамъ въ послѣднее время крестьяне, не объявивъ ни малѣйшей жалобы на ихъ помѣщиковъ**), сознались въ томъ, что пришли по порученію ихъ обществъ, дабы тайно произвести въ дѣйствіе чрезъ духовенство Православной Церкви обѣщанное имъ на выгодныхъ условіяхъ переселеніе."

„Трое изъ крестьянъ задержанныхъ на обратномъ

---

*) Это выписано буквально изъ отношенія Барона Палена 10 Августа No. 786; при этомъ, онъ конечно запамятовалъ, что въ отношеніи его 3 Августа No. 753 онъ писалъ: „всѣ жалобы на помѣщиковъ, принесенныя Гражданскому Начальству бывшими въ Ригѣ по предмету ихъ переселенія крестьянами, по распоряженію моему, переданы Губернскимъ Правленіемъ надлежащимъ судебнымъ мѣстамъ и я бдительно тщусь о безотлагательномъ ихъ разсмотрѣніи и законномъ рѣшеніи.

пути отъ Архіерея, къ которому они были проведены тайкомъ, на разсвѣтѣ, показали *наконецъ*, что были тамъ шесть часовъ, въ каковое время три священника имѣли съ ними переговоры, между тѣмъ какъ четвертый, котораго описываютъ какъ Епископа, стоялъ за стеклянными дверьми; что мало только могли разумѣть сихъ трехъ священниковъ, по причинѣ незнанія Русскаго языка, однакожъ столько поняли, что ихъ уговаривали перейти въ Православную вѣру, при чемъ между прочимъ и показали имъ крестъ, который должны были цѣловать, и что пришли они въ Ригу только по предмету переселенія, но отнюдь не для перемѣны вѣры, о чемъ знать не хотятъ."

Попадались однако и такіе крестьяне, которые хотѣли объ этомъ знать. Самъ Баронъ Паленъ писалъ: „трое изъ схваченныхъ полиціею и опрошенныхъ крестьянъ, отрицаясь (sic) въ намѣреніи переселенія, утвердили, что *только* по предмету ихъ присоединенія къ Православію обращались къ Священникамъ." Стало быть проявлялось и побужденіе религіозное? Какъ же съ этимъ быть? Слушайте: „однакожъ (продолжаетъ Баронъ Паленъ) изъ допроса явствуетъ*), что таковое показаніе было ложно и умышленно (?), ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію (почему?), что лишь только обѣщаемое имъ достиженіе желанія выгоднаго переселенія побуждало ихъ къ изъявленію намѣренія о перемѣнѣ вѣры, почему заключить должно о мнѣніи ихъ, что послѣ того уже послѣдуетъ исполненіе ихъ домогательства."**)

Итакъ, не изъ показаній извлекалось общее понятіе о настроеніи крестьянъ, а наоборотъ, предвзятое понятіе служило осѣлкомъ при сужденіи о показаніяхъ. Выходило такъ, что всякому изъ подъ палки данному свидѣтельству,

*) Изъ допроса приведены только выписанныя слова.

**) Отношенія Генералъ-Губернатора къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ 3, 8, 10 Августа No. 753, 785, 786.

какъ бы неправдоподобно оно ни было (напримѣръ разсказу о Преосвященномъ Иринархѣ будтобы изъ за двери подслушивавшемъ разговоръ) слѣдовало вѣрить, если только оно содержало въ себѣ улику противъ Православнаго духовенства; а когда высказывалось твердое желаніе Православія, Православія ради, можно было отвергать показаніе, полагаясь на безошибочность психологическихъ наблюденій Губернскаго Правленія, передъ очами котораго, какъ какой нибудь журналъ, лежала разверстая народная совѣсть.

Я предполагаю однако, что даже тѣ изъ читателей, которые не бывали въ Лифляндіи и не имѣли случая собственнымъ опытомъ научиться крайней осторожности въ обращеніи съ тамошними такъ называемыми подлинными актами, всетаки не сочтутъ излишнимъ взглянуть на дѣло нѣсколько критически.

Прежде всего, посмотримъ на образъ дѣйствія Преосвященнаго Иринарха. Не онъ заманилъ къ себѣ крестьянъ, а они сами пришли къ нему, сперва случайно, потомъ стали приходить цѣлыми партіями, какъ къ единственному лицу не отталкивавшему ихъ отъ себя. Можетъ быть, на первыхъ порахъ, онъ поступилъ не осторожно, принявъ отъ нихъ нѣсколько просьбъ, въ которыхъ они жаловались на свое невыносимое положеніе, на притѣсненія помѣщиковъ, на свою нищету, и ходатайствовали о разрѣшеніи имъ навсегда покинуть свою родину; но въ этомъ случаѣ его до нѣкоторой степени извиняетъ желаніе сообщить правительству такія данныя, по которымъ бы оно могло составить себѣ точное понятіе о характерѣ движенія и о настроеніи крестьянъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ извѣстно было Преосвященному Иринарху, мѣстное начальство, въ своихъ донесеніяхъ, преднамѣренно извращало дѣло, чтобъ запугать правительство. Съ другой стороны, самая эта неосто-

рожность свидѣтельствуетъ о явной неосновательности главнаго обвиненія взведеннаго на Епископа ненавидѣвшею его партіею. Еслибы Преосвященный Иринархъ, у котораго злѣйшіе его враги не оспоривали ни ума, ни практическаго такта, способенъ былъ обольщать крестьянъ вещественными выгодами, которыхъ онъ имъ доставить не могъ; еслибъ онъ точно имѣлъ намѣреніе вскружить имъ головы и, такъ сказать, загнать ихъ въ Православную Церковь (чего онъ не считалъ себя въ правѣ сдѣлать безъ разрѣшенія свыше), то сталъ ли бы онъ предъявлять правительству документальныя доказательства того, что во многихъ и многихъ случаяхъ, высказываемое желаніе крестьянъ перейти въ Православіе было подбито надеждою на переселеніе, а иногда даже выражалось подъ условіемъ переселенія? При тогдашнемъ неограниченномъ къ нему довѣріи Латышей, ему бы не трудно было, питая въ нихъ подъ рукою неосуществимыя надежды, уговорить ихъ воздерживаться отъ гласнаго ихъ заявленія, а ограничиваться однѣми просьбами о присоединеніи къ Церкви. Этимъ онъ замаскировалъ бы отъ правительства дѣйствительныя побужденія крестьянъ. Въ поясненіе этого предположенія, я укажу на сходный фактъ позднѣйшаго времени, изъ котораго читатели увидятъ какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ умные люди.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ описываемыхъ происшествій, въ кругу новообращенныхъ Латышей обнаружилось очень сильное обратное движеніе изъ Православія въ Лютеранство. Первыми признаками его были уклоненія Православныхъ Латышей отъ исповѣди и причастія, потомъ болѣе или менѣе упорное сопротивленіе со стороны родителей крещенію и миропомазанію ихъ новорожденныхъ дѣтей по чину Православной церкви, наконецъ стали поступать словесныя и письменныя просьбы о разрѣшеніи Право-

славнымъ переходить въ Лютеранство, или, по крайней мѣрѣ, крестить въ Лютеранскую вѣру дѣтей рожденныхъ отъ браковъ Лютеранъ съ Православными. Пасторы и мѣстное гражданское начальство (не исключая генералъ-губернаторовъ) въ одинъ голосъ объясняли это неожиданное явленіе естественнымъ, по ихъ увѣренію, пробужденіемъ въ душѣ крестьянъ въ сущности никогда не вымиравшей привязанности къ ихъ старой вѣрѣ, отъ которой они наружно отпали, будто бы только подъ вліяніемъ несбывшихся мірскихъ надеждъ. Но когда тѣхъ же крестьянъ опрашивало духовенство, они отвѣчали, что тяжелая необходимость вынуждала ихъ къ вѣроотступничеству; что ихъ, за то только, что они исповѣдывали *Русскую* вѣру, сгоняли съ усадьбъ подъ самыми пустыми предлогами, а иногда безъ всякихъ предлоговъ; что ради той же причины, имъ систематически отказывали въ работѣ; что всѣ повинности ложились на нихъ тяжелѣе чѣмъ на Лютеранъ, и взыскивались безпощаднѣе; что доводя ихъ преднамѣренно до нищеты, помѣщики, при всякомъ удобномъ случаѣ, давали имъ чувствовать, что все это дѣлалось съ нимн потому только, что они Православные и что житье ихъ немедленно измѣнилось бы къ лучшему, еслибъ имъ удалось вернуться къ Лютеранству; что пасторы, съ каѳедръ, глумились надъ ихъ вѣрою и натравливали на нихъ ихъ односельцевъ Лютеранскаго исповѣданія; что на испытываемыя ими издавна обиды и притѣсненія, они много разъ жаловались, но ни у кого не находили ни защиты, ни сочувствія; что наконецъ мѣра ихъ терпѣнія переполнилась и что они по неволѣ обращались къ единственному выходу для себя, или по крайней мѣрѣ для дѣтей своихъ, изъ невыносимаго положенія отверженцевъ. Въ доказательство правдивости этихъ заявленій, я приведу въ свое время много свидѣтельствъ, а на сей разъ достаточно сказать то, чего никто конечно

не станетъ оспоривать, а именно, что жалобы писанныя на эти темы насчитывались сотнями въ канцеляріяхъ Рижскаго епископа и генералъ-губернатора. Въ виду двухъ столь рѣзко противоположныхъ объясненій одного и того же явленія, высшее правительство призадумалось и, наконецъ, прибѣгло къ обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ средству: послать флигель-адъютанта съ порученіемъ проѣхаться по Лифляндіи. Выборъ палъ на графа Бобринскаго. Онъ объѣхалъ два уѣзда и опросилъ Православныхъ крестьянъ, которыхъ вызывалъ *черезъ мѣстную полицію*, и которые иногда приходили къ нему цѣлыми толпами, вопреки его распоряженіямъ, такъ какъ онъ требовалъ всегда небольшаго числа уполномоченныхъ. Во всеподданнѣйшемъ своемъ рапортѣ 18 Апрѣля 1864 г., графъ Бобринскій писалъ о своихъ объясненіяхъ съ крестьянами между прочимъ слѣдующее: „меня поразилъ одинъ фактъ, „что изъ всѣхъ явившихся ко мнѣ крестьянъ, *ни одинъ „не подавалъ мнѣ просьбъ не касающихся вѣроисповѣданія*, „за исключеніемъ 10 или 15 человѣкъ, которые, вмѣстѣ „съ изъявленіемъ желанія остаться Православными, про„сили объ улучшеніи ихъ матеріальнаго быта“ — фактъ дѣйствительно курьезный! О множествѣ поданныхъ ими жалобъ на всякаго рода притѣсненія, обиды и оскорбленія, объ этомъ непрерывномъ своемъ плачѣ, которымъ они, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, оглушали Православное духовенство и генералъ-губернаторовъ, крестьяне вдругъ какъ будто позабыли; такъ-таки почти ни одинъ и не заикнулся объ этомъ! Изумиться было естественно; но жаль, что графъ Бобринскій ограничился выраженіемъ своего изумленія. Еслибъ онъ постарался разъяснить себѣ причину поразившаго его явленія, въ связи со всѣмъ предшествовавшимъ, то онъ безъ сомнѣнія уберегся бы отъ *оффиціальнаго обмана*, котораго сдѣлался невольною жертвою, и догадался бы, какъ догадается всякій сколько ни-

будь серьезно изучавшій Лифляндскіе порядки, что передъ нимъ разыгрывалась заранѣе подготовленная комедія и что ему подставляли людей напередъ обученныхъ и настроенныхъ. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что, какъ пишетъ графъ Бобринскій, бесѣды его съ крестьянами происходили всегда въ присутствіи Русскаго священника и *Ординнгсъ-Рихтера*, то есть мѣстнаго полицейскаго чиновника, избраннаго помѣщиками изъ своей среды. Чувствуя на себѣ внушительный взглядъ этого знакомаго имъ блюстителя порядка, который, по отъѣздѣ фрафа Бобринскаго, имѣлъ бы тысячи случаевъ съ ними разсчитаться, крестьяне конечно не забывали своей затвержденной роли, а еслибы кто нибудь изъ нихъ невольно съ нея сбился, то тотъ же внушительный взглядъ скоро привелъ бы его въ память. До такого мастерства въ сценической постановкѣ, Русскіе едвали когда нибудь дойдутъ, а Преосвященный Иринархъ, какъ видно изъ его дѣйствій, за нимъ и не гонялся.

Внимательное изученіе его отчетовъ и распоряженій, кажется, не можетъ не оставить въ безпристрастномъ наблюдателѣ убѣжденія въ томъ, что въ самыхъ трудныхъ и раздражительныхъ обстоятельствахъ, когда онъ служилъ мишенью для неутомимой клеветы, онъ сохранялъ ясность честнаго взгляда и полное самообладаніе. Изъ донесеній его видно, что онъ нисколько не отрицалъ двойственности народныхъ стремленій: къ новой хозяйственной обстановкѣ, и къ новой вѣрѣ; но онъ доказывалъ, что это сочетаніе совершенно разнородныхъ цѣлей никѣмъ не было *сдѣлано*, а дѣлалось само собою. Онъ видѣлъ въ этомъ не подпольную интригу, а признакъ народной неразвитости, естественное неумѣніе разлагать въ своемъ сознаніи идеальное представленіе о будущемъ на составные элементы, вещественный и духовный, изъ которыхъ оно слагалось. Указывая на тѣ случаи, въ которыхъ Латыши,

съ поразительною твердостью, выражали передъ нимъ рѣшительное свое намѣреніе примкнуть къ Церкви, отъ которой они ожидали бо́льшаго себѣ утѣшенія чѣмъ отъ Лютеранства, что́бы за тѣмъ ни послѣдовало въ условіяхъ хозяйственнаго ихъ быта, онъ повторялъ безпрестанно, что это стремленіе имѣло свой собственный корень, который могъ очиститься и пробиться сквозь густую сѣть другихъ, заглушавшихъ его побужденій, если только мѣстное начальство, встрѣчая съ одинаковою суровостью мечту о переселеніи и мысль о переходѣ въ Православіе, тѣмъ самымъ не будетъ поддерживать въ крестьянахъ заблужденія будто бы то и другое нераздѣльно между собою связаны.

Обращаясь къ другой сторонѣ и представляя себѣ ходъ слѣдственнаго дѣлопроизводства въ Лифляндіи 1841 года, надобно разъ навсегда откинуть всѣ теперешнія наши представленія о юридическомъ характерѣ слѣдователя, объ отношеніи его къ общественной средѣ его окружающей, о настроеніи опрашиваемыхъ, о способѣ опрашиванія, и т. д. Мы предполагаемъ (когда нѣтъ причины въ этомъ сомнѣваться) въ слѣдователѣ — безпирстрастіе и спокойствіе духа; въ опрашиваемомъ, когда онъ призывается въ качествѣ свидѣтеля — большее или меньшее сознаніе личной его безопасности; въ общественной средѣ — ясную совѣсть; въ судебной процедурѣ, какъ единственную ея цѣль — дознаніе правды, какова бы она ни была. Но ничего похожаго на это не было въ Лифляндіи 1841 года. Показанія отбирались не безстрастнымъ служителемъ зако́на, а послушнымъ агентомъ цѣлаго́ сословія, напуганнаго и раздраженнаго; допросъ производился келейно, въ кругу своихъ, чувствовавшихъ, думавшихъ и дрожавшихъ за одно; наконецъ общество, съ жадностью ловившее всякій слухъ, интересовалось не тѣмъ, что́ правда и что́ неправда, а тѣмъ: въ какой мѣрѣ записанное показаніе ускоритъ или

отдалитъ грозу накоплявшуюся надъ головами преосвященнаго Иринарха и его подчиненныхъ. Подъ вліяніемъ той же заботы, задавались вопросы и записывались отвѣты, не съ цѣлью выяснить что̀ зналъ или что̀ думалъ опрашиваемый, а въ надеждѣ вытянуть изъ него подтвержденіе заранѣе сложившагося взгляда. Словомъ: слѣдствіе и судъ были въ рукахъ не слѣдователей и судей, какими мы ихъ себѣ представляемъ, а обвинителей Православнаго духовенства. Теперь перенеситесь мысленно въ положеніе опрашиваемаго. Его хватаютъ на улицѣ и вталкиваютъ въ присутствіе. Ошеломленный, онъ оглядывается и видитъ передъ собою строгія физіономіи, которыхъ онъ издавна привыкъ бояться; палки, неизбѣжныя палки, бритвы, кандалы, конвой, угрозы слышанныя имъ дома, на пути, въ самомъ городѣ, все это мгновенно ему припоминается и кружится передъ его помутившимися взорами. Его спрашиваютъ: „ты вѣдь тоже изъ тѣхъ, что затѣяли бѣжать изъ края въ какую-то обѣтованную землю? Да смотри: не хитрить!“ — „Виноватъ! точно хотѣлось-бы куда нибудь подальше.“ — „А отъ кого же слышалъ ты, что за перемѣну вѣры тебя переселятъ въ другую губернію?“ — „Ей Богу не умѣю сказать, многіе говорятъ чуть ли не всѣ.“ — „А! такъ ты запираешься? Смотри, какъ бы отъ этого не вышло для тебя хуже. Говори скорѣе: отъ кого слышалъ?“ — Латышъ молчитъ и переминается съ ноги на ногу. „Ну чтожъ ты молчишь? Еще разъ: кто подбивалъ тебя? Вѣдь не пасторъ же?“ — „Нѣтъ, не пасторъ.“ — „И не помѣщикъ, не Кирхшпильсъ-рихтеръ, не Орднунгсъ-рихтеръ?“ — „Нѣтъ, не они.“ — „Такъ ужь не Русскій ли попъ?“ — Вѣдь ты отъ него уходилъ, когда попался?“ — „Точно отъ него.“ — „Ага! Ну такъ чтоже?“ Значитъ онъ говорилъ? Такъ чтоли? Да ты не робѣй, постарайся припомнить и говори прямо.“ — „Да пожалуй что и онъ... онъ точно словно какъ будто

обнадеживалъ .... то есть не то чтобы такъ таки .... — „Ну ладно! будетъ: подписывай, а коли безграмотенъ, ставь крестъ.“ — Латышъ, дрожащею рукою, ставитъ крестъ на бумагѣ писанной на языкѣ, котораго не понимаетъ*) и на основаніи этой процедуры и множества другихъ подобныхъ, губернское правленіе доноситъ, что *всѣ* опрашиваемые крестьяне показываютъ будто епископъ и Православные священники подбиваютъ ихъ къ перемѣнѣ вѣры, обѣщая имъ даровыя земли въ другой губерніи.**)

Но неужели однако, спроситъ вѣроятно читатель, во всемъ что̀ писалось и разсказывалось въ то время объ интригахъ нашего духовенства, не было ничего кромѣ недобросовѣстныхъ натяжекъ, и можно ли, съ полною увѣренностью, считать всѣ тогдашнія его дѣйствія вполнѣ безукоризненными? Къ сожалѣнію — нѣтъ. Случалось, и притомъ не рѣдко, что Православные священники, частью по неосторожности, не подозрѣвая въ какомъ смыслѣ принимались ихъ слова, частью сознательно и намѣренно, пользовались мечтательными надеждами крестьянъ для склоненія

---

*) Какъ объяснено было выше, Латышей и Эстовъ опрашивали на ихъ народныхъ языкахъ, а отвѣты ихъ записывались по нѣмецки.

**) У меня лежитъ передъ глазами подлинное письмо одного очень почтеннаго адвоката, Лифляндскаго уроженца, Нѣмца и Лютеранина, но не изъ дворянъ, къ покойному А. Ѳ. Штакельбергу, писанное въ 1847 году, въ которомъ упомянутый адвокатъ пишетъ слѣдующее: wie in jeder Beziehung gegen die Uebergetretenen intriguirt wird, geht ins Unglaubliche. Männer, vor denen man in anderen Beziehungen alle Achtung haben muss, sind auf diesem Felde die ungerechtesten und gewissenlosesten. Es braucht nur gesagt zu werden: „der ist ein Uebergetretener“ — und wenn der Mensch das klarste Recht hat, so hilft ihm dieses nichts; sein Todesurtheil ist schon ausgesprochen in dem „*ein Uebergetretener*“. (До какой степени, во всѣхъ отношеніяхъ, интригуютъ противъ перешедшихъ въ Православіе, доходитъ до невѣроятнаго. Люди, которымъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, нельзя отказать въ полномъ уваженіи, на этой почвѣ, оказываются несправедливѣйшими и безсовѣстнѣйшими. Достаточно сказать: „этотъ изъ перешедшихъ“ — и затѣмъ, хотя бы онъ былъ очевидно правъ, это ему нисколько не поможетъ; въ словѣ изъ *перешедшихъ* произнесенъ ему смертный приговоръ).

ихъ къ обращенію. Таково мое убѣжденіе, основанное отнюдь не на оффиціальныхъ донесеніяхъ мѣстныхъ властей, къ которымъ нельзя имѣть вѣры, а на собственныхъ моихъ наблюденіяхъ. Два побужденія могли сбивать, и дѣйствительно иногда сбивали служителей нашей церкви съ пути строгой добросовѣстности. Первое хорошо намъ знакомо не по одной Лифляндіи: это своего рода служебная амбиція, изстари привившаяся къ кастѣ церковниковъ, это желаніе отличиться передъ своимъ начальствомъ, выставивъ на глаза обильные, хотя бы и скороспѣлые, искусственно выгнанные плоды своего такъ называемаго пастырскаго усердія. Тѣмъ же побужденіемъ объясняются у насъ поразительные иногда по своей быстротѣ успѣхи церковной проповѣди въ кругу магометанъ или раскольниковъ и не менѣе поразительная непрочность этихъ успѣховъ. Второе побужденіе исходило изъ тогдашнихъ мѣстныхъ обстоятельствъ Лифляндіи; это невольное и почти безсознательное увлеченіе борьбою съ противною партіею. Одна крайность наталкивала на другую; одна преднамѣренная ложь вызывала ложь противоположную. Пасторы, Кирхшпильсъ-рихтеры, Орднунгсъ-рихтеры, депутаты дворянства и помѣщики стращали Латышей обнаруживавшихъ желаніе перемѣнить вѣру всякаго рода угрозами, и, въ этихъ случаяхъ, за словами немедленно слѣдовало исполненіе обѣщаннаго: палки, кандалы, бритье головъ, отобраніе усадьбъ. Вещественныя невыгоды присоединенія къ церкви были слишкомъ ощутительны и служили осязательнымъ подкрѣпленіемъ къ проповѣдямъ, въ которыхъ вѣра, считающаяся въ Имперіи господствующею, называлась *сатанинскимъ насажденіемъ*. Чтò было дѣлать противъ такой пропаганды и чѣмъ уравновѣсить борьбу? Средство было подъ рукою: за отсутствіемъ фактовъ въ настоящемъ, — надежды и мечты бродившія въ умахъ крестьянъ. Какой нибудь Латышъ,

задумавшій перейти въ православіе приходилъ къ священнику потолковать. Онъ подробно высчитывалъ всѣ лишенія, оскорбленія и обиды, испытанныя имъ съ тѣхъ поръ какъ пасторъ и помѣщикъ догадались о его намѣреніи, и оканчивалъ свою длинную повѣсть вопросомъ: „Ну а вы чѣмъ вознаградите насъ, что вы для насъ сдѣлаете? Усадьбы отъ насъ отбираютъ, съ работы гонятъ, здѣсь житья для насъ не стало — это ясно. За все нами утраченное и выстраданное получимъ ли мы наконецъ хоть что нибудь, хоть клочекъ земли, если не здѣсь, то хоть въ другой губерніи?“ — И Православный священникъ говорилъ въ утѣшеніе: „не тужи и не теряй надежды: васъ не выдадутъ, потерпите только; станутъ за васъ хлопотать и авось выпросятъ!“ — Не естественно ли, что подобныя слова могли легко срываться съ языка? Я не оправдываю ихъ, какое бы побужденіе ихъ ни внушало, я только вникаю въ тогдашнія обстоятельства и стараюсь ихъ уяснить. Правда, изъ Православныхъ Священниковъ бывшихъ подъ слѣдствіемъ ни одинъ не признался въ прямой или косвенной поблажкѣ надеждамъ бродившимъ въ народѣ; напротивъ, по ихъ показаніямъ, они, принимая отъ крестьянъ заявленія о желаніи ихъ перейти въ православіе, всякій разъ опрашивали ихъ съ цѣлью вывѣдать ихъ заднія мысли и тогда только соглашались писать для нихъ просьбы когда удостовѣрялись въ чистотѣ и сознательности ихъ стремленія къ Церкви — такъ значится во всѣхъ оправдательныхъ объясненіяхъ; но именно этотъ то *слишкомъ* благопріятный колоритъ наведенный въ позднѣйшихъ показаніяхъ на картину того времени и внушаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ безусловной ея вѣрности. При описанномъ выше образѣ дѣйствій мѣстныхъ властей, въ виду угрожавшихъ крестьянамъ арестовъ, допросовъ и истязаній, при той почти лихорадочной поспѣшности, съ которою просители вводились, выслушивались и отпускались, была ли воз-

можность вести съ ними продолжительныя бесѣды и дѣлать имъ на досугѣ спокойныя внушенія? Всякому это покажется по крайней мѣрѣ неправдоподобнымъ, а кому доводилось перебирать слѣдственныя дѣлопроизводства духовнаго вѣдомства, тотъ конечно сразу узнаетъ въ этихъ натяжкахъ знакомые ему пріемы свойственные именно клерикальной средѣ. Въ популярныхъ понятіяхъ людей полупросвѣщенныхъ и, силою обычая, замкнутыхъ въ касту, интересъ Церкви легко отождествляется съ интересомъ клира, а интересъ всего церковнаго клира съ интересомъ небольшаго кружка его представителей въ данной мѣстности; такимъ образомъ, рядомъ послѣдовательныхъ превращеній, совѣсть не совсѣмъ чуткая легко доходитъ наконецъ до того, что въ самой святости дѣла, которому она будто бы всецѣло служитъ, обрѣтаетъ какъ-бы готовое оправданіе для разнаго рода недомолвокъ, утаекъ или прикрасъ и преувеличеній. Я говорю это не на вѣтеръ и не подъ вліяніемъ полемическаго задора, а съ глубокимъ сожалѣніемъ и только потому, что врачеваніе требуетъ непремѣнно предварительнаго опознанія недуга....

Не надобно также упускать изъ виду общаго настроенія Лифляндскихъ крестьянъ въ сороковыхъ годахъ. Многіе частные случаи доказываютъ, что ихъ сильно возбужденныя чувства подъ часъ вводили ихъ въ невѣроятное самообольщеніе и въ совершенно невольный обманъ другихъ. Они положительно слышали не то что имъ читалось или говорилось, а то что хотѣлось слышать, къ чему всѣ ихъ помыслы были какъ бы прикованы, то есть подтвержденіе своихъ надеждъ. Оттого случалось нерѣдко, что повторяя чужія слова, они давали показанія совершенно невѣрныя, ни сколько однако не кривя душою. Въ возможности такого невольнаго затменія читатели легко убѣдятся припомнивъ толки ходившіе въ нашихъ деревняхъ

непосредственно послѣ прочтенія манифеста о прекращеніи крѣпостнаго права и во время оглашенія положеній 19 Февраля 1861 года.

Наконецъ, значительная часть мнимыхъ обмановъ, въ которыхъ обвинялись мнимые эмиссары Православія будто бы мутившіе народъ въ Лифляндіи, объясняется двумя чисто мѣстными обстоятельствами. Вопервыхъ, изъ уѣздовъ обыкновенно отряжались немногіе крестьяне съ секретными, разумѣется словесными, и очень неопредѣленными уполномочіями отъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ на испрошеніе какихъ то чаемыхъ благъ, о которыхъ бродили въ народѣ самыя смутныя представленія. Придя въ Ригу, они увлекались общимъ стремленіемъ, заказывали просьбы о переходѣ въ Православіе и не только подписывали ихъ за себя, но и выставляли подъ ними имена своихъ довѣрителей. Потомъ, когда послѣднихъ опрашивали, открывалось иногда, что они объ этомъ ничего не вѣдали.

Во вторыхъ, ни Преосвященный Иринархъ, ни находившіеся въ то время въ Ригѣ священники (за исключеніемъ одного) не знали мѣстныхъ народныхъ языковъ и, слѣдовательно, не могли объясняться непосредственно съ приходившими къ нимъ крестьянами. Послѣдніе обыкновенно сами приводили съ собою грамотныхъ переводчиковъ, которые объясняли имъ содержанія прошеній изготовляемыхъ отъ имени крестьянъ. Этимъ людямъ послѣдніе конечно вѣрили; но нельзя поручиться, чтобъ сами переводчики, раздѣляя заблужденія массы, не вычитывали иногда промежъ строкъ подтвержденія общихъ ожиданій. Случалось также, хотя гораздо рѣже, что переводчиковъ должны были пріискивать священники, которые обращались тогда къ звонарямъ, отставнымъ солдатамъ состоявшимъ при церквахъ въ должностяхъ сторожей или къ писарямъ. Въ сущности, все дѣло было въ рукахъ этихъ мало развитыхъ и нисколько къ нему не

подготовленныхъ посредниковъ, изъ которыхъ иные, можетъ быть, находили прямой разсчетъ поддерживать несбыточныя надежды, чтобъ не ослабывалъ приливъ людей изъ деревень. Все это вмѣстѣ пораждало тучи недоразумѣній, затрудняло до крайности ихъ разъясненіе и на каждомъ шагу подавало поводы къ подозрѣніямъ и обвиненіямъ въ обманахъ.

До самыхъ послѣднихъ чиселъ Іюля, ни прошенія крестьянъ отосланныя Преосвященнымъ Иринархомъ въ Петербургъ, ни жалобы барона Палена на дѣйствія Архіерея, ни зловѣщія предсказанія кровополитной развязки не вызвали оттуда ни единнаго слова въ руководство мѣстнымъ дѣятелямъ.

Наконецъ, графъ Сгрогоновъ, которому, по Высочайшему повелѣнію, переданы были Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ просьбы крестьянъ, представилъ объ нихъ всеподданнѣйшій докладъ. Состоялось Высочайшее повелѣніе, сообщенное Графомъ Протасовымъ Рижскому Епископу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Государь Императоръ, усмотрѣвъ, что поводомъ къ принятію Вашимъ Преосвященствомъ просьбъ отъ крестьянъ было изъявленіе ими желанія присоединиться къ Православію, изволилъ найти, что хотя нельзя предполагать въ дѣйствіяхъ Вашихъ никакихъ другихъ побужденій (это намекъ на нареканія Барона Палена), но тѣмъ не менѣе, въ подобныхъ случаяхъ, надлежало быть крайне осторожнымъ, особенно потому, что крестьяне приходили толпами и что просьбы ихъ заключали въ себѣ желаніе присоединиться къ Православной вѣрѣ какъ обстоятельство придаточное, главнѣйше же въ нихъ изъяснялись жалобы на притѣсненія помѣщиковъ и ходатайство о переселеніи во внутреннія губерніи. Посему, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ поставить Ваше Преосвященство въ извѣстность, чтобы Вы, на будущее время,

удерживались отъ принятія *подобнаго рода* просьбъ отъ крестьянъ и обращали бы ихъ, не принимая, къ гражданскому начальству.“*)

Но для графа Бенкендорфа, этого было мало, и онъ отъ себя обратился къ Синодальному Оберъ-прокурору съ требованіемъ, чтобъ онъ обязалъ епископа вовсе не вмѣшиваться въ *это чисто гражданское дѣло.*) Никто однако не находилъ неумѣстнымъ вмѣшательства депутатовъ дворянства и орднунгсъ-рихтеровъ въ чисто духовное дѣло обращенія крестьянъ въ Православіе, когда они, кромѣ присоединенія, ни о чемъ болѣе не ходатайствовали. Никто также не удивлялся тому, что Губернское правленіе рѣшало съ плеча вопросы совѣсти.

Испрошенное графомъ Строгоновымъ Высочайшее повелѣніе, безъ малѣйшаго сомнѣнія, основано было на строгой справедливости и на соображеніяхъ по себѣ совершенно уважительныхъ; но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Лифляндіи, оно получало значеніе, котораго конечно не подозрѣвали ни управлявшія Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, ни самъ покойный Императоръ. Это было первое слово произнесенное верховною властью по поводу тамошнихъ происшествій, и слово это содержало въ себѣ осужденіе дѣйствій епископа, хотя въ формѣ по возможности смягченной. Въ крайне сложномъ движеніи крестьянъ, высшее правительство какъ будто ничего болѣе не высматривало, ничего не находило заслуживающимъ вниманія, кромѣ подачи просьбъ архіерею. Голодъ, угнетеніе крестьянъ, сыпавшіеся на нихъ удары за сношенія ихъ съ Православнымъ духовенствомъ, клеветы и доносы сыпавшіеся на духовенство за выслушиваніе крестьянъ, все это осталось въ сторонѣ, какъ бы не замѣченнымъ, и это

---

*) Докладъ 25 Іюля, отношеніе 30 Іюля No. 5080.

**) 24 Іюля 1841 года. No. 4256 отношеніе къ мин. внутр. дѣлъ.

въ то время, когда дружныя усилія мѣстныхъ властей и мѣстнаго общества направлены были къ тому, чтобъ объяснить народное движеніе интригами нашего духовенства. Правительство даже не озаботилось оговорить ясно, что оно вовсе не думало мѣшать Латышамъ переходить въ Православіе, конечно не полагая надобности въ такомъ объявленіи, и не зная, что въ Лифляндіи усердно старались объ утвержденіи въ народѣ противнаго убѣжденія. На дѣлѣ, Высочайшее повелѣніе испрошенное графомъ Строгоновымъ произвело совсѣмъ не то дѣйствіе, какого ожидали въ Петербургѣ. Резолюція положенная Государемъ Императоромъ, очевидно, касалась одного Преосвященнаго Иринарха и весьма вѣроятно, что по крайней мѣрѣ графъ Строгоновъ (если не графъ Бенкендорфъ) отнюдь не намѣревался оглашать ее во всеобщее свѣдѣніе и дѣлать ее предметомъ пересудовъ Нѣмецкой публики. Но въ Ригѣ ожидали съ жадностью именно чего нибудь подобнаго, то есть какого нибудь повода распустить молву, что и высшее правительство и самъ Государь Императоръ осуждаютъ епископа и вовсе не желаютъ, чтобы крестьяне обращались въ Православіе. Выраженіе Высочайшей воли (какъ это всегда бываетъ въ Прибалтійскомъ краѣ въ подобныхъ случаяхъ) огласилось немедленно и проникло сверху, изъ генералъ-губернаторской канцеляріи, черезъ ландратовъ, депутатовъ и всякихъ рихтеровъ, обростая на пути своемъ всякаго рода прибавленіями, до мірскихъ судовъ и вотчинныхъ управленій, и тамъ окончательно преобразилось въ Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи крестьянамъ переходить въ Православіе. Разумѣется, этого не заявляли офиціально и письменно, но на словахъ объ этомъ твердили крестьянамъ безъ устали, при каждомъ удобномъ случаѣ, особенно же передъ сѣченіемъ и послѣ сѣченія. А тѣмъ временемъ, въ Петербургѣ до-

бродушно спрашивали: отчего безтолковые Латыши никакъ не хотятъ понять простаго правила, что никому не воспрещается переходить свободно въ господствующую вѣру, но никого и не подбиваютъ къ этому?

Такимъ образомъ, высшее правительство, само того не подозрѣвая, выразило какъ бы признаніе, что такъ называемый бунтъ крестьянъ происходилъ, если не исключительно, то главнѣйшимъ образомъ отъ предосудительныхъ, или, покрайней мѣрѣ, неосторожныхъ дѣйствій Православнаго духовенства. Этого только и желали мѣстныя власти. Такое убѣжденіе высшаго правительства, вопервыхъ, снимало съ нихъ и сваливало на Русскую церковную пропаганду отвѣтственность за несомнѣнное неудовольствіе крестьянъ; во вторыхъ, какъ бы узаконяло принятыя прежде мѣры строгости и, косвеннымъ образомъ, поощряло къ продолженію дѣйствій въ этомъ же духѣ. А всетаки желанія барона Палена не были вполнѣ удовлетворены. Еще до полученія въ Ригѣ приведенной Высочайшей резолюціи, онъ сообщилъ въ Петербургъ новую блистательную мысль свою: заставить Преосвященнаго Иринарха *публично*, какъ выражался генералъ-губернаторъ въ своей бумагѣ, при членѣ губернскаго правленія, разувѣрить крестьянъ въ ихъ заблужденіи „*такъ какъ сіи послѣдніе потеряли всякое довѣріе къ мѣстному начальству, считая его за одно съ помѣщиками.*“)

Это замѣчательное, невольно сорвавшееся съ языка сознаніе въ томъ, что мѣстная власть, въ глазахъ народа, перестала быть органомъ верховной власти, выражено было оффиціально. Кажется было бы надъ чѣмъ серьезно призадуматься; но къ удивленію, это многозначительное самоосужденіе не обратило на себя вниманія высшаго правительства. Въ Петербургѣ ограничились тѣмъ, что

*) 28 Іюля 1841 года. No. 733.

на сей разъ не удовлетворили требованія барона Палена, признавъ публичную исповѣдь придуманную имъ для преосвященнаго Иринарха ненужною и неудобною. Нечего было дѣлать! Пришлось взяться за тѣ средства, которыми располагали мѣстныя власти, и постараться внушить народу, въ замѣнъ довѣрія навсегда утраченнаго, по крайней мѣрѣ страхъ.

Тотъ самый баронъ Паленъ, который такъ наивно заявлялъ, что крестьяне ни въ чемъ не вѣрятъ мѣстному начальству именно потому, что считаютъ его дѣйствующимъ за одно съ дворянствомъ, не придумалъ ничего лучшаго какъ поручить все земледѣльческое сословіе губерніи особенному, ближайшему надзору двухъ уѣздныхъ предводителей (депутатовъ) дворянства. Для наблюденія за Латышами назначенъ былъ г. фонъ Гагемейстеръ (сочинитель приведенной выше классической фразы о готовившихся будто бы опустошеніяхъ и кровопролитіи), а для наблюденія за Эстами г. фонъ Вульфъ. Въ чемъ именно состояла эта странная, экстралегальная должность напоминавшая коммиссаровъ, которыхъ, въ разгарѣ Французской революціи, употреблялъ національный конвентъ для терроризаціи провинцій, довольно трудно опредѣлить; но не подлежитъ сомнѣнію, что избранныя лица пользовались весьма широкими уполномочіями. Вслѣдъ за тѣмъ, баронъ Паленъ предложилъ Губернскому Правленію покончить слѣдующимъ образомъ съ захваченными и арестованными крестьянами: выбрить имъ всю голову (прежде брили только половину) заковать ихъ въ кандалы, препроводить подъ конвоемъ на мѣста жительства, и тамъ, въ присутствіи созванныхъ сельскихъ обществъ, наказать ихъ розгами.*) Вотчинныя правленія, разумѣется, также не дремали; ревность ихъ въ содѣйствіи видамъ главнаго

*) Отнош. къ Мин. В. Д. 5-го Авг. 1851 г. No. 768.

мѣстнаго начальства дошла до того, что на мызныхъ дворахъ, стали пороть за простое обнаруженіе намѣренія идти въ Ригу для заявленія желанія перейти въ Православіе. Такъ какъ это могло бы показаться невѣроятнымъ, по несообразности такого рода пріемовъ съ строгою легальностью и благодушною терпимостью, которыми, какъ насъ увѣряютъ, отличается Прибалтійскій край отъ остальной Россіи, то пусть сомнѣвающіеся прочтутъ печатное свидѣтельство чисто Нѣмецкаго и Лютеранскаго происхожденія. Въ газетѣ издающейся въ Ригѣ, подъ цензурою, для простаго народа, на Латышскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Путевой товарищъ (Zella beedrias)“ въ No. 10-мъ, Мая 10, 1863 года помѣщена статья озаглавленная: „Два Форминдера.“ Авторъ ея, очевидно пасторъ, прославляетъ въ ней передъ своими духовными чадами, какъ примѣръ достойный подражанія, усердное служеніе двухъ своихъ церковнослужителей, и объ одномъ изъ нихъ, Яковѣ Нейлантѣ, говоритъ (въ буквальномъ переводѣ) слѣдующее: „Онъ, орудуя своею властью, не скупился *на тридцать* (подразумѣвается розогъ) ибо памятовалъ слово Соломона: бичь коню, остенъ ослу, и жезлъ спинѣ безумнаго. Его крѣпкая рука часто творила чудеса, за что и теперь волость должна поминать его съ признательностью. Въ то время была година смятенія, нами еще не забытаго, когда сатана дерзнулъ разбрасывать свои семена въ Божьей Церкви (сатанинскія семена значатъ, разумѣется, ученіе Православной церкви); тогда нашлись и въ нашей волости люди кричавшіе: если ужъ весь свѣтъ идетъ (переходитъ въ Православіе) чего же намъ-то ждать? особенно когда услыхали, что по деревнямъ развозятъ казенную муку. Тогда, они, какъ бѣшенные, кидались на обольщеніе; но старый отецъ Нейлантъ запрещалъ имъ, и слово его оказывалось болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ слово иного проповѣдника въ то время раздававшееся съ каѳедры. Въ

самую горячую пору этого бѣснованія, онъ услышалъ, что одинъ изъ хозяевъ здѣшней волости *готовился*, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ числа батраковъ, записаться (т. е. подать заявленіе о желаніи перейти въ Православіе); но мой старикъ не дремалъ. Онъ живо приказалъ привести бѣглеца на господскій дворъ и отсчиталъ ему на спинѣ 30 ударовъ, такъ какъ тотъ не взялъ свидѣтельства отъ вотчиннаго правленія, какъ было въ то время приказано.“ — Что форминдеръ, обязанный только помогать пастору въ исполненіи требъ, самовольно произвелъ себя въ агенты мѣстной полиціи, что наказанію за невзятіе свидѣтельства на отлучку подвергнутъ былъ человѣкъ находившійся въ вотчинѣ, и только по подозрѣнію въ намѣреніи отлучиться; наконецъ, что настоящимъ, всѣмъ извѣстнымъ поводомъ къ наказанію было предполагаемое желаніе перейти въ Православіе — все это конечно дѣло обычное и пустое. О какихъ нибудь лишнихъ тридцати палкахъ или розгахъ, при огромномъ числѣ ударовъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ на крестьянскія спины, не стоило бы и говорить; но въ другихъ отношеніяхъ, приведенный разсказъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Вопервыхъ, это собственное признаніе, отъ котораго отпереться нельзя; во вторыхъ, признаніе съ похвальбою; въ третьихъ, сдѣланное двадцать два года спустя послѣ описаннаго происшествія, когда обращенія давно уже прекратились, когда Православіе было въ упадкѣ, когда, казалось бы, можно было успѣть одуматься, поостыть и отнестись къ давно прошедшему нѣсколько по спокойнѣе; наконецъ, эта циническая похвальба одного изъ членовъ Лютеранскаго духовенства не вызвала ничего похожаго на отреченіе или неодобреніе со стороны его товарищей, членовъ того же духовенства, которое, въ самое время обнародованія этой статьи, имѣло дерзость увѣрять правительство будтобы оно протестуетъ

противъ примѣненія къ Лифляндіи общихъ законовъ Имперіи, только во имя чтимой имъ свободы совѣсти и непринужденности въ дѣлѣ вѣры. А люди власть имущіе выслушивали эти протесты опустивъ головы, переглядывались между собою въ смущеніи и говорили въ полголоса: „au fond ils sont dans le vrai, et notre position vis-à vis d'eux n'est plus tenable".*)

По полученіи вышеприписаннаго Высочайшаго повелѣнія, Преосвященный Иринархъ подчинился ему безусловно и, въ видахъ устраненія всякаго повода къ нарушенію его, разрѣшилъ только двумъ Священникамъ, на благоразуміе которыхъ онъ считалъ себя въ правѣ положиться, а именно соборному Заболоцкому и единовѣрческому Емельянову, писать для крестьянъ заявленія о желаніи ихъ принять Православіе, если сами крестьяне будутъ ихъ объ этомъ просить и притомъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда это желаніе будетъ ими выражаемо безусловно и безъ всякихъ постороннихъ домогательствъ или ходатайствъ о переселеніи или о преобразованіи хозяйственнаго ихъ быта. Прочимъ своимъ подчиненнымъ, Преосвященный рѣшительно запретилъ писать для крестьянъ какія бы то ни было просьбы.

Общая физіономія края нисколько однако не улучшалась. Мы видѣли, что толки о бунтѣ и строгія мѣры противъ бунтовщиковъ начались когда еще не было никакого подобія бунта. Дѣлали все то, что могло, даже по видимому должно бы было непремѣнно раздразнить народъ

*) Вообще, еслибы кто нибудь, хорошо знающій по Латышски и Эстски, взялъ на себя трудъ пересмотрѣть газеты издаваемыя на этихъ языкахъ Лютеранскимъ духовенствомъ, онъ нашелъ бы въ нихъ много неосторожныхъ признаній и любопытныхъ откровеній объ изнанкѣ Прибалтійскихъ порядковъ. Эти газеты, выходящія подъ Нѣмецко-Лютеранскою цензурою, такъ строго бракующею окружныя посланія Православныхъ архіереевъ, составляютъ сильнѣйшее орудіе антипроваславной и антирусской пропаганды въ деревняхъ, съ нашей стороны не встрѣчающей ни малѣйшаго противодѣйствія.

(и ужъ какъ бы въ тѣ поры пригодился бунтъ!) а народъ всетаки не бунтовалъ. Безропотно перенося всѣ истязанія, онъ только валилъ по прежнему въ Ригу и все съ просьбами о присоединеніи къ Православію. Чтобъ положить этому конецъ, баронъ Паленъ призналъ нужнымъ усилить тѣ стратегическія мѣры, о которыхъ, на основаніи его донесеній, было упомянуто выше, то есть: оцѣпить городъ, разставить по дорогамъ засады, и т. д. Въ тоже премя, онъ, еще разъ и рѣшительнѣе прежняго, потребовалъ отъ преосвященнаго Иринарха, чтобъ онъ не принималъ отъ крестьянъ *никакихъ* просьбъ, не записывалъ бы именъ просителей. Условное запрещеніе исшедшее изъ Петербурга, какъ видно, превратилось на мѣстахъ въ безусловное, и у епископа стали отнимать, не только возможность вмѣшиваться *въ это чисто гражданское дѣло*, но и вообще имѣть какія либо сношенія съ крестьянами, хотя бы они приходили къ нему только по чисто духовному дѣлу присоединенія къ церкви. Въ этотъ разъ, преосвященный Иринархъ рѣшился подчиниться требованію генералъ-губернатора и немедленно, отъ 10го Августа, увѣдомилъ объ этомъ какъ его, такъ и Графа Протасова. Сообразивъ тогдашнія обстоятельста, нельзя не признать, что трудно было поступить иначе. Съ одной стороны, Рижскій Епископъ не находилъ поддержки нигдѣ и ни въ комъ. Правительство все еще никакимъ яснымъ заявленіемъ не поставило внѣ сомнѣнія права каждаго присоединяться по желанію къ господствующей церкви, и вслѣдствіе этого, такъ какъ дворянство, словомъ и дѣломъ, отвергало это право въ отношеніи къ крестьянамъ, послѣдніе утверждались въ своемъ предположеніи, что съ перемѣною вѣры сопряжены какія либо существенныя потери для помѣщиковъ и слѣдовательно какія либо выгоды для новообращенныхъ. При такомъ общемъ настроеніи, что̀ бы ни говорили священники и самъ епископъ, слуша-

тели во всемъ находили намёки въ свою пользу. Съ другой стороны, послѣдними мѣрами принятыми мѣстнымъ начальствомъ, дальнѣйшія, открытыя сношенія съ крестьянами дѣлались положительно невозможными и приходилось поневолѣ отъ нихъ отказаться, чтобъ избавить несчастныхъ Латышей отъ истязаній, которымъ они подвергались за простое посѣщеніе священниковъ и Архіерея. На это обстоятельство указывалъ самъ Преосвященный Иринархъ въ своихъ объясненіяхъ. Весьма вѣроятно также, что до него уже доходили слухи объ ударѣ подготовлявшемся противъ него въ Ригѣ и въ Петербургѣ и что онъ надѣялся, устранившись, избѣгнуть грозы. Это однако ему не удалось. Прежде чѣмъ пришло извѣстіе о безусловномъ исполненіи имъ требованія барона Палена, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ произошло слѣдующее. Предчувствуя погромъ и думая отвратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить его, Графъ Протасовъ, во всеподданнѣйшей докладной запискѣ имъ представленной, предложилъ, для прекращенія пререканій между Рижскимъ Епископомъ и Генералъ-Губернаторомъ: 1) сообщить Преосвященному Иринарху отъ имени Государя Императора, чтобъ отъ крестьянъ вовсе не было принимаемо *никакихъ* прошеній, хотябы въ оныхъ заключалось одно желаніе принять Православіе, впредь до полученія по сему предмету особаго Высочайшаго разрѣшенія. 2) предоставить барону Палену сообщить Епископу Рижскому доказательства, которыя онъ имѣетъ къ обвиненію духовенства, въ томъ числѣ и доносъ Спасскаго съ приложеніемъ, а Епископу поручить произвести по таковымъ доказательствамъ строжайшее изслѣдованіе. 3) внушить обоимъ, что въ дѣлѣ столь важномъ, взаимныя ихъ пререканія неумѣстны и что, для устраненія всякаго недоразумѣнія, они должны войти въ личныя другъ съ другомъ сношенія.

Государь Императоръ утвердилъ эти предположенія

„съ тѣмъ, чтобъ исполненіе по 1му пункту сдѣлано было посредствомъ Святѣйшаго Синода, съ строгимъ внушеніемъ Епископу Иринарху о неправильности и неблагоразуміи его дѣйствій“ — подъ *дѣйствіями* подразумѣвались *обвиненія* предъявленныя барономъ Паленомъ, изъ которыхъ въ то время, ни одно не было не только обслѣдовано, но даже сообщено обвиненному для объясненія.

Черезъ четыре дня, по поводу тѣхъ же обвиненій, поступилъ отъ Графа Строгонова другой всеподданнѣйшій докладъ, вслѣдствіе котораго Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „подтвердить Преосвященному Иринарху, чтобъ онъ отнюдь не смѣлъ вмѣшиваться въ дѣла до него не касающіеся.“

Посмотримъ теперь что сдѣлалъ Синодъ? Вотъ постановленіе его 18 Августа: „во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, слушали предложеніе Г. Оберъ-Прокурора съ объявленіемъ Высочайшаго повѣленія о неправильныхъ дѣйствіяхъ Преосвященнаго Епископа Рижскаго Иринарха въ *присоединеніи**) помѣщичьихъ крестьянъ къ Православію и объ удержаніи его отъ сихъ поступковъ. *Приказали:* Усматривая съ крайнимъ прискорбіемъ**), что Епископъ Иринархъ, обязанный званіемъ своимъ поселять въ народѣ тишину и безусловное повиновеніе властямъ, противными тому дѣйствіями***) и принятіемъ отъ крестьянъ просьбъ основанныхъ на своекорыстіи†), подалъ поводъ

---

*) Эти слова доказываютъ, что Синодъ бродилъ въ потёмкахъ, рѣшительно ничего не зная о томъ что дѣлалось въ Ригѣ, ибо Преосвященный Иринархъ принималъ только просьбы о желаніи присоединиться, но ни единой души не присоединилъ, даже не приступалъ къ присоединенію. Въ этомъ его даже и не упрекали.

**) Синодъ ничего усмотрѣть не могъ, такъ какъ въ то время онъ не видалъ еще ни доноса Спасскаго, ни донесеній барона Палена. Все это было ему сообщено гораздо позднѣе.

***) Никакихъ противныхъ тишинѣ и повиновенію дѣйствій не было.

†) Это обстоятельство давно было разсмотрѣно самимъ Государемъ Императоромъ и по немъ состоялась особая резолюція.

имъ къ нарушенію должнаго порядка, а гражданскому начальству къ жалобамъ на него и тѣмъ навлекъ на себя Высочайшее неудовольствіе Государя Императора, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) за таковыя*) не правильныя дѣйствія объявить ему Епископу строгій выговоръ съ подтвержденіемъ, чтобы впредь, въ точное исполненіе Высочайшей воли**), какъ самъ онъ не принималъ участія въ дѣлахъ означенныхъ крестьянъ, такъ и подчиненное ему духовенство не допускалъ бы къ тому подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности по законамъ. Равнымъ образомъ, ни самъ ни подчиненные его не принимали бы отъ тѣхъ крестьянъ *никакихъ просьбъ, хотябы просьбы таковыя заключали въ себѣ и одно безусловное желаніе принять Православіе, пока дѣло сіе не получитъ особаго разрѣшенія*“ — Указъ посланъ въ Ригу по эстафетѣ.

Итакъ, не задумываясь ни минуты, Святѣйшій Синодъ, вопервыхъ, объявилъ Епископу строгій выговоръ за вину необслѣдованную, непризнанную, самому Синоду неизвѣстную; во вторыхъ, онъ безусловно заперъ на неопредѣленное время двери въ Православную церковь передъ стоявшими у входа ея Латышами и Эстами; ибо запрещеніемъ принимать отъ нихъ просьбы о присоединеніи, отнималась всякая возможность присоединенія. За то, приказаніе было исполнено во всей точности и живо.***) Войти съ представленіемъ, разъяснить, что Высочайшее повелѣ-

---

*) Какія же именно?

**) Такой Высочайшей воли *прежде* не было. Государемъ Императоромъ запрещено было принятіе не просьбъ вообще, а просьбъ, въ которыхъ упоминалось о переселеніи или объ улучшеніи хозяйственнаго быта крестьянъ. Со дня полученія этого Высочайшаго повелѣнія, ни одной такой просьбы принято не было, слѣдовательно, Высочайшая воля не была нарушена; а запрещеніе принимать *какія либо* просьбы отъ крестьянъ въ первый разъ объявлялось Синодомъ, слѣдовательно не могло быть предметомъ подтвержденія.

***) Прописанное постановленіе состоялось въ тотъ самый день, которымъ помѣчено предложеніе Оберъ-Прокурора о передачѣ дѣла въ Синодъ.

ніе было по крайней мѣрѣ преждевременно и что буквальное исполненіе его было несогласно съ призваніемъ Синода, или хотьбы по крайней мѣрѣ испросить отсрочки на размышленіе — Синодъ не посмѣлъ; онъ только скромно вздыхалъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, и уже помимо какъ Синода такъ и Оберъ-Прокурора, Шефъ жендармовъ, Графъ Бенкендорфъ, тоже испросилъ себѣ Высочайшее повелѣніе выслать изъ Риги въ Петербургъ, для допросовъ, священника Погонялова и Архіерейскаго келейника Анненкова обвинявшихся, всетаки по доносу Спасскаго, въ составленіи просьбъ для крестьянъ. Графъ Протасовъ сдѣлалъ нужныя распоряженія къ исполненію Высочайшей воли и, видя такой оборотъ дѣла, убѣдительно просилъ Преосвященнаго Иринарха „не имѣть *никакихъ сношеній* съ крестьянами приходившими въ Ригу, поелику какъ Ваше Преосвященство сами можете убѣдиться, никакое участіе Православнаго духовенства въ семъ дѣлѣ не должно имѣть мѣста.“

Читателя можетъ быть удивитъ неожиданность и суровость всѣхъ этихъ внушеній и выговоровъ разомъ посыпавшихся на Преосвященнаго Иринарха. Его можно было упрекнуть въ одномъ, именно: въ принятіи отъ крестьянъ и въ пересылкѣ первыхъ поданныхъ ими прошеній о переселеніи или объ улучшеніи ихъ быта на мѣстахъ. Тутъ не требовалось ни изслѣдованій (такъ какъ улика была на лице) ни объясненій, такъ какъ Рижскій Епископъ самъ изложилъ побужденія, которыми онъ руководствовался; но это обстоятельство было уже разсмотрѣно самимъ Государемъ, достаточнаго повода къ выговору въ немъ не было найдено, а для предупрежденія подобныхъ дѣйствій на будущее время, объявлено было особое Высочайшее повелѣніе. Дѣло казалось конченнымъ. Правда, съ тѣхъ поръ, въ промежутокъ времени отъ 2 до 18 Августа, въ Петербургѣ получено было отъ Риж-

скаго Генералъ-Губернатора нѣсколько доносовъ и выборовъ изъ показаній отобранныхъ Лифляндскимъ Губернскимъ Правленіемъ у заарестованныхъ Латышей; но неужели сдѣланъ былъ Православному Епископу строгій выговоръ и обнаружено было оскорбительное недовѣріе къ подчиненнымъ ему священникамъ, единственно на основаніи этихъ допросовъ, во всякомъ случаѣ односторонних, по себѣ невѣроятныхъ, никѣмъ не провѣренныхъ и даже не сообщенныхъ для предварительнаго объясненія заподозрѣннымъ лицамъ?

Другаго основанія дѣйствительно не было а бросающіяся въ глаза противорѣчія, несообразности и отсутствіе всякаго единства въ распоряженіяхъ исходившихъ изъ Петербурга объясняются очень просто тогдашнимъ ходомъ дѣлъ. Баронъ Паленъ сносился одновременно съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и съ Шефомъ жандармовъ. Графъ Строгоновъ сообщалъ Графу Протасову все касавшееся до Православной Церкви и входилъ съ нимъ по этого рода дѣламъ въ предварительныя соглашенія; но Графъ Бенкендорфъ направлялъ ихъ по своему и дѣйствовалъ по нимъ совершенно независимо отъ своихъ товарищей. Такимъ образомъ, случалось, что два лица, иногда даже три, входили къ Государю Императору съ докладами по одному и томуже дѣлу, которое рѣшалось тутъ же въ кабинетѣ, съ глазу на глазъ. Между тѣмъ, воззрѣнія упомянутыхъ лицъ на стремленіе къ Православію были существенно различны. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на первыхъ порахъ, кажется, готовъ былъ видѣть въ немъ не болѣе какъ искусственную агитацію со стороны духовенства, вызванную неумѣстною ревностью или желаніемъ отличиться. Графъ Протасовъ понималъ дѣло гораздо лучше; но во всѣхъ его мнѣніяхъ и распоряженіяхъ по предмету возворенія Православія въ Лифляндіи, обнаруживалась какая то нерѣшительность, изъ за которой проглядывалъ глу-

бокій политическій скептицизмъ. Сомнѣвался ли онъ въ томъ, чтобъ мы способны были на какую либо духовную пропаганду, или въ томъ, чтобъ у правительства достало послѣдовательности на продолжительную борьбу съ Остзейскою оппозиціею — мы не беремся рѣшить. Какъ бы то ни было, онъ очевидно не вѣрилъ въ успѣхъ и оттого воздерживался отъ всякой прямой иниціятивы въ дѣлѣ, котораго онъ видимо не хотѣлъ брать на свою отвѣтственность. Его участіе въ немъ имѣло характеръ отрицательный; съ одной стороны, онъ сдерживаль Преосвященнаго Иринарха, съ другой, на сколько могъ, отстаивалъ его, по крайней мѣрѣ старался, спасая приличія, смягчать падавшіе на него удары. Третій дѣятель того времени, Графъ Бенкендорфъ, по способностямъ и характеру, конечно стоялъ не выше своихъ товарищей; но онъ относился къ вопросу о распространеніи Православія не какъ изолированная личность руководящаяся своими случайными воззрѣніями, а какъ уполномоченный отъ цѣлой политической партіи, которой онъ ревностно служилъ. Она его наставляла, поддерживала и направляла.

Хотя Балтійская интеллигенція въ то время, ни въ Ригѣ ни въ Петербургѣ, не сознавала еще такъ ясно какъ теперь, что политическая будущность Нѣмецкой народности зависила безусловно отъ того въ какую сторону склонится окончательно масса Латышей и Эстовъ — къ Россіи или къ Германіи, однако и въ сороковыхъ годахъ, нельзя было не понимать, что переходъ простонародія въ Православіе подкосилъ бы въ самомъ корнѣ исключительное господство Остзейскихъ привиллегированныхъ сословій и произвелъ бы во всемъ краѣ такой переворотъ, котораго послѣдствія были бы неисчислимы. Въ этомъ отношеніи, перемѣна вѣры была несравненно опаснѣе и хуже даже всякой серьезной реформы въ крестьянскомъ быту. Послѣднее дѣло ни въ какомъ случаѣ не вышло бы изъ

рукъ мѣстнаго дворянства, которое всегда сумѣло бы направить его по своему — оно это знало; отъ устройства же Православной Церкви въ Лифляндіи, оно естественно устранялось своимъ иновѣріемъ. Слѣдовательно, во что бы ни стало, къ какимъ бы средствамъ ни пришлось прибѣгнуть, а нужно было непремѣнно остановить дѣло на самомъ починѣ и погубить его окончательно. Графъ Бенкендорфъ, и. онъ одинъ, имѣлъ опредѣленную программу, положительно зналъ чего хотѣлъ и всегда хотѣлъ одного и тогоже. Это давало ему огромный перевѣсъ надъ его товарищами.

Впрочемъ, въ то время, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, не существовало такихъ убѣжденій или намѣреній, которыя бы добровольно и во всякое время не принаравливались къ воззрѣніямъ Самодержца. Это былъ верховный законъ совѣсти для всѣхъ. Всякій докладъ, каковъ бы ни былъ предметъ его, писался, разсматривался и подписывался соображаясь окончательно съ тѣмъ выраженіемъ, которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, могло быть вызвано имъ въ Высочайшихъ чертахъ. Но дѣло въ томъ, что въ вопросѣ о Православіи въ Лифляндіи, мысль покойнаго Императора, кажется, ему самому никогда вполнѣ не выяснялась и потому не вызрѣвала въ непреложное намѣреніе. Съ одной стороны, предносившійся ему идеалъ формальнаго единства, дополнялся какъ нельзя лучше единствомъ вѣры, и, въ этомъ отношеніи, онъ не могъ не желать распространенія Православія, хотя честная вѣрующая душа его конечно отвергала съ негодованіемъ всякій обманъ какъ средство распространенія. Съ другой стороны, его понятія о политической дисциплинѣ не мирились ни съ Церковью свободно проповѣдующею свое ученіе, ни съ внутреннимъ волненіемъ неизбѣжнымъ въ процессѣ свободнаго усвоенія цѣлымъ народомъ новой вѣры. Связавъ Церкву нетолько руки

и ноги, но и языкъ, связавъ даже совѣсть ея казеннымъ ученіемъ о главенствѣ Самодержца и о безусловности повиновенія властямъ, онъ однако требовалъ отъ нея духовной самодѣятельности и дара живаго убѣжденія, а между тѣмъ, всякое обнаруженіе малѣйшей иниціативы въ этой средѣ раздражало его какъ признакъ дерзкой заносчивости. Порывистое движеніе народной массы пугало его какъ нарушеніе порядка. Ему хотѣлось бы, чтобъ переходъ въ Православіе совершился какъ перемѣна фронта въ боевомъ строю, чтобы дворянство не жаловалось и не роптало, чтобъ даже Лютеранское духовенство не морщилось при отпаденіи Латышей отъ Протестантства.

Есть поводъ думать, что сознаніе несостоятельности этой программы болѣе всего парализировало Графа Протасова, и мы увидимъ этому доказательство далѣе, во второй части этого изслѣдованія.

Два Высочайшія повелѣнія, по поводу которыхъ было сдѣлано это пояснительное отступленіе, состояли изъ двухъ частей. Одна (осужденіе Преосвященнаго Иринарха и высылки изъ Риги двухъ его подчиненныхъ) вызвана была внушеніями Графа Бенкендорфа; другая (порученіе слѣдствія самому Преосвященному Иринарху) — докладомъ Графа Протасова.

Преосвященный выдержалъ съ достоинствомъ незаслуженный выговоръ. Въ поданномъ имъ Святѣйшему Синоду рапортѣ*) онъ писалъ въ началѣ: „чувство справедливости побуждаетъ меня представить краткое изложеніе настоящаго дѣла, не въ томъ намѣреніи, чтобъ сказать: „я не виноватъ“ но въ томъ, чтобы показать до какой степени простирается моя вина, и какъ я увлекся въ оную“ — Иными словами: Вы не захотѣли потребовать отъ меня объясненія прежде произнесенія Вашего приговора; по крайней мѣрѣ выслушайте его теперь.

*) 22 Августа No. 986.

За этимъ слѣдовало спокойное изложеніе всего происходившаго между началомъ Іюля и послѣдними числами Августа; оно оканчивалось словами: „мнѣ остается утѣшать себя тѣмъ, что сѣмя Православія посѣяно и что рано или поздно оно прозябнетъ и возрастетъ.“ Въ заключеніи, Епископъ просилъ: обратить на него одного всю строгость закона и не подвергать отвѣтственности подчиненныхъ ему, которые, съ его дозволенія, приняли участіе въ семъ дѣлѣ, развѣ бы слѣдствіемъ обнаружены были такія дѣйствія ихъ, на которыя они не имѣли отъ него разрѣшенія.“

Преосвященный Иринархъ ожидалъ по крайней мѣрѣ, что во исполненіе Высочайшей воли испрошенной Графомъ Протасовымъ, Генералъ-Губернаторъ сообщитъ ему письменныя доказательства предосудительныхъ дѣйствій духовенства и тѣмъ дастъ возможность Епископу приступить къ возложенному на него строгому изслѣдованію; но Баронъ Паленъ молчалъ. Въ самомъ исходѣ Августа, при личномъ съ нимъ свиданіи, Преосвященный напомнилъ ему, что ожидаетъ отъ него документовъ — „я никакихъ документовъ не имѣю, а имѣю въ виду показанія, которыя отбираются теперь отъ подсудимыхъ; если Вамъ угодно, я прикажу перевести ихъ на Русскій языкъ.“ — отвѣчалъ Баронъ Паленъ. Преосвященный Иринархъ отъ 9 Сентября увѣдомилъ объ этомъ Графа Протасова, присовокупляя, что отъ мѣстнаго Гражданскаго начальства не получено еще ничего такого, чтобы могло послужить основаніемъ для приступа къ слѣдствію. Тоже самое доносилъ онъ Святѣйшему Синоду 6 Октября.*) Но руководители Барона Палена и онъ самъ вовсе не желали слѣдствія, по крайней мѣрѣ такого какого требовалъ Государь Императоръ, т. е. слѣдствія Епархіальнаго начальника надъ подчинен-

*) No. 1059 и 1154.

нымъ ему духовенствомъ. Они имѣли причины опасаться какъ бы при этомъ не обнаружились *всѣ* подробности опросовъ крестьянъ въ Губернскомъ Правленіи и, кромѣ того, ободренные ходомъ дѣла, они уже шли гораздо далѣе въ своихъ надеждахъ. Баронъ Паленъ обратился опять таки къ шефу жандармовъ съ вопросомъ: нельзя ли назначить для участія въ предполагавшихся изслѣдованіяхъ надъ Православными священниками депутата отъ гражданскаго вѣдомства, такъ какъ доказательства противъ духовенства состояли въ показаніяхъ крестьянъ, изъ коихъ между прочимъ видно было, что самъ преосвященный Иринархъ *показывается такимъ* (буквально) *подъ вліяніемъ коего дѣйствовало Православное духовенство.* По Русски это значило: вмѣсто слѣдствія, производство коего было поручено епископу, нельзя ли какъ нибудь его самаго отдать подъ слѣдствіе какому нибудь Гагемейстеру или Вульфу? Не знаю, что̀ отвѣчалъ Графъ Бенкендорфъ на счастливую мысль своего друга, но онъ принялъ ее къ руководству и, какъ мы увидимъ ниже, не упустилъ въ свое время ею воспользоваться.

Между тѣмъ, кромѣ домашней расправы въ деревняхъ, которою будто бы укрощались, а на самомъ дѣлѣ вызывались безпорядки, приведена была въ движеніе и военная сила. Въ этотъ несчастный 1841 годъ, въ Лифляндіи перебывало столько войскъ, сколько, по всей вѣроятности, не имѣлъ ихъ Петръ Великій при завоеваніи края.

Еще въ началѣ Іюля, баронъ Паленъ откомандировалъ изъ Курляндіи полсотню казаковъ въ Венденъ, для предупрежденія безпорядковъ, отдавъ ихъ въ распоряженіе того самаго уѣзднаго депутата фонъ Гагемейстера, который писалъ, что нельзя окончить дѣла миролюбно и что кровопролитіе неизбѣжно. Въ тоже время, баронъ Паленъ просилъ графа Бенкендорфа двинуть для усмиренія

крестьянъ отъ Гольдингена и Жегаръ одинъ пѣхотный полкъ въ Лифляндію и расположить его въ Вольмарскомъ, Венденскомъ и Валкскомъ округахъ; потомъ, въ первой половинѣ Августа, генералъ-губернаторъ отрядилъ изъ Риги батальонъ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка въ уѣзды Венденскій, Валкскій и Дерптскій, а казаковъ велѣлъ собрать въ Верроскомъ, на границѣ Псковской губерніи; затѣмъ, двѣ роты того же Шлиссельбургскаго полка были отряжены въ уѣзды Вольмарскій и Рижскій, а въ исходѣ того же мѣсяца, вслѣдствіе прежняго ходатайства барона Палена, которому все еще казалось мало этихъ средствъ, получено было Высочайшее повелѣніе о немедленномъ командированіи въ Лифляндію, по окончаніи сбора войскъ въ Ковнѣ, Ладожскаго егерскаго полка. Эти распоряженія, въ извѣстномъ смыслѣ неизбѣжныя — для поддержанія пущенной въ ходъ фикціи объ общемъ бунтѣ, или (какъ выражался генералъ-маіоръ Дуппельтъ) „о нѣкотораго рода Сицилійскихъ вечерняхъ противъ помѣщиковъ," частью предшествовали личному объѣзду предпринятому генералъ-губернаторомъ 13 Августа въ видахъ административно-стратегическихъ, по уѣздамъ Венденскому, Вольмарскому, Верроскому и Дерптскому, частью были послѣдствіемъ этой поѣздки. На пути, крестьяне, въ буквальномъ смыслѣ, осаждали его жалобами на помѣщиковъ и разнаго рода просьбами, ибо голодъ продолжался, люди умирали отъ истощенія, а въ палкахъ и бритвахъ, при самомъ щедромъ ихъ употребленіи, не оказывалось никакой питательной силы.*) Генералъ-губернаторъ кое-что сдѣлалъ и доставилъ возможное облегченіе, какъ онъ самъ писалъ, на счетъ обсѣмененія полей; но въ чемъ именно

*) По свидѣтельству гернгутера *крайне враждебнаго къ Православію*, въ городѣ Верро, всѣ крестьяне ходившіе въ Ригу для записки или подговаривавшіе къ тому другихъ получили каждый не менѣе ста ударовъ,

состояли принятыя имъ мѣры неизвѣстно. Гораздо несомнѣннѣе польза, которую принесла эта поѣздка ему лично, давъ ему возможность, собственными глазами, всмотрѣться въ бытъ крестьянъ. Какъ человѣкъ по природѣ благодушный и доходившій до жестокости только въ исправленіи своей должности усерднаго агента дворянской партіи, онъ не могъ не почувствовать состраданія къ простому народу, а это чувство не могло не возбудить досады на помѣщиковъ, безпощадно раззорявшихъ крестьянъ во имя свободы. Кажется, что именно съ этой поѣздки, прежнія воззрѣнія Барона Палена нѣсколько поколебались; по крайней мѣрѣ, въ оффиціальныхъ его донесеніяхъ, стала пробиваться новая тема: неудовлетворительность хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, какъ одна изъ причинъ тогдашнихъ волненій, чего онъ прежде не признавалъ, хотя именно на эту причину давно уже указывалъ ему графъ Строгоновъ. Иного рода, но одинаково безотрадныя впечатлѣнія вынесъ Баронъ Паленъ во время своей поѣздки изъ интимныхъ своихъ сношеній съ помѣстнымъ дворянствомъ. Оно было имъ недовольно и не скрывало этого; не довольно не столько положеніемъ, которое онъ принялъ въ крестьянскомъ, хозяйственномъ вопросѣ (его измѣнившіяся воззрѣнія на эту сторону дѣла въ то время не успѣли еще обнаружиться) сколько его такъ называемою *слабостью* въ отношеніи къ преосвященному Иринарху, къ Православному духовенству вообще, и къ бунтовавшимъ будтобы крестьянамъ. Отъ своего собрата, Лифляндскіе рыцари ожидали бо́льшаго, и генералъ-губернатору довелось убѣдиться на опытѣ, что при всемъ желаніи угодить своимъ, трудно было согласить службу правительству съ

по личному распоряженію Барона Палена. См. брошюру: Der Agitator Balloh̃d und das Hernhuterthum in Livland v. E. A. Bourquin etc. Niesky 1870. S. 12.

службою дворянству.*) Онъ сталъ оправдываться и запутался въ своихъ объясненіяхъ. Вотъ, между прочимъ, отрывокъ изъ донесенія чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, командированнаго въ Лифляндію графомъ Строгоновымъ, и посѣтившаго Дерптъ вскорѣ послѣ выѣзда оттуда Барона Палена: „Генералъ-губернаторъ, ограждающій помѣщиковъ передъ правительствомъ, лично удостовѣрился, что не всѣ они пекутся о крестьянахъ. Въ проѣздъ свой изъ Риги въ Дерптъ, свидѣтельствовалъ онъ сельскіе запасные магазины и во многихъ не нашелъ хлѣба, который, по показанію крестьянъ, употребленъ былъ на винокуреніе.**) Впрочемъ, и помѣщики къ нему нерасположены и въ послѣднее пребываніе его въ Дерптѣ изъявили ему свое неудовольствіе явно. Они упрекали его въ томъ, что при первомъ появленіи крестьянъ въ Ригѣ, онъ не принялъ строгихъ мѣръ, на что онъ, въ свое оправданіе, представлялъ, что, при самомъ началѣ, онъ писалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и, не получая три недѣли отъ него разрѣшенія, вынужденъ былъ донести Государю Императору. Дѣло о волненіи Лифляндскихъ крестьянъ показываетъ однако противное. Баронъ Паленъ писалъ въ первый разъ объ этомъ событіи 8 Іюля, и то вслѣдствіе вопроса сдѣланнаго ему министерствомъ. Къ чему было, передъ здѣшнимъ дворянствомъ, постоянно недовольнымъ нашимъ правительствомъ, выставлять не-

*) Въ то время однако въ Ригѣ разсказывали, что объѣзжая губернію, Баронъ Паленъ отбиралъ у крестьянъ показанія о принадлежности ихъ къ Лютеранской Церкви, въ надеждѣ, вѣроятно, что въ ихъ глазахъ простое заявленіе факта получитъ силу даннаго обязательства не переходить въ Православіе и что, несмотря на присутствіе казаковъ и жандармовъ, нѣкоторые крестьяне и тутъ подтвердили о своемъ желаніи *быть Русскими по вѣрѣ*.

**) Читатели можетъ быть припомнятъ, что тоже самое говорилъ въ своихъ Запискахъ Православный Латышъ. Вотъ два свидѣтельства лицъ нетолько не сговаривавшихся, но конечно не имѣвшихъ одинъ о другомъ никакого понятія.

былицу? — это остается загадкою, а что онъ дѣйствительно это говорилъ, подтверждается единогласно“ — Одно, что́ безусловно одобрялось дворянствомъ, что̀ очень ему нравилось и что̀ было послѣдствіемъ усердныхъ домогательствъ его представителей,*) это было развертываніе Русскихъ военныхъ силъ противъ народа, въ которомъ бродила какая-то странная тоска по Россіи и Русской вѣрѣ. Ландраты, депутаты, орднунгсъ-рихтеры, вотчинныя правленія, всѣ просили войскъ, войскъ, и только войскъ (бо́льшаго они, какъ извѣстно, отъ Россіи не требуютъ и даже не принимаютъ); но можно себѣ представить, во что обходилась крестьянамъ эта дорогая роскошь и каково имъ было, въ голодный годъ, принимать у себя военныхъ гостей?

А бунта всетаки не оказывалось, и о Сицилійскихъ вечерняхъ тоже ничего не было слышно; даже Дерптская ярмарка, которой всѣ боялись, прошла какъ нельзя спокойнѣе. Вотъ что̀ писалъ въ то время командированный въ Лифляндію чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ: „Все упованіе свое возлагаютъ крестьяне на защиту правительства и Государя, которому, какъ они сами говорятъ, готовы отдать жизнь свою и послѣднее достояніе свое. Вотъ причина, почему они теперь чрезвычайно покойны. Этому я былъ личный свидѣтель, во время послѣдней ярмарки въ Дерптѣ. Стеченіе народа превышало всѣ прочіе годы, какъ говорили мнѣ здѣшніе жители, а безпорядковъ и непослушанія не было. Спокойствіе ихъ доказывается и тѣмъ еще, что хлѣбъ господскій стоитъ въ полѣ, въ скирдахъ, никѣмъ не охраняемый, и никто ни одного зерна не тронулъ.“**) Вообще, до начала Сен-

*) Тотъ же чиновникъ, въ своемъ донесеніи, называлъ тѣхъ, которые первые присовѣтывали Барону Палену вразумлять крестьянъ военною силою. Чтенія 1865. Кн. II. стр. 97.

**) Чтенія 1865. К. II. стр. 96.

тября, несмотря на то, что во всей почти Лифляндіи производились мелкія экзекуціи, былъ только одинъ случай буйства со стороны крестьянъ, именно въ Венденскомъ уѣздѣ, въ помѣстьѣ Вессельгофъ, гдѣ, по донесенію полученному Генералъ-губернаторомъ „толпа крестьянъ, вооруженная дубинами, жердями и кочергами, воспрепятствовала мѣстной полиціи (т. е. вотчинной конторѣ?) наказать нѣсколькихъ зачинщиковъ неповиновенія (кому?) *несмотря**) на казачью команду изъ 20 человѣкъ.“

Понятно, что уже и въ Петербургѣ, около половины Августа, начали подозрѣвать, что фразы фонъ-Гагемейстера и объясненія Барона Палена давали не совсѣмъ точное понятіе о положеніи края, и стали доискиваться настоящей причины неудовольствія крестьянъ. Сперва графъ Строгоновъ подалъ Барону Палену совѣтъ „обратить особенное вниманіе на бѣдность крестьянъ.“ Затѣмъ, статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ Высочайшее повелѣніе: „обратить *строгое вниманіе* Генералъ-губернатора Барона Палена на предметъ жалобъ крестьянъ — *на недостатокъ продовольствія.*“ Подобнаго рода указанія повторяемы были неоднократно.

Наконецъ таки поймали крестьянъ, если не на бунтѣ, то на противозаконномъ требованіи. Доселѣ, они просили хлѣба и переселенія; но, встрѣчая вездѣ отказъ, нѣкоторые изъ нихъ, въ уѣздахъ Вольмарскомъ и части Рижскаго, стали домогаться (всетаки не захватывать) себѣ въ собственность помѣщичьей земли, конечно не господской, а крестьянской, то есть той, на которой они сидѣли и на которую, до 1819 года, имѣли право пользованія. Это опять оживило толки объ угрожавшемъ будто бы

---

*) Это *несмотря* довольно не ясно; кажется, что команда вовсе и не была употреблена въ дѣло; иначе, безъ сомнѣнія, было бы сказано, что она была отбита. Спрашивается: была ли она даже на мѣстѣ происшествія?

подъемѣ всего народа и подало поводъ, къ прежнимъ темамъ, прицѣпить новую — посягательство на дворянскую собственность. Кстати впутали въ дѣло и коммунизмъ, въ то время только что начинавшій входить въ моду, какъ вѣрное средство отвести глаза отъ правды. Тотчасъ же двѣ роты Шлиссельбургскаго егерскаго полка командированы были на мѣста для усмиренія крестьянъ, и Государь Императоръ, находившійся въ то время въ Варшавѣ и повидимому начинавшій также подозрѣвать, что дѣйствія Барона Палена направлялись не въ ту сторону куда было нужно, отправилъ въ Лифляндію двухъ флигель-адъютантовъ, полковниковъ Бутурлина и князя Урусова, съ особымъ наставленіемъ.

Оно, разумѣется, осталось секретомъ; но, соображая предшествовавшія обстоятельства, можно, не боясь ошибиться, предположить, что флигель-адъютантамъ велѣно было дѣйствовать съ особенною строгостью вездѣ, гдѣ бы они замѣтили признаки неповиновенія властямъ. Посланнымъ отъ Государя, конечно вмѣнялось также въ обязанность прекращать ложные слухи о переселеніи и о надѣленіи крестьянъ землею, распространявшіеся по корчмамъ, безпощадно преслѣдовать тѣхъ кто разносилъ эту молву, предавая виновныхъ военному суду, но не смѣшивая однако злонамѣренныхъ изобрѣтателей этихъ слуховъ съ тѣми лицами, которыя, по легковѣрію, только повторяли слышанное. Въ составъ порученія входило вѣроятно и раскрытіе дѣйствительныхъ причинъ волненій, дознаніе неудовлетворенныхъ нуждъ крестьянъ, изученіе ихъ быта; наконецъ (это видно изъ послѣдующихъ дѣйствій) относительно перемѣны вѣры, флигель-адъютантамъ вмѣнялось въ обязанность, по крайней мѣрѣ разрѣшалось, огласить и разъяснить общій для всей Имперіи законъ, въ силу котораго вступленіе въ нѣдра господствующей церкви никому не возбраняется. Во всѣхъ

подобнаго рода порученіяхъ, необходимо различать двѣ стороны: простое изученіе положенія дѣлъ и вмѣшательство, въ силу даннаго уполномочія, въ распоряженія мѣстныхъ властей. Случается иногда, что эти власти запутываются и теряютъ голову; случаются между ними своего рода стачки, чаще всего въ мѣстностяхъ изолированныхъ по своему географическому положенію или по особенностямъ своего провинціальнаго устройства; случаются также непримиримыя противорѣчія въ донесеніяхъ получаемымъ изъ разныхъ источниковъ, ставящія въ тупикъ высшее правительство, и въ подобныхъ случаяхъ, взглядъ со стороны, брошенный человѣкомъ свѣжимъ, если только онъ достаточно подготовленъ къ дѣлу предварительнымъ его изученіемъ (что̀, къ сожалѣнію, довольно рѣдко случается) и способенъ не поддаться вліянію мѣстныхъ воззрѣній, можетъ иной разъ разъяснить недоумѣнія, обнаружить неправильности, которыхъ глаза успѣвшія къ нимъ присмотрѣться не видятъ или не хотятъ видѣть. Иное дѣло: человѣку новому, обыкновенно не имѣвшему ни времени, ни случая ознакомиться спеціальнымъ изученіемъ съ мѣстными особенностями края, давать уполномочіе дѣйствовать отъ имени верховной власти. Такое, по существу своему экстралегальное уполномочіе, ставитъ вооруженнаго имъ въ ненормальныя отношенія къ мѣстному начальству, тою же властью упольномоченному. Въ случаѣ полнаго между ними согласія, экстралегальное уполномочіе оказывается излишнимъ; въ случаѣ разномыслія, рождается конфликтъ, нетолько въ мнѣніяхъ, но и въ самыхъ дѣйствіяхъ; чаще же всего случается (и это почти неизбѣжно) что довѣренное лицо, будучи призвано рѣшаться на что нибудь и дѣйствовать съ первой минуты своего пріѣзда, прежде чѣмъ оно успѣетъ составить себѣ собственное понятіе о положеніи дѣлъ, усвоиваетъ себѣ чужой взглядъ, подчиняясь невольно господ-

ствующимъ на мѣстахъ воззрѣніямъ; а такъ какъ отъ спеціально-уполномоченнаго всѣ ожидаютъ рѣшительныхъ, видныхъ и скорыхъ результатовъ, то онъ обыкновенно доводитъ мѣстную систему дѣйствій до послѣднихъ крайностей, въ строгостяхъ или въ послабленіи. Въ какой мѣрѣ лица, на которыхъ палъ выборъ Государя Императора, избѣгли этой опасности, пусть разсудятъ сами читатели.

Извѣстіе о командировкѣ флигель-адъютантовъ не могло, до нѣкоторой степени, не встревожить мѣстныхъ властей. Онѣ имѣли причины опасаться именно свѣжаго, непредубѣжденнаго взгляда. Заглазно, можно еще было объяснять волненіе крестьянъ подпольными интригами Православнаго архіерея и какихъ-нибудь трехъ или четырехъ священниковъ; въ Петербургѣ, вдали отъ поразительнаго зрѣлища мѣстныхъ нуждъ простонародья и при усердномъ повтореніи сплетень, которыя разносились по гостинымъ агентами тамошняго министерства Остзейскихъ дѣлъ, можно было забывать и то, что быстрое распространеніе гернгутерства, задолго до сближенія крестьянъ съ Православнымъ духовенствомъ, свидѣтельствовало о присутствіи въ народѣ неудовлетворенной потребности чисто религіознаго свойства, и то, что слухъ о переселеніи возникъ также до этого сближенія, и то наконецъ, что кромѣ желанія перемѣнить вѣру, гораздо громче и отчетливѣе этого желанія, раздавались жалобы на отобраніе земель, на невыносимую тягость повинностей, на нищету, на истязанія и голодъ. Всего этого можно было не знать на Невскомъ проспектѣ; но гораздо труднѣе было поддерживать фикцію объ интригахъ и подговорахъ, въ виду Латышскихъ деревень, въ виду крестьянъ, помѣщиковъ и пасторовъ. Еслибы, наконецъ, правда бросилась въ глаза свѣжему человѣку, если-бъ ему удалось различить мирное, религіозное движеніе, которое имѣло свои особенныя причины, отъ волненій вызванныхъ со-

верщенно иными обстоятельствами, тогда пожалуй оказалось бы, что стремленіе народа въ Православіе не имѣло въ себѣ ничего страшнаго и что не было никакой причины не предоставить ему дальнѣйшаго, невозбраннаго хода; но тогда, дѣйствительно серьезный вопросъ объ экономическомъ бытѣ крестьянъ, отрѣшившись отъ всѣхъ затемнявшихъ его обстоятельствъ, самъ собою выступилъ бы на первый планъ какъ главная причина волненій. Этого-то именно болѣе всего боялись въ Ригѣ, и потому тамошнія власти не переставали въ своихъ донесеніяхъ занимать высшее правительство мелкими сплетнями, хотя въ то время, послѣ приведенныхъ выше распоряженій, не представлялось даже сколько-нибудь благовидныхъ къ тому поводовъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій флигель-адъютантовъ, по прибытіи ихъ въ Ригу, было оглашеніе воли Государя Императора. Это было сдѣлано съ подобающимъ торжествомъ, но довольно неловко. 17-го Сентября, собраны были въ Ригѣ изъ 14 помѣстьевъ 47 человѣкъ крестьянъ и военныхъ нижнихъ чиновъ, какъ отставныхъ, такъ и безсрочно-отпускныхъ; ихъ ввели въ Губернское Правленіе, и тамъ флигель-адъютанты Бутурлинъ и князь Урусовъ объявили имъ, по Высочайшему повелѣнію: „что отнюдь не есть воля Государя Императора переселить Лифляндскихъ крестьянъ въ другія губерніи или дать имъ земли въ Лифляндіи, отнявъ у помѣщиковъ; что ложный слухъ объ этомъ вымышленъ злонамѣренными людьми, коихъ должно задерживать; *что если кто изъ крестьянъ, отъ истиннаго, внутренняго убѣжденія, а не по причинѣ земныхъ выгодъ, намѣренъ присоединиться къ Православію, то онъ, Государь, не можетъ и не хочетъ имъ это возбранять**), но что они, крестьяне, вслѣдствіе при-

*) А *безусловное* запрещеніе передъ этимъ только что объявленное преосвященному Иринарху и Православному духовенству принимать у себя

соединенія къ Православію, не уповали бы на какія либо земныя выгоды ни на переселеніе, ни на отведеніе въ собственность земель и т. п., а чтобы оставались по прежнему покойными". За симъ, объявлено было безсрочно-отпускнымъ и отставнымъ солдатамъ, что если они будутъ сами участвовать въ незаконностяхъ и подкрѣплять крестьянъ въ ихъ движеніи, то будутъ наказаны, лишатся пріобрѣтенныхъ на службѣ правъ и вновь отданы будутъ на службу*). Такія же объявленія дѣлались и въ уѣздныхъ городахъ.

Давно, съ той самой минуты какъ началось движеніе, надлежало огласить невозбранность присоединенія къ церкви. Это было необходимо не только для разъясненія заблужденій, въ которыхъ находились крестьяне относительно послѣдствій присоединенія, но главнѣйшимъ образомъ потому, что помѣщики, пасторы и земская полиція, въ одинъ голосъ твердили крестьянамъ, что правительство не разрѣшало имъ перехода изъ Лютеранства въ Православіе и что Православные священники дѣйствовали будто-бы самовольно принимая отъ нихъ заявленія по предмету перемѣны вѣры. Еслибы такое оглашеніе сдѣлано было во-время (о чемъ много разъ писалъ Преосвященный Иринархъ) все движеніе приняло бы можетъ быть иной оборотъ. Но огласить Высочайшую волю такъ, чтобъ она дѣйствительно проникла въ сознаніе простаго народа, особенно когда эта воля несогласна ни съ собственными его ожиданіями, ни съ тѣми внушеніями, приказаніями и угрозами, которыя онъ ежедневно слышитъ у себя дома, отъ ближайшихъ къ нему начальствъ, дѣло вовсе не легкое, и надобно сознаться, что въ настоящемъ случаѣ, способъ оглашенія избранъ былъ крайне

крестьянъ и брать отъ нихъ просьбы, хотя бы *только* о присоединеніи ихъ къ Церкви, запрещеніе въ то время даже еще не снятое?!

*) Чтенія 1865. Кн. I, стр. 209.

неудачно. Вопервыхъ, что̀ значило 47 человѣкъ, по закону почти прикрѣпленныхъ къ своимъ приходамъ, на всю Лифляндію? Во вторыхъ, кѣмъ были избраны эти отряженные въ Ригу крестьяне и чѣмъ руководствовались при выборѣ? Такъ какъ нарядомъ въ губернскій городъ распорядились безъ сомнѣнія вотчинная и земская полиціи, то вѣроятно посланы были должностные крестьяне, старшины, приходскіе судьи, засѣдатели, словомъ тѣ, которыхъ по закону, утверждали, а на практикѣ назначали помѣщики, во всякомъ случаѣ — люди въ помѣщичьемъ смыслѣ *надежные*, отъ которыхъ не было повода ожидать, чтобъ они, въ присутствіи флигель-адъютантовъ, осмѣлились промолвить слово о дѣйствительныхъ причинахъ общаго неудовольствія простаго народа. Но такого разбора люди могли ли пользоваться полнымъ довѣріемъ массы и дѣйствовать на ея убѣжденіе? Въ третьихъ, когда имѣется въ виду произвести то или другое впечатлѣніе, нельзя пренебрегать подробностями внѣшней обстановки; а тутъ, какъ нарочно собраны были всѣ мѣстныя власти, по собственному ихъ сознанію, утратившія всякое къ себѣ довѣріе простаго народа, и собраны въ томъ самомъ Губернскомъ Правленіи, одинъ видъ котораго напоминалъ крестьянамъ недавніе допросы, не зажившіе еще рубцы на изсѣченныхъ спинахъ и не отросшіе волоса на выбритыхъ затылкахъ. Тамъ, въ уши оторопѣлыхъ, не предупрежденныхъ крестьянъ, прокричали Высочайшую волю и дѣлу конецъ! Но мы знаемъ по опыту какъ медленно и туго простой народъ усвоиваетъ себѣ чужія понятія, какъ бы, повидимому, ясно и точно ни были онѣ изложены. За первымъ прочтеніемъ, въ неподготовленныхъ умахъ, зарождаются неминуемо самыя неожиданныя сомнѣнія, самые странные вопросы; ихъ нужно не только выслушивать, но даже вызывать когда они не высказываются; нужно перебирать ихъ одно за другимъ, разъяснять каждое и повторять

прочтенное по нѣскольку разъ. Само собою разумѣется, что флигель-адъютанты этого не сдѣлали и, по незнанію мѣстныхъ языковъ, даже не могли сдѣлать. Скучный трудъ разъясненія требующій со стороны вразумляющихъ безконечнаго долготерпѣнія и невозмутимой добросовѣстности, а со стороны вразумляемыхъ полнаго и безбоязненнаго довѣрія къ вразумляющимъ, предоставленъ былъ мѣстнымъ властямъ, тѣмъ самымъ, которымъ народъ не вѣрилъ ни въ чемъ. Наконецъ, во всемъ что было объявлено крестьянамъ отъ Высочайшаго имени, не было ни единаго слова въ утѣшеніе и ободреніе, ни тѣни надежды на лучшую будущность; не сочли даже за нужное сказать имъ, что, запрещая имъ одно, отказывая имъ въ другомъ, верховная власть всетаки знаетъ объ ихъ нуждахъ, принимаетъ ихъ къ сердцу и заботится объ удовлетвореніи ихъ. Какое впечатлѣніе вынесли крестьяне изъ присутствія? — этого они конечно не повѣдали, но смѣло можно сказать, что объявленіе не произвело въ краѣ желаннаго дѣйствія: оно не вразумило обманутыхъ и ошибавшихся, не подкрѣпило чаявшихъ, не ободрило близкихъ къ отчаянію.

Все доселѣ разсказанное продолжалось три мѣсяца, до половины Сентября, а положеніе крестьянъ ни въ чемъ не улучшалось, да и не могло улучшиться; такъ какъ зло лежало въ самомъ существѣ законоположенія опредѣлявшаго ихъ права или, точнѣе, ихъ безправіе. Сношенія съ Православнымъ духовенствомъ, которое одно обнаруживало къ нимъ сочувствіе, до нѣкоторой степени поддерживали въ нихъ темную надежду на улучшеніе ихъ быта, а съ тѣмъ вмѣстѣ (нельзя этого отрицать) и мечты о переселеніи; но и эти сношенія прекратились. Между тѣмъ, желая вырвать зло съ корнемъ, полиція, разумѣется по указаніямъ, при содѣйствіи и нерѣдко черезъ посредство вотчинныхъ правленій, усердно разыскивала и хватала по деревнямъ такъ называемыхъ *зачин-*

*щиковъ**) бунта, то есть тѣхъ крестьянъ, которые, въ кругу своихъ, пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Тогда мѣра Латышскаго долготерпѣнія переполнилась, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствительно, начались безпорядки, буйства, открытыя сопротивленія властямъ. Этого только и поджидали.

Вотъ въ чемъ заключались эти случаи, по донесеніямъ барона Палена, который переписывалъ отъ слова до слова рапорты орднунгсъ-рихтеровъ.

„Дерптскаго уѣзда, въ приходѣ Оденпе, въ помѣстьѣ Гейлигензе, крестьяне, будтобы ссылаясь на наставленіе Православнаго духовенства, *вознамѣрились* переселиться въ другія губерніи. Орднунгсъ-рихтеръ, получивъ 1 Сентября просьбу приходскаго судьи задержать зачинщиковъ, прибылъ туда съ ротою Шлиссельбургскаго полка. Крестьяне ушли въ лѣсъ, гдѣ орднунгсъ-рихтеръ встрѣтилъ толпу вооруженную дубинами, которая спрашивала его: по какому праву онъ обыскиваетъ ихъ границы съ войскомъ, когда они ни въ чемъ не виноваты, а желаютъ только *исполнить волю Государя* и переселиться въ другія губерніи? Орднунгсъ-рихтеръ, не желая подвергать солдатъ опасности, ибо онъ не зналъ сколько въ лѣсу крестьянъ, уговорилъ толпу возвратиться на мызу, *обѣщая тамъ выслушать крестьянъ;* когда же толпа вышла изъ лѣсу, онъ встрѣтилъ ее съ цѣлою ротою.“ — Итакъ,

---

*) Когда ложный слухъ, основанный на мнимомъ законѣ или распоряженіи власти, приводитъ въ движеніе народныя массы, лишенныя по своей безграмотности ближайшаго и простѣйшаго средства вразумленія, случается очень нерѣдко, что, при разыскиваніи зачинщиковъ, попадаютъ въ категорію злонамѣренныхъ подстрекателей лица совершенно добросовѣстно увлекающіяся общимъ заблужденіямъ, которыя стоятъ на виду, во главѣ толпы и ведутъ ее за собою только потому, что они умнѣе, честнѣе, зажиточнѣе другихъ, что имъ привыкли вѣрить, и что они вообще, во всякаго рода дѣлахъ, естественно выдвигаются впередъ. Хватаніе такихъ людей, болѣе всего, раздражаетъ толпу и чаще всего вызываетъ сопротивленіе.

орднунгсъ-рихтеръ, мѣстный помѣщикъ, располагая военною силою, *обманулъ* крестьянъ, которые охотно шли на объясненіе съ нимъ. Стратегическая хитрость имъ употребленная, конечно, не много содѣйствовала возстановленію поколебленнаго въ крестьянахъ довѣрія къ словамъ и обѣщаніямъ мѣстныхъ властей. Рапортъ оканчивался увѣдомленіемъ, что выйдя на чистое мѣсто и увидавъ передъ собою солдатъ „крестьяне бросили дубины и разбѣжались, причемъ были захвачены одинъ изъ *водителей*, отставной лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка солдатъ и еще восемь человѣкъ."

Второй случай: „Верросскаго уѣзда, въ помѣстьѣ Нейгаузенъ, задержанъ былъ крестьянинъ, *извѣстный возмутитель*, и толпа крестьянъ, съ кольями, преслѣдовала двѣ версты конвой для освобожденія задержаннаго," но, какъ видно, даже не пыталась отбить его.

Третій случай и самый серьезный: „По опредѣленію губернскаго правленія, долженъ былъ быть задержанъ крестьянинъ Рижскаго уѣзда помѣстья Нейбеверсгофъ, Виллуамъ Прейсъ, за подговоръ крестьянъ къ переселенію. Засѣдатель орднунгсъ-герихта Фонъ Транзеге и коммисаръ Гельманъ отправились для сего съ десятью солдатами гарнизоннаго баталіона, но, не заставъ Прейса дома, встрѣтили 10 Сентября толпу вооруженныхъ кольями крестьянъ, которые повалили коммисара, такъ что чиновники съ трудомъ пришли на мызу, которая, на другой день, была окружена крестьянами. *Военная команда* (10 человѣкъ солдатъ) *вышла безпрепятственно*, но крестьяне разсыпались по дорогамъ, чтобъ воспрепятствовать чиновникамъ удалиться и засѣдателю съ трудомъ удалось пробраться въ Ригу" — видно однако, что его караулили не слишкомъ исправно и что толпа обступившая мызу была не очень густа и не очень страшна, иначе чиновники, вѣроятно, сами не отпустили бы солдатъ. Въ дополненіе

къ этимъ свѣдѣніямъ, генералъ-губернаторъ доставилъ статистику проданнаго крестьянамъ пороха; оказывалось, что, съ 1 Мая по 1 Августа 1840 года, они пріобрѣли 87 пудовъ 35 фун., а въ 1841 году, за тотъ же срокъ, 123 пуда 24 фунта, изъ чего можно было вывести математически вѣрное заключеніе, что безопасность мѣстныхъ властей и помѣщиковъ уменьшилась ровно на 40 5/7 %*).

Если ужъ начато было усмиреніе бунта до его возникновенія, когда въ народѣ обнаруживалось только еще броженіе умовъ, то можно легко себѣ представить какіе размѣры приняло усмиреніе случаевъ дѣйствительнаго буйства. Для усиленія вооруженныхъ средствъ противъ грознаго подъема всей массы разъяренныхъ Латышей (какъ выражались въ то время) и несмотря на то, что Государь Императоръ (кажется сознавая значительную долю преувеличенія въ донесеніяхъ мѣстныхъ властей) предписывалъ *дѣйствовать осторожно*, двинута была въ Лифляндію вторая бригада второй Гренадерской дивизіи, въ трехъ-баталіонномъ составѣ полковъ, и дивизіонъ атаманскаго, Наслѣдника Цесаревича казачьяго полка. Самъ баронъ Паленъ призадумался, сообразивъ какое бремя для края и сколько хлопотъ для помѣщиковъ могло произойти отъ размѣщенія въ Лифляндіи такого числа войскъ; онъ написалъ въ Петербургъ, что волненіе уже не такъ жестоко, а расквартированіе войскъ, по разбросанному положенію крестьянскихъ дворовъ и по недостатку въ продовольствіи, неудобоисполнимо. Онъ предлагалъ, какъ мѣру самую цѣлесообразную, разложить бремя содержанія войскъ нужныхъ для усмиренія Лифляндскихъ крестьянъ и для успокоенія Лифляндскихъ помѣщиковъ, на двѣ сосѣднія губерніи, Псковскую и Витебскую, а ему, генералъ-губернатору, предоставить право

*) Чтенія 1865. Кн. I. стр. 207, 208.

требовать ихъ оттуда по мѣрѣ надобности; но Государь Императоръ, вѣроятно помня прежнія донесенія о готовившихся Силиційскихъ вечерняхъ и о кровополитіи, не изъявилъ согласія на послѣднюю, ловкую комбинацію, а повелѣлъ только отпускать деньги на провіантъ войскамъ. Начался настоящій походъ противъ крестьянъ; потомъ, когда побѣда осталась на сторонѣ войскъ, нигдѣ не встрѣтившихъ сопротивленія, начались военные суды и экзекуціи, страшныя экзекуціи, соразмѣрявшіяся не столько съ виною крестьянъ, сколько съ страхомъ помѣщиковъ, экзекуціи, о которыхъ много лѣтъ спустя крестьяне не могли вспоминать безъ содраганія. Противъ Нейбевергофа отправлена была экспедиція, сначала изъ пятидесяти казаковъ и пяти ротъ Шлиссельбургскаго полка, черезъ нѣсколько дней усиленная баталіономъ Ладожскаго. Силы эти отданы были въ распоряженіе опять таки тамошняго помѣщика, дворянскаго депутата Фонъ-Нуммерса. Ему показалось мало, и онъ вытребовалъ себѣ еще изъ Крейцбурга два орудія легкой батареи 4-ой артиллерійской бригады. Крестьяне, при первомъ появленіи войска, разумѣется, разбѣжались и ихъ стали ловить. Этою ловлею исключительно и занимались войска; у нѣкоторыхъ изъ пойманныхъ найдены были ружья и порохъ, которыхъ они не употребляли, и ни одного выстрѣла во всей Лифляндіи противъ войскъ сдѣлано не было.*) Флигель-адъютанты, наконецъ, нашли себѣ занятіе; они усердно способствовали мѣстной власти въ усмиреніи крестьянъ мѣрами строгости, но въ дѣлахъ не встрѣчается ни одного донесенія отъ нихъ, которое бы сколько нибудь раскрывало дѣйствительныя причины волненій. Повидимому, они совершенно усвоили себѣ взгляды, понятія и терминологію мѣстныхъ властей. Одинъ изъ нихъ ходатайствовалъ у

*) Чтенія 1865. Кн. I. стр. 211. Кн. 3 стр. 130.

Государя о награжденіи нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, солдатъ и крестьянъ, особенно усердствовавшихъ въ отклоненіи крестьянъ отъ перехода въ Православіе и въ ловлѣ такъ называемыхъ подстрекателей. Высшее правительство посылало имъ деньги и медали, а Губернское Правленіе публиковало объ этомъ печатно, по деревнямъ.

Роскошь средствъ и строгостей употребленныхъ на усмиреніе, повидимому, доказывала, что и высшее правительство, прежде какъ будто колебавшееся, наконецъ тоже заразилось страхами мѣстнаго начальства; но съ другой стороны, самыя эти карательныя мѣры, къ которымъ оно сочло себя вынужденнымъ прибѣгнуть, кажется навели его на болѣе внимательное изученіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Лифляндіи. По крайней мѣрѣ, изъ оффиціальной переписки видно, что въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ исходѣ Сентября, понятія стали проясняться. Такъ, излагая во всеподданнѣйшемъ докладѣ опасенія генералъ-губернатора предвѣщавшаго всеобщее возстаніе крестьянъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, графъ Строгоновъ заявлялъ, что онъ, съ своей стороны, не раздѣлялъ этого опасенія; однако Государь изволилъ замѣтить, что осторожность не мѣшала и приказалъ запретить продажу пороха. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе расходились въ своихъ воззрѣніяхъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и главный начальникъ края. Баронъ Паленъ все еще не хотѣлъ признать, что главныя причины волненій заключались въ недостаткѣ хлѣба и въ притѣсненіяхъ помѣщиковъ; онъ увѣрялъ, что попеченіемъ мѣстнаго начальства продовольствіе будто бы было обеспечено, что жалобы крестьянъ, оказавшіяся справедливыми, будто бы были удовлетворены какими-то мѣрами (которыхъ впрочемъ и законъ не предоставлялъ начальству), а приписывалъ всю вину подговорамъ Православнаго епископа и подчиненнаго ему духовенства къ перемѣнѣ вѣры. Напротивъ того,

графъ Строгоновъ, не отрицая „что неосмотрительныя и неправильныя дѣйствія духовенства по принятію просьбъ до него не касавшихся“ могли способствовать, до нѣкоторой степени, распространенію и укрѣпленію неосновательныхъ толковъ, гораздо прежде возникшихъ между крестьянами, настаивалъ однако на томъ, что настоящей причины этихъ толковъ и волненія „надлежало искать, главнѣйшимъ образомъ, въ хозяйственномъ положеніи крестьянъ, въ ихъ бѣдности, въ недостаткѣ продовольствія, въ обременительности работъ на помѣщиковъ“ и вообще въ отсутствіи всякаго надежнаго огражденія крестьянскихъ интересовъ при заключеніи такъ называемымъ полюбовныхъ соглашеній. Въ подтвержденіе, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ ссылался на личный опытъ самаго генералъ-губернатора, напоминая ему массы жалобъ, которыми закидывали его крестьяне во время его объѣздовъ и свидѣтельства нѣкоторыхъ помѣщиковъ, признававшихъ чрезмѣрную обременительность крестьянскихъ повинностей. Баронъ Паленъ долго упирался противъ очевидности, но наконецъ совѣсть перевѣсила въ немъ другія побужденія; къ тому же, сами представители Лифляндскаго дворянства стали догадываться, что пора уже было взять дѣло въ свои руки, чтобъ не допустить до него правительства. Отъ ихъ имени, баронъ Паленъ вошелъ съ представленіемъ о разрѣшеніи дворянскому ландтагу заняться пріисканіемъ мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ. Докладывая объ этомъ Государю Императору, графъ Строгоновъ воспользовался случаемъ изложить въ цѣлости свое воззрѣніе на положеніе дѣлъ въ Лифляндіи, и указалъ на ходатайство дворянства какъ на новое подтвержденіе той мысли, что источникъ волненій заключался не въ дѣйствіяхъ Православнаго духовенства, а въ хозяйственной обстановкѣ крестьянъ. На докладѣ Государь написалъ, что взглядъ въ немъ выраженный совершенно согласенъ съ Его соб-

ственнымъ убѣжденіемъ и повелѣлъ *поставить это генералъ-губернатору на видъ.*)

Съ этого, повидимому, долженъ бы былъ начаться поворотъ къ другой системѣ дѣйствій. Порядокъ возстановленъ, настоящая причина волненій отыскана, признана и ощупана; дворянство приступаетъ къ обсужденію недостатковъ дѣйствующихъ законоположеній, а тѣмъ временемъ, главный начальникъ края конечно поспѣшитъ обеспечить продовольствіе крестьянъ, облегчить, насколько это возможно, ихъ повинности, и оставитъ наконецъ въ покоѣ Рижскаго епископа и Православное духовенство. Во всякомъ другомъ мѣстѣ, дѣло непремѣнно приняло бы этотъ или похожій на это оборотъ; но въ Прибалтійскомъ краѣ случилось противное.

Довольно рѣзкая Высочайшая резолюція ставившая генералъ-губернатору на видъ несообразность его объясненій и дѣйствій съ дѣйствительнымъ положеніемъ ввѣренной ему области, была приписана, не безъ основанія, впечатлѣнію произведенному на Государя откровеннымъ докладомъ Министра Внутреннихъ дѣлъ. Пока графъ Строгоновъ, не понимая еще сущности дѣла, вѣрилъ на слово мѣстнымъ властямъ и содѣйствовалъ имъ своими распоряженіями, не было повода опасаться его вліянія, но теперь положеніе вдругъ измѣняется. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ становится въ прямое противорѣчіе съ Ригою; его доклады, болѣе и болѣе уясняя дѣло, могутъ повредить мѣстнымъ интересамъ и, пожалуй, разоблачить передъ Государемъ нѣкоторыя тщательно отъ Него скрываемыя тайны нашей Балтійской окраины, и вотъ — баронъ Паленъ, отъ 6-го Октября**), увѣдомляетъ графа Строгонова, что графъ Бенкендорфъ *лично поручилъ ему*

*) Отнош. Ст. Секр. Танѣева отъ 25 Сент.

**) Отнош. къ Мин. Вн. Д. No. 1057.

отсылать всѣ дѣла по предмету перехода крестьянъ въ Православіе требующія Высочайшаго разрѣшенія, не къ министру Внутреннихъ Дѣлъ, а прямо къ шефу жандармовъ. Не видно даже, чтобъ на это было испрошено Высочайшее повелѣніе. Изъ всего предшествующаго, читатели могли усмотрѣть, что баронъ Паленъ и прежде постоянно переписывался съ графомъ Бенкендорфомъ, который этимъ и другими путями, узналъ о Балтійскомъ краѣ все что́ ему было нужно или что́ онъ желалъ узнать; слѣдовательно, дѣло шло только объ устраненіи министра Внутреннихъ Дѣлъ. Неизвѣстно какимъ путемъ этого достигли и какой въ этомъ случаѣ придуманъ былъ предлогъ; видно только, что графъ Строгоновъ ничего не возразилъ на распоряженіе шефа жендармовъ.

Тѣмъ временемъ, Преосвященный Иринархъ, осужденный на бездѣйствіе и молчаніе, терпѣливо ожидалъ обвинительныхъ актовъ, которые всетаки ему не сообщались, и безъ которыхъ онъ не могъ приступить къ возложенному на него изслѣдованію.

Внѣшній ходъ этого дѣла самъ по себѣ на столько любопытенъ, какъ указаніе на присутствіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ скрещивающихся потоковъ подъ наружною правильностью теченія, что читатели можетъ быть не посѣтуютъ на меня за сообщеніе имъ сухой, канцелярской объ немъ справки. Выше было сказано, что по докладу Графа Протасова, Высочайшимъ повелѣніемъ 14 Августа, поручено было Преосвященному Иринарху произвести надъ подчиненнымъ ему духовенствомъ строгое изслѣдованіе по всѣмъ взведеннымъ на него обвиненіямъ, въ томъ числѣ и по доносу Спасскаго, а 19 Августа, Графу Бенкендорфу удалось испросить Высочайшее повелѣніе о высылкѣ изъ Риги въ Петербургъ Священника Погонялова и келейника Анненкова, на которыхъ падало обвиненіе по тому же доносу:

Графъ Бенкендорфъ видимо хотѣлъ, чтобъ Рижскій Епископъ былъ устраненъ и чтобъ дѣло покончено было тѣмъ или другимъ способомъ, только не въ Ригѣ; а Графъ Протасовъ, по предварительному соглашенію съ Графомъ Строгоновымъ, хотѣлъ противнаго, то есть изслѣдованія на мѣстѣ обвиненія, черезъ Преосвященнаго. Невозможность согласить эти два требованія, основанныя на двухъ почти одновременныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, и послужила Барону Палену поводомъ обратиться къ своему патрону съ намекомъ на представлявшійся случай устранить Епископа отъ производства слѣдствія и привлечъ его самаго къ дѣлу какъ отвѣтчика. Оттого онъ такъ долго и не сообщалъ Преосвященному никакихъ данныхъ. Ухватившись за мысль подсказанную ему изъ Риги, Графъ Бенкендорфъ, въ конфиденціальномъ отношеніи къ Графу Протасову*) выразилъ ему „что если за высылкою въ Петербургъ двухъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, изслѣдованіе всетаки не считается отмѣненнымъ(!), то въ виду того, что Епископъ и самъ прикосновененъ къ этому дѣлу, онъ шефъ жандармовъ, признавалъ бы съ своей стороны необходимымъ, чтобъ при слѣдствіи находился губернскій чиновникъ и даже мѣстный Штаб-офицеръ корпуса Жандармовъ.“ За три дня до полученія этой бумаги (10 Сентября) Графъ Протасовъ передалъ въ Святѣйшій Синодъ на зависящее распоряженіе Высочайшее повеленіе о высылкѣ въ Петербургъ Священника Погонялова и келейника Анненкова съ приложеніемъ доноса Спасскаго и выборокъ изъ показаній отобранныхъ у Латышей; Синодъ изготовилъ вопросные пункты и поручилъ отобраніе по нимъ показаній Епископу Ревельскому, викарію С. Петербургской Митрополіи Венедикту, въ присутствіи гражданскаго чиновника по выбору Г. Оберъ-Проку-

*) 13 Сентября 1841 No. 5327.

ро[illegible].*) Все это было исполнено и отвѣты доставлены Синоду при рапортѣ отъ 18 Сентября. Затѣмъ, (18го же Сентября) Графъ Протасовъ передалъ въ Синодъ и упомянутое отношеніе Графа Бенкендорфа; тогдаже и только тогда (то есть черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ сдѣланъ былъ Преосвященному Иринарху выговоръ) сообщилъ онъ Синоду и содержаніе Высочайшаго повелѣнія возлагавшаго на Рижскаго Епископа производство слѣдствія по всѣмъ взведеннымъ на Православное духовенство обвиненіямъ. Тутъ Синодъ въ первый разъ прочелъ эти обвиненія, на основаніи которыхъ онъ сдѣлалъ Преосвященному Иринарху строгій выговоръ. Сообразивъ все это, Синодъ 22 Сентября постановилъ: „во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, препроводить къ Епископу Рижскому вопросные пункты заданные Шогонялову и Анненкову и ихъ отвѣты; поручить ему провѣрить ихъ строгимъ изслѣдованіемъ, сообразить ихъ съ тѣми доказательствами какія доставитъ ему Генералъ-Губернаторъ, возвратить въ Синодъ съ своимъ заключеніемъ и вмѣстѣ представить отъ себя объясненіе по обстоятельствамъ лично его касающимся“. Синодъ счелъ также нужнымъ, черезъ Оберъ-Прокурора, увѣдомить о сдѣланныхъ распоряженіяхъ Графа Бенкендорфа и просить послѣдняго „оказать свое содѣйствіе, чтобъ ожидаемыя отъ Барона Палена доказательства о приписываемыхъ гражданскимъ начальствомъ духовенству дѣйствіяхъ и самое прошеніе исправленное будто бы Священникомъ Фасановымъ доставлены были Преосвященному Иринарху безъ промедленія.“

Видя, что слѣдствіе всетаки оставлялось въ рукахъ послѣдняго и сосредоточивалось въ Ригѣ, гдѣ можно было выяснить каждый пунктъ обвиненій собранными на мѣстѣ справками и очными ставками съ обвинителями, Графъ

*) Выборъ палъ на Д. С. С. Войцеховича.

Бенкендорфъ, именно этого и опасавшійся, прибѣгнулъ къ крайнему средству. Онъ самъ поѣхалъ въ Ригу,*) перешептался тамъ съ своими друзьями и 5 Октября состоялось Высочайшее повелѣніе: викарію псковской епархіи Епископу Рижскому Иринарху немедленно отправиться въ Псковъ и оставаться тамъ въ распоряженіи Епархіальнаго Преосвященнаго впредь до дальнѣйшаго распоряженія.**) Не трудно угадать кѣмъ подготовленъ былъ этотъ ударъ, но неизвѣстно какія именно обстоятельства были доложены Государю для оправданія этой мѣры. Вѣроятно его убѣдили въ необходимости пожертвовать Православнымъ Епископомъ для предупрежденія будто бы неминуемаго бунта и для такъ называемаго умиротворенія края. Это одинъ изъ образчиковъ административныхъ пріемовъ такъ охотно примѣняемыхъ къ Россіи и къ Русскимъ людямъ тою самою партіею, которая такъ горько сѣтуетъ и такъ благородно негодуетъ въ иностранныхъ газетахъ когда экстралегальныя мѣры такогоже рода постигаютъ какого нибудь суперъинтендента Вальтера или пробста Дебнера. На сей разъ, ей нуженъ былъ скандалъ, какъ свидѣтельство полнаго ея торжества, и она добилась скандала: во всякомъ другомъ случаѣ, правительство *вызвало* бы архіерея, котораго оно не захотѣло бы оставлять долѣе въ его епархіи, а тутъ, почему-то признано было нужнымъ непремѣнно *вывезти* Преосвященнаго Иринарха. Для этого, по распоряженію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Протасова, коман-

---

*) Не знаю по собственнымъ ли дѣламъ или по порученію отъ Государя и для какой цѣли.

**) Въ такомъ видѣ оно было сообщено Святѣйшему Синоду; но Графъ Протасовъ, въ подобныхъ случаяхъ, иногда смягчалъ выраженія Высочайшей воли. Здѣсь говорится о выѣздѣ, а не о вывозѣ, и почему, по чьей иниціативѣ, выѣздъ на практикѣ преобразился въ вывозъ, мнѣ неизвѣстно.

дированъ былъ въ Ригу В. В. Скрыпицынъ, принявшій это непріятное порученіе только по убѣдительному настоянію покойнаго митрополита Кіевскаго Филарета, въ то время находившагося въ Петербургѣ и хорошо знавшаго, что В. В. Скрыпицынъ, личнымъ своимъ обращеніемъ съ впавшимъ въ немилость епископомъ, усладитъ, насколько это было возможно, горечь его положенія. Видно, что въ выборѣ исполнителя графъ Бенкендорфъ не имѣлъ голоса.*)

Преосвященный Иринархъ, неизвѣстно за что поставленный на одну доску съ государственными преступниками, не обнаружилъ ни страха ни досады; онъ встрѣтилъ посланнаго за нимъ чиновника спокойно и холодно, не проронилъ ни одной жалобы и покорился съ достоинствомъ незаслуженной имъ участи. Баронъ Паленъ поступилъ въ этомъ случаѣ не какъ рыцарь, а какъ слѣпое орудіе мѣстнаго озлобленія; онъ сдѣлалъ все отъ него зависившее, чтобъ усугубить оскорбленіе наносимое въ глазахъ Нѣмецкаго общества представителю Православной церкви. Когда В. В. Скрыпицынъ, явившись сперва къ преосвященному Иринарху и условившись съ нимъ относительно времени выѣзда, потомъ представился генералъ-губернатору, баронъ Паленъ сказалъ ему, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его пріѣзда, чтобъ избавиться отъ епископа и прибавилъ, что подорожная будетъ изготовлена на имя Скрыпицына *съ будущимъ*. Баронъ Паленъ простеръ свою предупредительность до того, что предложилъ ему даже командировать къ нему жандармовъ для конвоированія. На все это В. В. Скрыпицынъ отвѣчалъ, что преосвященный Иринархъ вовсе не арестантъ, а желаетъ отправиться въ Псковъ, для свиданія съ тамошнимъ епи-

---

*) В. В. Скрыпицынъ, на пути изъ Петербурга въ Ригу, встрѣтилъ Графа Бенкендорфа ѣхавшаго обратно оттуда въ Петербургъ.

скопомъ, котораго онъ викарный, а потому не угодно ли будетъ выдать подорожную на имя преосвященнаго Иринарха; самъ же онъ, Скрыпицынъ, имѣетъ свою подорожную, по которой ѣдетъ въ Вильну, и въ жандармахъ нисколько не нуждается. Несмотря однако на это категорическое объясненіе, генералъ-губернаторъ, на другой день, всетаки прислалъ Скрыпицыну подорожную на его имя, *съ будущимъ* — видно, не легко было разстаться съ мыслью, что преосвященный Иринархъ не самъ выѣдетъ, а будетъ вывезенъ изъ Риги, какъ лакей посланнаго за нимъ чиновника. Но Скрыпицынъ возвратилъ подорожную, повторилъ объясненіе данное имъ наканунѣ и наконецъ таки добился того, что генералъ-губернаторъ уступилъ. Преосвященный Иринархъ выѣхалъ 12го Октября, въ 10 часовъ вечера, въ собственной каретѣ, а Скрыпицынъ, вслѣдъ за нимъ, въ своемъ экипажѣ. Графъ Бенкендорфъ захотѣлъ насладиться вполнѣ подготовленною имъ сценою и просилъ своего Рижскаго друга увѣдомить его обо всѣхъ подробностяхъ: какъ совершился выѣздъ епископа, въ какое время, и какое впечатлѣніе произвело это обстоятельство на жителей города и на весь край? —„Самое благопріятное (отвѣчалъ баронъ Паленъ): извѣстіе объ увольненіи епископа распространилось съ большою скоростью, и волненіе народа *вдруг* (!) уменьшилось.“

Преосвященнаго Иринарха провезли въ Псковъ черезъ Митаву, Шавель и Вилькоміръ. Маршрутъ этотъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ потому, какъ объяснялъ онъ, что на прямомъ, почтовомъ трактѣ, производилось близъ Кокенгузена, по поводу Нейбеверсгофскихъ безпорядковъ, *военное дѣйствіе*, какъ выражался баронъ Паленъ, подразумѣвая жестокія экзекуціи надъ беззащитными крестьянами, разбѣжавшимися при видѣ солдатъ и потомъ переловленными. Почти въ одно время съ преосвященнымъ Иринархомъ высланы были изъ Риги въ Петер-

бургъ, на сей разъ кажется не безъ провожатыхъ въ голубыхъ мундирахъ, священники Фасановъ и Заболоцкій, ближе другихъ стоявшіе къ своему епископу.*)

Матерьяловъ для обвиненія тѣмъ временемъ прибывало все болѣе и болѣе. Еще въ исходѣ Августа, Генералъ-Губернаторъ писалъ Графу Бенкендорфу, что нѣсколько крестьянъ *лично ему* показали, что Православное духовенство продолжало *втайнѣ* принимать ихъ (зачѣмъ же было запрещать принимать явно?) и уговаривать *перемѣнить вѣру* (здѣсь уже о переселеніи, объ отводѣ земли и тому подобномъ не говорилось ни полслова) а самъ Преосвященный будто бы сказалъ имъ: „чтобъ они впредь обращались къ Архіепископу Псковскому, но не приходили бы болѣе въ Ригу.“ Въ понятіяхъ Барона Палена, это тоже было преступленіе. Епископъ Рижскій не долженъ былъ осмѣливаться обращать изъявлявшихъ желаніе принять Православіе, и болѣе ничего, къ другому Епископу, котораго онъ былъ викарнымъ. Вотъ до чего, послѣ первой поблажки, возросли въ Ригѣ притязанія. Затѣмъ, самъ Графъ Бенкендорфъ представилъ Государю Императору записку, къ которой было прописано показаніе нѣкоего Мартина Мейера, волостнаго судьи, о томъ „будтобы на вопросъ его: должны ли крестьяне подавшіе черезъ него просьбу о присоединеніи къ Православію оставаться въ послушаніи у своего господина и работать на него, Преосвященный отвѣчалъ: я этого *не знаю*, а пошлю прошеніе Государю и дамъ знать просителямъ о рѣшеніи.“ Въ той же запискѣ заявлялось будто бы и послѣ Высочайшаго запрещенія принимать прошенія о переселеніи и присоединеніи, Преосвященный продолжалъ принимать такія просьбы, въ которыхъ переселеніе ставилось условіемъ обращенія въ Православіе, только не лично,

*) Извлечено изъ письма В. В. Скрыпицына.

а черезъ священника жившаго въ крѣпости. Почти одновременно поступила выписка изъ всеподданнѣйшаго рапорта флигель-адъютантовъ командированныхъ въ Лифляндію о прикосновенности духовенства къ волненіямъ крестьянъ.*) Князь Урусовъ и Бутурлинъ писали между прочимъ: „Касательно принятія въ народѣ Православной вѣры, имѣемъ счастіе представить воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшее объясненіе наше, основанное какъ на объявляемыхъ показаніяхъ самихъ крестьянъ при всемъ народѣ, такъ даже и нѣкоторыхъ весьма ясныхъ доказательствахъ (какихъ?), что исключая самаго ничтожнаго числа крестьянъ и малой части имѣнія Графа Шереметева**) весь народъ утверждаетъ,***) что принять Грекороссійской вѣры *никогда не желалъ*, объявляя между тѣмъ, что приходили крестьяне въ Ригу къ Православному духовенству съ прошеніями о переселеніи ихъ въ теплый край, но что будтобы духовенство, а нѣкоторымъ и самъ Епископъ объясняли различнымъ образомъ будущее улучшеніе ихъ быта; иные говорили: „что если перемѣните вѣру, то будете поселены въ Россіи“ другимъ толковали, что тѣмъ только будетъ отъ Императора счастье, кто запишется къ принятію Православной вѣры. При подобныхъ показаніяхъ, народъ прибавлялъ, что Православное духовенство приказывало всѣмъ приходившимъ къ нему крестьянамъ возвратиться домой, непре-

*) Содержаніе этого рапорта относительно другихъ предметовъ, какъ напримѣръ хозяйственнаго быта крестьянъ, мнѣ неизвѣстно и я даже не знаю былъ ли этотъ вопросъ затронутъ въ рапортѣ?

**) Стало быть, всетаки были и такіе крестьяне (хоть и немногіе) которые желали именно присоединенія къ Церкви и желали такъ твердо, что даже не скрывали этого въ виду собранной противъ нихъ военной силы, въ виду жандармовъ, козаковъ, экзекуцій и всякихъ истязаній уже испытанныхъ ими и грозившихъ имъ въ будущемъ.

***) При всей тогдашней обстановкѣ опроса крестьянъ и не зная ихъ языка, кажется было нѣсколько смѣло высказывать такое рѣшительное сужденіе о томъ что шевелилось у нихъ на душѣ.

мѣнно заниматься работами и ожидать весьма скорой перемѣны. Сіе послѣднее внушеніе такъ сильно направляло умы къ твердому упованію на скорую перемѣну крестьянскаго быта, что поселяне уже съ дерзостью провозглашаютъ рѣшительные ихъ виды вовсе *не быть подъ вліяніемъ помѣщиковъ;* *) къ тому еще вошло въ народное обыкновеніе общее выраженіе: „хотимъ быть подъ Государемъ“**) а тѣ которые желаютъ принять Православіе, прибавляютъ: какой Государь вѣры, такой и мы будемъ, можетъ быть тогда для насъ будетъ лучше.“ Послѣ всѣхъ весьма *сильныхъ* увѣреній и увѣщеваній***) въ томъ, что имъ *ни въ чемъ не будетъ никакой перемѣны*†), и чтобъ не мѣняли вѣры буде у нихъ при томъ существуетъ какое либо тайное условіе, они на то твердо отвѣчали намъ: *„ничего другаго не хотимъ какъ быть съ Государемъ одной вѣры и такъ будемъ совсѣмъ подъ нимъ.“* Весьма было замѣтно, что оныя слова имъ были наистрожайше внушены.††) Обращая вниманіе наше на изысканіе при-

*) Мы знаемъ что̀ значило въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ: *быть подъ вліяніемъ помѣщиковъ!* Въ сущности, вотъ что хотѣли сказать крестьяне: если ужъ мы слывемъ свободными и утратили вмѣстѣ съ правомъ на крестьянскую землю и право на пособія отъ помѣщиковъ, то мы желали бы, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно *быть*, а не только числиться лично свободными.

**) Тоже самое, на разные лады, повторялось во всей Россіи изъ конца въ конецъ, съ тѣхъ поръ какъ установилось крѣпостное право. Кто же у насъ научилъ этому крестьянъ?

***) Черезъ переводчиковъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ Лютеранскаго вѣроисповѣданія, Нѣмецкаго происхожденія и членовъ мѣстнаго дворянства, да еще въ присутствіи казаковъ и жандармовъ!!

†) Добросовѣстность Г. Г. флигель-адъютантовъ говорившихъ это также несомнѣнно какъ и совершенное ихъ непониманіе обстоятельствъ того края и того времени; но еслибъ они имѣли намѣреніе довести крестьянъ до отчаянія и погубить въ нихъ вѣру въ правительство, то нельзя бы было избрать лучшаго къ тому средства.

††) Итакъ, мы узнаемъ отъ Г. Г. флигель-адъютантовъ, вопервыхъ, что народъ, за очень рѣдкими исключеніями, рѣшительно не хотѣлъ *ничего знать о перемѣнѣ вѣры;* вслѣдъ затѣмъ, мы слышимъ отъ нихъ же, что народъ почти въ одинъ голосъ заявлялъ, *что онъ ничего другаго не хочетъ*

чины твердыхъ ожиданій крестьянъ; старались мы для дознанія настоящей истины, какъ можно болѣе склонять къ откровеннымъ разсказамъ тѣхъ крестьянъ, кои показывали на обѣщаніе имъ сдѣланное Православнымъ духовенствомъ о переселеніяхъ; но сія мѣра была тщетна. Крестьяне упорно повторяли тоже самое что и прежде объясняли. Доводя о семъ до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія, не предвидимъ мы возможности ручаться передъ лицемъ Вашего Величества за полный успѣхъ дѣйствій нашихъ (еще бы!) къ совершенному уничтоженію надежды крестьянъ на сдѣланныя имъ духовенствомъ обѣщанія; ибо мы лично должны были удостовѣриться (чѣмъ же именно?), что съ трудомъ могутъ быть оправданы дѣйствія Православнаго духовенства, которое, не взирая на существующее уже въ крестьянахъ чувство возмущенія*), дѣйствительно продолжало производить тайныя записыванія и принятія прошеній отъ приходящихъ толпами въ Ригу поселянъ, кои до сихъ поръ въ полномъ увѣреніи, что въ ихъ прошеніяхъ ни о чемъ другомъ не было упомянуто какъ о ихъ переселеніи и

какъ быть съ Государемъ одной вѣры. Въ первомъ случаѣ, искренность народнаго голоса не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія; Г. Г. флигель-адъютантамъ даже и на мысль не приходитъ, чтобъ крестьяне, послѣ сѣченій, бритья головъ, арестовъ, экзекуцій и всякаго рода истязаній употребленныхъ въ дѣло всѣми мѣстными властями, начиная отъ Генералъ-Губернатора и кончая послѣднимъ Ордингсъ-рихтеромъ, могли отрекаться со страху; во второмъ же случаѣ, какъ бы твердо крестьяне ни стояли на своемъ, имъ не даютъ вѣры потому де, что ихъ отзывы внушены имъ наистрожайше Архіереемъ и четырьмя священниками не выѣзжавшими изъ Риги, состоявшими подъ надзоромъ полиціи, и не имѣвшими въ своемъ распоряженіи ни розогъ, ни бритвъ, ни жандармовъ. Ясно, что въ донесеніи дѣйствительность подкрашивалась, притомъ крайне неискусно, подъ цвѣтъ предвзятой мысли.

*) Да откудаже взялось, чѣмъ было вызвано это такъ называемое чувство возмущенія? Вѣдь желаніе бросить свою родину и идти хоть на край свѣта обнаружилось задолго до встрѣчи крестьянъ съ Преосвященнымъ Иринархомъ. Значитъ были и другія причины волненія кромѣ записыванія и принятія прошеній.

чрезъ то утвердились они въ своемъ заблужденіи до такой степени, что въ послѣдствіи времени, *боясь полицейскаго надзора*, толпы пробирались къ Ригѣ лѣсами и мелкими дорогами; неподалеку отъ города находили они разнаго званія людей, кои за деньги провожали ихъ къ духовенству и дому Епископа.*) Долгомъ считаемъ не скрыть отъ Вашего Величества нашей мысли, что помянутое народное волненіе прекратится не иначе какъ при строгомъ себя, хотя на время, воздержаніи Православнаго духовенства не только отъ принятія прошеній какого бы содержанія онѣ ни были, но даже и стараніи удалить себя отъ весьма опасныхъ въ сіе время свиданій съ крестьянами сего края.**) Таковымъ способомъ могутъ быть въ скорости *уничтожены всѣ* до сего времени существующія *надежды* и обѣщанія и съ тѣмъ вмѣстѣ губернія освободится отъ всякаго рода вліянія злоумышленныхъ людей, можетъ быть уже пользующихся симъ безумнымъ положеніемъ народа, для доведенія его до всякихъ преступленій и безначалія.“***)

Таковъ былъ результатъ флигель-адъютантскаго осмотра тогдашней Лифляндіи. Понятно, что вывозъ

---

*) Этотъ выводъ похожъ на слѣдующій: Контрабанда такъ сильна, что даже учрежденіе таможенныхъ стражей останавливающихъ товары оказалось безсильнымъ для прекращенія этого промысла.

**) Какъ видно, прежде всего, объявлялась отъ имени Государя полная свобода предоставленная всѣмъ присоединяться по желанію къ Православной Церкви, а затѣмъ запрещалось Православному духовенству не только писать для крестьянъ прошенія о присоединеніи ихъ къ Церкви, но даже говорить съ ними объ этомъ, даже встрѣчаться съ ними, и запретъ мотивировался именно тѣмъ, что въ народѣ бродило стремленіе къ присоединенію. Этой логики народъ, по глупости своей, не въ состояніи былъ постигнуть.

***) Стало быть, корень всего зла: Православное духовенство и какіе то гипотетическіе злоумышленники. Не будь ихъ, народъ никакъ бы не догадался самъ, что онъ голодалъ, съ каждымъ годомъ бѣднѣлъ, что у него отбирали лучшія пашни созданныя его трудомъ, что повинности увеличивались несоразмѣрно съ средствами, наконецъ что съ дарованія свободы началось ухудшеніе его быта.

Преосвященнаго Иринарха въ Псковъ, а приближенныхъ его въ Петербургъ долженъ былъ измѣнить установленный Св. Синодомъ ходъ дѣла. Слѣдствіе раздвоилось. Съ Рижскихъ священниковъ пришлось отбирать объясненія въ Петербургѣ, а съ Преосвященнаго Иринарха (который по докладу Синода сдѣланному на основаніи предложенія Оберъ-Прокурора уволенъ былъ отъ должности) въ Псковѣ, черезъ посредство тамошняго Архіепископа. Послѣднему Святѣйшій Синодъ предписалъ также: „пастырски наблюдать, чтобы впредь не было подаваемо гражданскому начальству ни малѣйшаго повода къ новымъ жалобамъ на духовенство „а духовенству вмѣнить въ обязанность“ разъяснять желающимъ присоединенія, что для сего нужно знаніе правилъ вѣры, испытаніе въ нихъ и приготовленіе, и тѣмъ *отклонять оное* до благопріятнаго времени, когда послѣдуетъ на то разрѣшеніе“*) иначе и прямѣе: до того времени, когда на мѣстахъ успѣютъ отбить всякую охоту къ присоединенію.

Надобно сознаться, что исполнить всѣ эти требованія было довольно трудно; съ одной стороны: *разъяснять, испытывать, отклонять*, а съ другой *не видаться, не имѣть сношеній* и не *подавать ни малѣйшаго повода къ жалобамъ* гражданскому начальству, которое находило достаточный поводъ къ жалобѣ въ каждой встрѣчѣ священника съ Латышемъ. Не знаю: изъ состраданія ли къ Рижскому духовенству, отъ котораго требовалось невозможное, или по другой причинѣ, но Святѣйшій Синодъ вскорѣ самъ упростилъ свою инструкцію предписавъ просто на просто „чтобъ Священники не только не дозволяли себѣ какихъ либо внушеній крестьянамъ, но избѣгали бы рѣшительно и самаго сношенія съ ними *подъ какимъ бы то предлогомъ ни было.*“ Все это писалось и

*) Указы 18 Сентября и 6 Октября.

предписывалось подъ диктовку, безъ всякихъ возраженій и даже размышленій, къ ряду, одно за другимъ, въ какихъ нибудь два или три дня, чтобъ только отписаться и заявить покорность. Какъ Преосвященному Иринарху, такъ и четыремъ его подчиненнымъ (вызваннымъ изъ Риги въ Петербургъ) даны были запросные пункты по всѣмъ взведеннымъ на нихъ обвиненіямъ, прежнимъ и позднѣйшимъ. Матерьялы изъ которыхъ извлечены были эти пункты заключали въ себѣ: вопервыхъ, доносъ Спасскаго съ приложеніемъ черновой просьбы, будто бы поправленной священникомъ Фасановымъ. Какъ доносъ такъ и просьба писаны были рукою самаго доносителя, слѣдовательно содержали въ себѣ именно то, что̀ онъ хотѣлъ заявить и, въ этомъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ подлинность ихъ была несомнѣнна; о степени ихъ внутренней достовѣрности и правдивости все нужное сказано было выше. Во вторыхъ, были общія наблюденія, догадки и слухи, по самому существу дѣла ускользавшіе отъ строго юридическаго обслѣдованія. Въ третьихъ, было множество показаній отобранныхъ у крестьянъ поименно названныхъ; но ни одно изъ этихъ показаній не было представлено въ подлинникѣ и въ цѣлости, а сообщены были только выборки или извлеченія изъ нихъ прописанныя въ рапортахъ и отношеніяхъ Рижскихъ властей. Можно даже сказать, что показаній въ строгомъ смыслѣ подлинныхъ вовсе и не существовало, ибо опрашиваемые отвѣчали по Латышски и Эстски, а слова ихъ записывались Губернскимъ Правленіемъ и слѣдователями по Нѣмецки. Стало быть, прежде всего, надлежало бы удостовѣриться въ томъ: дѣйствительно ли записано было то, что̀ было говорено и все ли было сообщено, что было говорено; нужно бы было вызвать опрошенныхъ, прочесть имъ ихъ показанія, потребовать отъ нихъ подтвержденія ихъ словъ, и тогда, можетъ быть, обнаружились бы про-

пуски, неточности, недоразумѣнія, и, безъ всякаго сомнѣнія, оказалось бы, что многія показанія даны были подъ вліяніемъ естественнаго страха, наведеннаго усерднымъ сѣченіемъ и бритьемъ головъ. Никто однако объ этомъ и не подумалъ, да и трудно бы было вызывать къ слѣдствію цѣлыя партіи крестьянъ изъ Лифляндіи въ Псковъ и въ Петербургъ. Вотъ по этому то и приложено было стараніе перенести слѣдствіе куда нибудь подальше отъ Риги, разогнавъ оттуда всѣхъ обвиненныхъ въ разныя стороны.

Въ представленныхъ имъ отвѣтахъ, Преосвященный Иринархъ повторилъ еще разъ весь ходъ дѣла. Онъ доказалъ числами, что волненіе въ массѣ Лифляндскихъ крестьянъ, приписываемое неосторожнымъ или злонамѣреннымъ дѣйствіямъ епархіальнаго начальства и его подчиненныхъ, началось гораздо ранѣе первой ихъ встрѣчи съ ними и вызвано было, съ одной стороны, голодомъ и бѣдственнымъ положеніемъ крестьянъ въ хозяйственномъ отношеніи, съ другой, религіозною потребностью не находившею себѣ удовлетворенія въ Протестантствѣ, при тогдашнихъ болѣе чѣмъ холодныхъ отношеніяхъ между пасторами и ихъ прихожанами. Не отрицая, что въ понятіяхъ народа мірскія надежды сливались съ духовными потребностями, онъ выяснилъ до очевидности, что постепенному разъединенію этихъ разнородныхъ побужденій болѣе всего помѣшали неразумныя и строгія до жестокости мѣры гражданскаго начальства, которое, подвергая крестьянъ истязаніямъ за одно обнаруженіе желанія перейти въ Православіе, даже за посѣщеніе Архіерея и Священниковъ, тѣмъ самымъ поддерживало въ массахъ убѣжденіе будтобы съ перемѣною вѣры сопряжены были вещественныя выгоды и льготы на счетъ дворянства. Отъ общихъ обвиненій направленныхъ противъ всей системы его дѣйствій, Преосвященный Иринархъ переходилъ

къ частностямъ. Ему не трудно было отвѣтить на показаніе будто бы онъ оставлялъ приходившихъ къ нему крестьянъ въ недоумѣніи по вопросу о томъ: должны ли они по прежнему работать на помѣщиковъ и оказывать имъ послушаніе. Для этого ему стоило только сослаться на отношеніе къ нему Лифляндскаго Гражданскаго Губернатора, свидѣтельствовавшаго, со словъ крестьянъ, что Архіерей дѣлалъ имъ внушенія прямо противоположнаго свойства, убѣждая ихъ вернуться домой, приняться за прежнія занятія, исправно отбывать барщину и во всемъ повиноваться помѣщикамъ. Что такіе же совѣты давались крестьянамъ и Рижскими Священниками, засвидѣтельствовано было, также со словъ крестьянъ, Г. Г. флигель-адъютантами. Далѣе, Преосвященный Иринархъ рѣшительно заявлялъ, что по полученіи имъ перваго Высочайшаго повелѣнія воспрещавшаго ему принимать отъ крестьянъ такія просьбы, въ которыхъ, кромѣ желанія перейти въ Православіе, предъявлялись и другаго рода требованія или надежды, онъ не принялъ ни одной подобной просьбы, и противнаго никто доказать не могъ. Мало того, въ видахъ предосторожности, онъ запретилъ всѣмъ своимъ домашнимъ писать для крестьянъ *какія либо* просьбы и разрѣшилъ это только двумъ священникамъ, за которыхъ ручался — этотъ запретъ былъ подтвержденъ всѣми опрошенными его подчиненными. Относительно тайныхъ сношеній крестьянъ какъ съ нимъ, такъ и съ Рижскими Священниками, Преосвященный объяснялъ, что не онъ и не Священники избѣгали открытыхъ сношеній, а что вынуждены были прибѣгать къ скрытному образу дѣйствій собственно крестьяне, которыхъ мѣстная полиція хватала на улицахъ, тогда какъ никому еще не было запрещено имѣть сношенія съ Православнымъ духовенствомъ. Въ отвѣтъ на свидѣтельство Г. Г. флигель-адъютантовъ, будто бы прошенія содержавшія въ себѣ одно

заявленіе желанія перейти въ Православіе писались не со словъ крестьянъ, а съ намѣренною утайкою ихъ ходатайствъ о переселеніи или объ отводѣ имъ помѣщичьей земли (чѣмъ они будтобъ всегда обусловливали перемѣну вѣры), Преосвященный Иринархъ указывалъ, вопервыхъ, на многія представленныя имъ прошенія писанныя не на Русскомъ, а на мѣстныхъ языкахъ, своеручно подписанныя, слѣдовательно и прочтенныя крестьянами; во вторыхъ, онъ утверждалъ, что просьбы всегда принимались въ присутствіи свидѣтелей говорившихъ по Латышски и Эстски, черезъ посредство которыхъ податели прошеній предварительно опрашивались о ихъ намѣреніяхъ; наконецъ онъ замѣчалъ, что разнорѣчіе между писанными просьбами и позднѣйшими, словесными показаніями крестьянъ, объяснялось просто тѣмъ обращеніемъ съ ними, которому они подвергались со стороны своего начальства и наведеннымъ на нихъ страхомъ. Нельзя предполагать во всѣхъ способности выносить тяжелыя истязанія и не поддаваться искушенію избавиться отъ нихъ отреченіемъ отъ прежняго своего намѣренія. Доходили же и прежде слухи, что многіе таили свое желаніе принять Православіе, отлагая обнаруженіе его до той минуты когда къ нимъ явится Православный священникъ, да и можно ли быть увѣрену въ томъ, что мѣстныя власти, сгоняя народъ къ пріѣзду флигель-адъютантовъ, намѣренно не устраняли тѣхъ крестьянъ, которые не колебались въ своемъ стремленіи къ Церкви?...

Въ томъ же смыслѣ отвѣчали на заданные имъ вопросы три священника и келейникъ Преосвященнаго. Одинъ изъ нихъ, Заволоцкій, знавшій по Латышски, приводилъ между прочимъ разговоры свои съ крестьянами о перемѣнѣ вѣры. Они говорили ему, что всегда уважали Православную вѣру за ея древность и высоко цѣнили то обстоятельство, что всѣ требы въ Православной Церкви совершались самими Священнослужителями, чего не было

въ Лютеранскомъ обычаѣ; что строгость постовъ и другихъ церковныхъ правилъ ихъ не пугала, по давнишней привычкѣ ихъ къ трудамъ и лишеніямъ всякаго рода; *„что они готовы учиться Русскому языку, говоря: хоть бы мы сами всему и не выучились, но дѣти наши навѣрно узнаютъ все.* Мы будемъ ждать терпѣливо пока наши Православные Священники научатся говорить по нашему, намъ и это не въ диковинку, ибо новоопредѣляемые пасторы часто поступаютъ къ намъ не зная нашего языка и уже привыкаютъ къ нему при отправленіи должности.“ Приведя многіе факты свидѣтельствовавшіе о томъ, что Латыши и Эсты издавна и во многихъ мѣстахъ прибѣгали къ молитвамъ Православной Церкви, присутствовали на ея Богослуженіи и дѣлали приношенія въ Церкви, тотъ же Заволоцкій, между прочимъ, разсказывалъ, что одинъ изъ Г. Г. флигель-адъютантовъ, бывши въ Рижской Алексѣевской церкви въ праздничный день, видѣлъ въ ней нѣсколькихъ Латышей Лютеранъ, молившихся и покупавшихъ у церковнаго старосты свѣчи. На сдѣланный ему вопросъ, староста отвѣчалъ, что это бываетъ не рѣдко; но объ этомъ обстоятельствѣ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ Г. Г. Флигель-адъютантовъ почемуто не упоминалось. Всѣ опрошенные Священники единогласно заявили, что никто изъ нихъ не написалъ и не принялъ ни одной просьбы объ *условномъ* присоединеніи къ Церкви, а съ 10 Августа, когда Преосвященный запретилъ имъ писать и принимать какія либо просьбы отъ крестьянъ, строго держались его запрета. Къ этому Заволоцкій присовокупилъ, что въ послѣднее время къ нему приходили по одиночкѣ Латыши, которыхъ онъ вовсе не зналъ, до которыхъ не имѣлъ никакого дѣла, по несомнѣнному его уб жденію — люди къ нему подосланные. Одного изъ нихъ онъ даже назвалъ. Латышъ Когру Янъ, Дерптскаго уѣзда, двора Кюля, приходилъ къ нему два раза, добиваясь

личнаго свиданія, и на вопросъ: что̀ ему нужно? не придумалъ ничего лучшаго какъ сказать „что онъ желалъ отъ Священника узнать о фрахтѣ, или о пасажирахъ, которыхъ онъ какъ фурманщикъ ищетъ.“*) Другіе навязывали ему разные свои продукты, которыхъ онъ не покупалъ и которыхъ къ нему прежде никогда на домъ не носили.

Въ результатѣ, изслѣдованіе по всѣмъ сколько нибудь опредѣлительнымъ обвиненіямъ, сводилось на *да* и *нѣтъ*. Писалъ — не писалъ, подговаривалъ — не подговаривалъ. Все происходило съ глазу на глазъ; свидѣтелей не было, а непремѣнно кто нибудь да лгалъ. Оставалось одно средство дознать правду: поставить обвинителей и обвиненныхъ лицомъ къ лицу; но во всемъ этомъ дѣлѣ не было дано ни одной очной ставки. И это называлось формальнымъ слѣдствіемъ!

Выслушавъ все дѣло, Синодъ 27го Октября нашелъ, что Рижскій Преосвященный Иринархъ поступилъ неправильно и неосторожно принявъ прошенія о переселеніи и затѣмъ прошенія о присоединеніи къ Православной Церкви съ переселеніемъ; сверхъ того, никакъ не могутъ быть одобрены неумѣренныя выраженія, которыя употреблялъ Епископъ въ сношеніяхъ по этому случаю съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ. Но всѣ сіи дѣйствія Преосвященнаго Иринарха продолжались не долго и притомъ *до полученія имъ Высочайшаго повелѣнія и указа Святѣйшаго Синода отъ* 18*го Августа*,**) и въ дѣлѣ нѣтъ

---

*) Объ этомъ Латышѣ никто никакихъ справокъ не собиралъ. Это вѣдь не то что Мартынъ Мейеръ, который такъ усердно клеветалъ на Преосвященнаго Иринарха и о которомъ самъ Графъ Бенкендорфъ докладывалъ Государю Императору.

**) Мало того: всѣ сіи дѣйствія были въ виду Государя Императора до 30 Іюля; побужденія Преосвященнаго найдены были безукоризненными, а дѣйствія его только неосторожными, о чемъ онъ и былъ поставленъ въ извѣстность. Этимъ дѣло было закончено, безъ всякаго со стороны Синода

убѣжденія, чтобъ онѣ способствовали къ возбужденію крестьянъ, а какъ Преосвященный Иринархъ за дѣйствія свои подвергся уже Высочайшему замѣчанію и строгому выговору Святѣйшаго Синода,*) то за тѣмъ дѣло сіе въ отношеніи къ нему считать конченнымъ."

Итакъ, все слѣдовавшее за выговоромъ: оскорбленіе нанесенное Православному Архіерею вывозомъ его изъ Риги какъ опаснаго преступника, въ виду враждебной публики, удаленіе его отъ должности, опросъ его — все оказывалось напраслиной.**) Синодъ призналъ это своимъ приговоромъ и поспѣшилъ зачислить дѣло конченнымъ. Ни слова не было промолвлено объ удовлетвореніи оклеветаннаго, ни слова въ защиту правъ и достоинства Церкви, которой онъ былъ представителемъ! Правда, Синода объ этомъ не спрашивали; не было дано *приказанія* имѣть объ этомъ сужденіе по справедливости и по со-

---

участія. Съ тѣхъ поръ, упомянутыя дѣйствія не возобновлялись, и не за эти дѣйствія Преосвященный Иринархъ вывезенъ былъ изъ Риги и отданъ былъ подъ слѣдствіе.

*) Повторяю: Высочайшему замѣчанію Преосвященный Иринархъ подвергся за прежнія дѣйствія, вовсе не подлежавшія вторичному разсмотрѣнію; что же касается до строгаго выговора, то онъ сдѣланъ былъ также не за эти дѣйствія, и вообще не за какія либо несомнѣнно достовѣрныя дѣйствія, а на основаніи никѣмъ не изслѣдованныхъ и ни Преосвященному Иринарху, ни Святѣйшему Синоду въ то время даже не предъявленныхъ доносовъ и жалобъ Барона Палена. Въ то время, самъ Святѣйшій Синодъ не зналъ за что онъ дѣлалъ выговоръ, а теперь, разсмотрѣвъ эти доносы и жалобы, онъ нашелъ ихъ бездоказательными; слѣдовательно, если бы Святѣйшій Синодъ не ограничился въ этомъ случаѣ подборомъ оправданій къ совершившемуся факту, а захотѣлъ бы доискаться правды, то онъ долженъ бы былъ, по всей справедливости, снять этотъ выговоръ съ Преосвященнаго Иринарха.

**) Вотъ какъ отзывался объ этомъ дѣлѣ Графъ Протасовъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ поданномъ имъ 15 Дек. 1844 No. 173: дѣйствіе Православнаго духовенства по произведенному изслѣдованію явилось безукоризненнымъ, а было, какъ извѣстно, поводомъ къ явной на него клеветѣ и къ нелѣпымъ обвиненіямъ въ возмущеніи крестьянъ; оно принудило удалить изъ Риги Преосвященнаго Иринарха и нѣсколькихъ Священниковъ и послужило къ истязанію Латышей *въ пристрастномъ слѣдствіи*.

вѣсти, и Синодъ молчалъ. Можетъ быть онъ вздыхалъ, тихо, скромно, про себя, но этихъ сдержанныхъ вздоховъ никто не слыхалъ. О отцы, отцы! . . . .

Трехъ Рижскихъ Священниковъ и келейника вызванныхъ изъ Риги, которые обвинялись въ возбужденіи крестьянъ составленіемъ для нихъ прошеній, Синодъ какъ по обстоятельствамъ дѣла, такъ и по отвѣтамъ ихъ, призналъ *совершенно невинными*, но находя, *послѣ сего случая*, дальнѣйшее пребываніе и служеніе ихъ въ Ригѣ *неудобнымъ*, опредѣлилъ: троимъ дать мѣста въ Петербургѣ, а одному въ Петербургской губерніи (что и было исполнено); изъ прочихъ же Рижскихъ Священниковъ оказавшихся также *совершенно невинными*, тѣхъ кого признано будетъ нужнымъ, по дальнѣйшему усмотрѣнію Святѣйшаго Синода, помѣстить въ Псковскую Эпархію, опредѣливъ на прежнія ихъ мѣста людей благонадежныхъ по образованію и нравственности и обезпечивъ, въ случаѣ надобности, ихъ содержаніе приличнымъ образомъ.“*)

На этомъ основаніи, по докладу Псковскаго Архіепископа, переведено было изъ Риги еще нѣсколько Православныхъ Священниковъ.

Въ исходѣ Октября, состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи Преосвященнаго Иринарха Епископомъ Острогожскимъ, викаріемъ Воронежской Эпархіи; оттуда, онъ былъ въ послѣдствіи переведенъ Епископомъ въ Подольскъ, а нынѣ проживаетъ на покоѣ въ одномъ изъ Рязанскихъ монастырей. Онъ былъ первою жертвою борьбы Православной Церкви съ Остзейскимъ Германизмомъ.

Теперь обратимся опять къ Лифляндіи. Устраненіе графа Строгонова отъ прямаго участія въ дѣлѣ перехода Латышей въ Православіе и изгнаніе Преосвящен-

*) Опредѣленіе 27 Октября.

наго Иринарха должны были естественно развязать руки мѣстному начальству, или, говоря точнѣе, мѣстному дворянству; но еще этого было мало. Хотя передъ этимъ самъ Государь Императоръ не разъ оставался недоволенъ дѣйствіями барона Палена и, повидимому, начиналъ сознавать, что онъ не въ силахъ былъ освободиться отъ строгой опеки, подъ которой держало его дворянство, однако, благодаря вѣроятному новому ходатайству графа Бенкендорфа, состоялся 13 Октября Высочайшій указъ, которымъ предоставлено было право генералъ-губернатору конфирмовать и приводить въ исполненіе приговоры, по которымъ и болѣе 10 человѣкъ присуждались къ тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ или къ ссылкѣ въ Сибирь. У меня хранится выборка изъ подлинныхъ дѣлъ того времени, сдѣланная нѣсколько лѣтъ спустя, изъ которой видно, что благодушный баронъ Паленъ воспользовался довольно широко даннымъ ему уполномочіемъ. Утвержденными имъ сентенціями военныхъ судовъ учрежденныхъ при Дерптскомъ и Рижскомъ ландгерихтахъ было приговорено: *крестьянъ* къ наказанію шпицрутенами 45 человѣкъ, къ наказанію розгами передъ фронтомъ 55 человѣкъ, дѣтскими розгами (по малолѣтству) 8 человѣкъ, итого 108 человѣкъ. Изъ нихъ, сверхъ тѣлеснаго наказанія, приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе 9 человѣкъ, къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности къ отсылкѣ въ Сибирь — 5; къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности въ арестантскія роты — 4; къ заключенію въ исправительномъ рабочемъ домѣ и къ отдачѣ въ кантонисты — 1; *отставныхъ нижнихъ чиновъ* приговорено: къ наказанію шпицтрутенами сквозь строй черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ — 1; черезъ 500 человѣкъ два раза — 1; черезъ 500 три раза и къ ссылкѣ въ Сибирь — 1; къ содержанію въ рабочемъ домѣ на одинъ годъ — 1; въ арестантскихъ ротахъ на тотъ же

срокъ — 1; итого оставныхъ и безсрочноотпускныхъ 5, а всѣхъ вообще 113 человѣкъ однихъ наказанныхъ по приговорамъ смѣшанныхъ военныхъ судовъ, не считая всѣхъ тѣхъ, съ которыми расправились безъ суда, полицейскимъ порядкомъ. Выходитъ, что Православный Латышъ въ своихъ Запискахъ ничего не преувеличилъ — баронъ Паленъ n'y allait pas de main morte.*)

Несмотря однако на дѣйствительность мѣръ принятыхъ для отрезвленія Латышей, Лифляндское дворянство не было еще вполнѣ удовлетворено и, съ безпойствомъ, поглядывало въ ту сторону куда отвезенъ былъ Преосвященный Иринархъ. Изгнаніе его изъ Риги не могло не произвести на крестьянъ глубокаго впечатлѣнія. Правда, они не принадлежали къ его паствѣ и еще никто изъ нихъ не былъ присоединенъ къ Православію; но его теплое къ нимъ участіе, характеръ ихъ сношеній съ нимъ, наконецъ строгіе запреты посѣщать его и наказанія, которымъ подвергались ослушники — все это основало между Латышами и впавшимъ въ немилость Архіереемъ таинственную связь и внушило имъ безпредѣльное къ нему

---

*) Нѣкоторые впрочемъ судятъ объ этомъ иначе и увѣряютъ будто бы распоряжавшійся военною командою полковникъ изъ Русскихъ устроилъ дѣло такъ, что солдаты только для вида махали палками, что рѣдкіе удары попадали въ прогоняемыхъ, да и тѣ не производили никакого дѣйствія (machtlos waren). Это свидѣтельство, приписываемое какому-то скрывшему свое имя Гернгутеру и помѣщенное Г. Ф. Боккомъ въ 6-мъ выпускѣ 11 тома его изданія (стр. 462) противорѣчитъ настолько свидѣтельству Православнаго Латыша (Окраины Россіи. II стр. 75, 76) но и живому преданію, которое я еще засталъ въ 1845 году, и, наконецъ, сколько мнѣ извѣстно, военной практикѣ. По заграничные Остзейскіе публицисты въ числѣ другихъ повинокъ, подчующіе Нѣмецкую публику подробными разсказами о неистовствахъ Іоанна Грознаго и не упускающіе ни одного случая возбудить въ ней негодованіе къ карательнымъ пріемамъ Русскаго Правительства, совершенно иначе измѣряетъ силу ударовъ падающихъ на спины Латышей, когда это дѣлается для внушенія подобающей покорности Нѣмецкимъ властямъ. Тутъ и гоньба сквозь строй, какимъ то дивомъ, превращается чуть ли не въ пріятное щекотаніе поясницы.

довѣріе. Два крестьянина рѣшились пойти къ нему въ Псковъ за добрымъ совѣтомъ. Преосвященный Иринархъ объяснилъ имъ, что онъ не могъ ни въ чемъ быть имъ полезенъ, самъ скоро уѣзжаетъ изъ Пскова и „уже отправилъ по принадлежности бумаги касающіяся сего дѣла.“ Затѣмъ, онъ обратилъ ихъ къ мѣстному губернскому начальству, которое опросило ихъ о причинѣ поѣздки ихъ въ Псковъ. Они были съ мызы Вальгутъ и заявили, что не имѣя никакихъ средствъ къ существованію и не встрѣчая у себя ни въ комъ сочувствія, пошли за помощью къ единственному человѣку, который въ Ригѣ обнаруживалъ къ нимъ состраданіе. Крестьянъ отослали въ Ригу. Тамъ, генералъ-губернаторъ поручилъ предводителю дворянства лично изслѣдовать положеніе крестьянъ на мызѣ Вальгутъ и поспѣшилъ донести обо всемъ въ Петербургъ, какъ о новомъ доказательствѣ преступнаго и продолжавшагося участія удаленнаго епископа въ волненіяхъ крестьянъ. Таковъ былъ смыслъ подробныхъ коментаріевъ барона Палена на отвѣтъ Преосвященнаго Иринарха двумъ крестьянамъ и на отобранныя отъ нихъ показанія. Генералъ-губернаторъ жаловался и на Преосвященнаго Иринарха („ибо де отвѣтъ его могъ поддержать въ крестьянахъ надежду на достиженіе желаемаго переселенія чрезъ записку у Православнаго духовенства“) и на Псковское губернское правленіе, замѣчая очень логично, что еслибъ оно не опрашивало пришедшихъ изъ Лифляндіи крестьянъ, то они не имѣли бы и повода говорить о стѣсненномъ своемъ положеніи. Высѣчь ихъ въ Псковѣ, въ видѣ задатка, пожалуй было бы не дурно, а то опрашивать! — это ужъ выходило изъ рукъ вонъ. На сей разъ, дѣло попало однако не къ графу Бенкендорфу, а къ Министру внутреннихъ дѣлъ (К. А. Перовскому) который, въ докладѣ своемъ Государю Императору, высказалъ, что по его мнѣнію, генералъ-губернаторъ углублялся въ мелочи

и не хотѣлъ видѣть настоящей причины зла, что все Лифляндское простонародіе видимо тяготилось крайне стѣсненнымъ своимъ положеніемъ, и что хотя конечно нельзя было оставлять безъ строгаго преслѣдованія зачинщиковъ происходившихъ безпорядковъ, но съ другой стороны, не менѣе необходимо было теперь облегчить крестьянамъ способы продовольствія, *сдѣлавъ это неглаcнымъ для нихъ образомъ*, и поспѣшить, на предстоявшемъ ландтагѣ, принятіемъ хотя бы временныхъ мѣръ, которыя могли бы быть приведены въ исполненіе къ веснѣ. Этотъ докладъ былъ представленъ въ началѣ 1842 года. Государь Императоръ, совершенно согласясь съ Министромъ, нашелъ, что заключенія барона Палена *„даже смѣшны, что онъ вовсе не такъ дѣйствовалъ какъ бы слѣдовало“*, и присовокупилъ, *„что надобно будетъ вновь послать отъ графа Бенкендорфа, чтобъ его вразумить.“*

Здѣсь, разомъ, представляется столько противорѣчій, что поневолѣ приходится на минуту остановиться.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, убѣдившись въ необходимости (не ограничиваясь одними шпицрутенами) обеспечить какъ нибудь продовольствіе крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто опасаясь, чтобъ они не отнесли подготовляемой для нихъ помощи къ заботливости объ нихъ высшаго правительства, спѣшитъ присовокупить что нужно сдѣлать это негласнымъ для народа образомъ. Болѣе чѣмъ строгія репрессивныя мѣры мѣстныхъ начальствъ поддерживаются всѣмъ авторитетомъ власти и приводятся въ исполненіе войсками, по иниціативѣ или при прямомъ содѣйствіи лицъ самимъ Государемъ командированныхъ. Словомъ: дѣлается все возможное, чтобы народъ увидалъ и понялъ, что карательныя мѣры, не только одобряются высшимъ правительствомъ, но отъ него идутъ. А когда наконецъ обнаруживается, что крестьяне выведены изъ нормальнаго положенія такими обстоятельствами, противъ

которыхъ человѣческое благоразуміе и Латышское долготерпѣніе безсильны, когда высшее правительство, собственнымъ своимъ сознаніемъ, ставится въ необходимость помочь, оно стыдливо прячется отъ народа. Кого-жъ бы однако стали благодарить крестьяне за позднюю помощь и кому бы могли они приписать ее? Ужъ не заботливости-ли мѣстнаго начальства? Но въ то время не успѣли еще зажить рубцы на изсѣченныхъ крестьянскихъ спинахъ, ни отрости волоса на выбритыхъ затылкахъ, а впечатлѣнія и убѣжденія простаго народа обновляются еще медленнѣе. Да если-бъ даже и можно было разсчитывать въ этомъ случаѣ на невѣроятную забывчивость, съ какою цѣлью стало бы высшее правительство уклоняться отъ признательности крестьянъ и передавать ее всецѣло своимъ же агентамъ, только втораго разряда? Или, можетъ быть, въ Петербургѣ хотѣли, чтобы крестьяне приписали помощь сердоболію помѣщиковъ? Если таково было намѣреніе правительства, то можно только сказать, что великодушная цѣль его — погасить вражду и недовѣріе крестьянъ къ угнетавшему ихъ сословію, не могла быть достигнута этимъ придуманнымъ за дворянство благодѣяніемъ, когда на каждомъ шагу народъ видѣлъ и чувствовалъ доказательства совершенно инаго расположенія къ нему помѣщиковъ.

Не менѣе странны отношенія высшаго правительства къ Преосвященному Иринарху и къ барону Палену. Перваго можно было упрекнуть развѣ только въ неосторожности дѣйствій давно прекращенныхъ; но въ тоже время нельзя было не видѣть, и правительство дѣйствительно видѣло, что мѣстныя власти взваливали на него послѣдствія своихъ собственныхъ дѣйствій или своего бездѣйствія. Тѣмъ не менѣе, Преосвященный Иринархъ приносится въ жертву, какъ бы въ оправданіе падавшихъ на него и очевидно несправедливыхъ нареканій. Второй, то

есть баронъ Паленъ, съ самаго начала волненій, сознательно или безсознательно, скрывалъ отъ правительства дѣйствительное ихъ значеніе и главныя причины, которыми онѣ были вызваны; правда была наконецъ обнаружена не имъ, а вопреки его донесеніямъ, а онъ все-таки остается на мѣстѣ и даже получаетъ экстралегальныя уполномочія. Наконецъ, Государь Императоръ, убѣдившись въ односторонности его воззрѣній дошедшей до комизма, признаетъ нужнымъ вразумить его, и на кого же возлагается это деликатное порученіе? На графа Бенкендорфа, того самаго, который внушалъ, одобрялъ и отстаивалъ всѣ распоряженія вразумляемаго, на вожака той партіи, которой баронъ Паленъ служилъ покорнымъ орудіемъ, на человѣка, который, захватомъ въ свои руки дѣлъ по закону входившихъ въ вѣдомство Министра внутреннихъ дѣлъ хотѣлъ отнять у него возможность раскрывать передъ Государемъ ихъ истинную суть.

Когда приведенная Высочайшая резолюція сообщена была шефу жандармовъ, раздраженіе его вышло изъ всякихъ предѣловъ. Онъ оффиціально отвѣчалъ Министру внутреннихъ дѣлъ „что въ жандармскомъ вѣдомствѣ нѣтъ чиновниковъ, которые умѣли-бы вразумлять генералъ-губернаторовъ.“ А любопытно бы было знать: отыскались-ли бы въ немъ такіе чиновники, которые умѣли бы вывозить Православныхъ архіереевъ изъ ихъ епархій, если-бы графъ Бенкендорфъ осчастливленъ былъ предложеніемъ распорядиться въ этомъ дѣлѣ отъ себя? — Одумавшись, онъ правда смягчилъ въ послѣдствіи свой отзывъ и, скрѣпя сердце, принялъ мѣры для исполненія объявленной ему Высочайшей воли; но первоначальный отвѣтъ его доказываетъ какъ неравнодушно относились къ Рижскимъ дѣламъ правительственныя лица, смотрѣвшія на нихъ съ точки зрѣнія своихъ традиціонныхъ интересовъ.

Между тѣмъ, на мѣстахъ, все шло по прежнему. Крупныя экзекуціи были окончены, но войска долго еще оставались расквартированными въ Лифляндіи, для острастки, и баронъ Паленъ сложилъ съ помѣщиковъ обязанность доставлять имъ приварокъ. Онъ перенесъ ее исключительно на крестьянъ, такъ какъ они, своимъ буйствомъ, вызвали необходимость употребить военную силу, а дворяне были только приглашены *облегчать* по возможности тягость возложенную на крестьянъ и наблюдать, чтобъ войска ни въ чемъ не нуждались. Нельзя не сознаться, что послѣднее распоряженіе было вполнѣ разумно: раззоренные и голодные крестьяне конечно не смогли бы, безъ особеннаго участія дворянъ, обеспечить продовольствіе войскъ. Затѣмъ, приняты были мѣры, чтобъ вытравить малѣйшіе слѣды движенія и, по возможности, изолировать крестьянъ, въ видахъ огражденія ихъ отъ вредныхъ вліяній, въ особенности православно-русскаго. Генералъ-губернаторъ самъ объѣхалъ нѣкоторые уѣзды, дѣлалъ крестьянамъ приличныя внушенія, удалилъ изъ обществъ еще нѣсколькихъ высмотрѣнныхъ имъ или указанныхъ ему вотчинными конторами *зачинщиковъ* и вмѣнилъ въ строгую обязанность земской полиціи бдительно слѣдить за сношеніями Лифляндскихъ крестьянъ съ Эстляндіею и съ Псковскою губерніею черезъ Чудское озеро. Ничто не укрылось отъ заботливаго начальника. Онъ между прочимъ узналъ, къ крайнему своему прискорбію, что какіе-то Русскіе крестьяне удѣльнаго вѣдомства, торговавшіе щетиною, издавна ѣздили въ Лифляндію по своимъ дѣламъ. На нихъ указалъ ему г. фонъ-Поль, какъ на разглашателей ложныхъ слуховъ и опасныхъ пропагандистовъ, въ смыслѣ православно-русскомъ, и потому, для огражденія ввѣренной ему паствы отъ этой заразы, генералъ-губернаторъ вошелъ съ представленіемъ о воспрещеніи упомянутымъ торговцамъ

въѣзда въ Лифляндію. Это было благоразумно: положеніе *вольныхъ* Латышей дѣйствительно было таково, что разсказы крѣпостныхъ крестьянъ, даже весьма какъ извѣстно не зажиточныхъ Псковичей, могли въ Лифляндіи казаться соблазнительными и наводить на сравненія для бароновъ невыгодныя. Но по этому послѣднему своему ходатайству, генералъ-губернаторъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣлъ успѣха. Тутъ замѣшался въ дѣло интересъ ужъ не одной Россіи и не Православной только церкви, а самаго удѣльнаго вѣдомства, и потому встрѣтилось неожиданно сильное сопротивленіе.

А корешокъ все еще оставался въ землѣ; помыслы и надежды народа, по прежнему, обращались въ нашу сторону, къ Православной Церкви. Въ Августѣ 1842 года, два крестьянина изъ Венденскаго уѣзда пришли въ Ригу, къ новому, незадолго передъ тѣмъ назначенному на мѣсто Преосвященнаго Иринарха, викарному Епископу Филарету. Въ присутствіи Полицмейстера, они объявили, что желаютъ присоединиться къ Православной Церкви, не изъ какихъ либо разсчетовъ или корыстныхъ видовъ, а потому единственно, что *хотятъ быть одной вѣры съ Государемъ.* Тоже самое они повторили нѣсколько разъ на заданные имъ вопросы. Епископъ препроводилъ вопросы и отвѣты къ Генералъ-Губернатору, который пришелъ въ ужасъ, увидавъ въ этомъ начало новаго бунта и, безъ всякаго другаго. къ тому повода, предписалъ военному начальству быть въ готовности дѣйствовать по первому востребованію, а *для открытія виновныхъ по горячимъ* слѣдамъ, немедленно нарядилъ для дознанія на мѣстахъ Коммиссію изъ Ландмаршала Гагемейстера, Совѣтника Губернскаго Правленія Тизенгаузена и Приходскаго Судьи Беркгольца. Само собою разумѣется, что заявленіе Латышей само по себѣ не могло быть предметомъ судебнаго преслѣдованія; оно служило только по-

водомъ взвести на Православное духовенство новое обвиненіе, но при томъ порядкѣ производства слѣдствій какой существуетъ въ Лифляндіи, очень не трудно было создать уголовное дѣло изъ ничего.

Въ главныхъ чертахъ, слѣдователи построили такое обвиненіе: по наущенію единовѣрческаго священника Емельянова (который дѣйствовалъ конечно съ вѣдома и подъ руководствомъ Епископа) братья причетникъ Гаврило Сазоновъ и Рижскій мѣщанинъ ямщикъ Кирила Никитинъ (оба раскольники) ѣздили въ имѣніе Одзенъ, тайно внушали крестьянамъ, что если они перейдутъ въ Православіе, то земля на которой они сидятъ имъ отдана въ собственность, даромъ и безъ всякихъ повинностей, причемъ передали имъ даже по секрету какую то бумагу, будто бы Высочайшій указъ. Оставалось подобрать подходящія показанія; къ этому направлены были всѣ усилія слѣдователей; употреблены были всевозможныя средства, не исключая жестокаго истязанія лицъ привлеченныхъ къ опросу и самаго дерзкаго нарушенія коренныхъ правилъ уголовнаго дѣлопроизводства. Дѣло тянулось долго; оно сложилось изъ четырехъ слѣдовавшихъ одна за другою процедуръ. Прежде всего производила опросы упомянутая выше Коммиссія, но она, въ общемъ своемъ составѣ, не окончила дѣла, а передала его своему сочлену Приходскому Судьѣ Беркгольцу, который затѣмъ уже одинъ дѣлалъ дополнительные допросы и передопросы. Несмотря на то, что судя по инструкціи данной Коммиссіи Генералъ-Губернаторомъ отъ 6 Августа за No. 1618, ей поручалось не формальное слѣдствіе, а предварительное дознаніе; ни на то, что сама Коммиссія признавала необходимымъ произвести въ Ригѣ новые допросы и дать тамъ очныя ставки, слѣдовательно находила невозможнымъ окончить слѣдствіе на мѣстѣ, Гнъ Беркгольцъ, имѣя всѣ эти обстоятельства въ виду, 12 Августа опросилъ

многихъ изъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, въ тотъ же день постановилъ приговоръ о наказаніи десятерыхъ изъ нихъ, одного за то, что передавалъ ложный слухъ сообщенный ему какимъ то неизвѣстнымъ, другихъ за то, что они ходили въ Ригу объявить о своемъ желаніи перейти въ Православіе; третьихъ за то, что склоняли своихъ товарищей идти въ Ригу и давали деньги на дорогу. Черезъ 8 дней, 20 Августа, Г. Беркгольцъ привелъ свой приговоръ въ исполненіе; въ видѣ аванса, въ счетъ будущихъ наказаній, девяти крестьянамъ дано было сорокъ, а одному шестьдесятъ лозоновъ — въ числѣ первыхъ находился семидесятилѣтній старикъ. Послѣ этого, не далѣе какъ черезъ 9 дней, управлявшій губерніею Вице-Губернаторъ Кубе потребовалъ новаго дополнительнаго изслѣдованія, говоря точнѣе, продолженія того же не оконченнаго изслѣдованія которое возложено было на Ландрихтера Пандельштета, Орднунгсърихтера Гиршкейна и того же неизмѣннаго Беркгольца. Крестьянъ уже наказанныхъ послѣднимъ пришлось переспрашивать по нѣскольку разъ и тогда оказалось, что мѣра употребленная для внушенія имъ правдивости и смѣлости произвела свое дѣйствіе: нѣкоторые изъ нихъ дали такія показанія, какихъ прежняя Коммиссія не могла отъ нихъ добиться. Слѣдователямъ хотѣлось между прочимъ доказать, что какой то Русскій звалъ крестьянъ на тайное свиданіе съ причетникомъ Сазоновымъ и потомъ, по описанію его, заключить что этотъ неизвѣстный Русскій былъ никто иной какъ Кирилинъ. Въ такомъ смыслѣ лѣсной сторожъ Артемій, далъ показаніе о приходѣ къ нему въ избу Русскаго человѣка; по крайней мѣрѣ такъ было записано въ протоколѣ 12 Августа; на передопросѣ же, 21 Сентября, тотъ же сторожъ рѣшительно объявилъ, что онъ не говорилъ ничего подобнаго. За первымъ показаніемъ Артемія слѣдуетъ показаніе крестьянина Грозле, заявившаго,

что и онъ имѣлъ сношенія съ Русскимъ съ виду *похо-дившимъ на того, котораго только что описалъ Артемій;* слѣдовательно, Артемій и Грозле опрошены были вмѣстѣ, или второму было предварительно сообщено показаніе перваго. Въ числѣ примѣтъ одного изъ мнимыхъ агентовъ подговора, также Русскаго, нѣкоего Никиты Андреева, играла въ дѣлѣ важную роль его хромота — по этому признаку его легко было узнать, и дѣйствительно, одинъ изъ опрошенныхъ, не знавшій его по имени, корчмарь Беркъ, показалъ, при описаніи его, что онъ хромалъ; но изъ тогоже показанія видно, что видавшій его, одинъ только разъ встрѣтился на дорогѣ съ таинственнымъ человѣкомъ о которомъ его спрашивали и что этотъ человѣкъ въ то время не шелъ, а ѣхалъ. По заведенному порядку, вопросы предлагались и отвѣты давались словесно, на Латышскомъ языкѣ, записывались же тѣ и другіе, въ силу мѣстной привилегіи, по нѣмецки, часто не прочитывались опрошеннымъ, не предъявлялись имъ къ подписи, и много разъ случалось, что на передопросахъ, свидѣтели и обвиненные рѣшительно отвергали приписанныя имъ показанія. Оба слѣдствія производились безъ приглашенія депутатовъ. Подложнаго указа надѣлавшаго столько шума долго искали и таки отыскали; оказалось, что это была афишка какихъ то странствовавшихъ вольтижеровъ напечатанная въ Ригѣ, въ 1841 году, и которую крестьянинъ Якубѣ Гризле получилъ отъ своего племянника причетника Сазонова. Когда эта грозная улика предъявлена была обладавшему ею Латышу, онъ отвѣтилъ: „помилуйте! какой-это указъ; указы издаются на Русскомъ языкѣ!“

Изъ совокупности многихъ показаній, добытыхъ приведенными способами и содержавшихъ въ себѣ бездну разнорѣчій и явныхъ несообразностей, слѣдователи вывели виновность въ преднамѣренномъ распространеніи ложныхъ и опасныхъ слуховъ преимущественно Священника Доро-

ѳея Емельянова (который опрошенъ не былъ) и мнимыхъ его агентовъ Сазонова и Кирилы Никитина. Послѣдній (котораго опрашивали четыре раза и который явнымъ образомъ лгалъ и противорѣчилъ самому себѣ) подалъ оружіе къ обвиненію. Впрочемъ степень довѣрія, котораго онъ заслуживалъ, обнаруживалась между прочимъ изъ того, что на первыхъ двухъ допросахъ онъ показалъ, что умѣлъ писать и выдалъ собственноручную росписку, а при послѣднемъ, что онъ безграмотенъ и на роспискѣ поставилъ три креста. Причина этихъ разнорѣчій вскорѣ раскрылась. Между тѣмъ, до Петербурга, какъ кажется, дошелъ слухъ о томъ какимъ образомъ производилось это дѣло и состоялось Высочайшее повелѣніе преслѣдовать его черезъ особо командированнаго на этотъ предметъ Стат. Совѣтника Булдакова. Какъ только извѣстіе объ этой командировкѣ дошло до Риги, мѣстное начальство поспѣшило упомянутому выше Кирилѣ Никитину, главному обличителю и явно прикосновенному къ дѣлу, выдать паспортъ во всѣ города Имперіи. Еслибъ ему удалось заблаговременно скрыться, объ этомъ какъ кажется не стали бы жалѣть Лифляндскіе слѣдователи. На послѣднихъ передопросахъ, Сазоновъ, когда ему были предъявлены показанія отъ него отобранныя, объявилъ, что онъ за нихъ отвѣчать не можетъ, такъ какъ онѣ писаны на непонятномъ для него Нѣмецкомъ языкѣ, о чемъ онъ въ свое время увѣдомлялъ слѣдователей. Никитинъ объявилъ, что пока онъ содержался въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ какимъ то карманщикомъ (мелкимъ воромъ) послѣдній подговаривалъ его отступиться отъ первоначальныхъ своихъ показаній и дать другія, къ обвиненію священника Емельянова. Словомъ, обнаружилось много нечистыхъ продѣлокъ.

Графъ Протасовъ, которому сообщена была подробная выписка изъ всего дѣла, при извѣстной, крайней его

осторожности въ одобреніи, и особенно въ осужденіи отъ 12 Марта 1844 года доносилъ Государю: „въ текущемъ году Д. III. Совѣт. Перовскій сообщилъ мнѣ объ окончаніи изслѣдованія по коему оказалось, что обвиненіе священника Емельянова было *совершенно несправедливо*, что слѣдствіе по сему предмету мѣстнаго начальства было *пристрастно*, *сопровождалось даже истязаніемъ Латышей* приходившихъ къ Епископу, и что они являлись къ нему *безъ всякаго посторонняго внушенія, добровольно*, для объявленія желанія своего и другихъ 30ти Латышей принять Православіе и, при новомъ слѣдствіи, подтвердили и возобновили сіе желаніе. Касательно сихъ Латышей, по связи дѣла съ поступками *пристрастныхъ слѣдователей*, подвергшихъ ихъ *невинному истязанію*, вопросъ о присоединеніи ихъ долженъ быть рѣшенъ совокупно съ распоряженіями, какія Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ сдѣланы будутъ по гражданской части.“

Въ томъ же смыслѣ, но нѣсколько ранѣе чиновникъ особыхъ порученій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, А. Ѳ. Штакельбергъ, бывшій на мѣстѣ, въ Венденѣ, и строгой правдивости котораго никто изъ знавшихъ его конечно не оскорбитъ подозрѣніемъ*), писалъ оттуда оффиціально, что желавшихъ перейти въ Православіе оказалось гораздо больше чѣмъ сколько явилось ихъ въ Ригу и что всѣ были наказаны; но изъ донесенія нельзя высмотрѣть что̀ именно выставлено было какъ поводъ къ наказанію. Послѣ этихъ полицейскихъ вразумленій, Генералъ-Губернаторъ увѣдомилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ „что онъ всетаки приказалъ напомнить крестьянамъ Высочайшую волю объявленную имъ флигель-адъютантомъ Бутурлинымъ, а именно: что переходить въ Православіе

*) Заграничные Остзейскіе публицисты иначе не называютъ его какъ *ренегатомъ* и измѣнникомъ. Это лучшая рекомендація его политической честности.

никому не запрещается". Видно это вошло въ систему: прежде всего — розги изъявившимъ желаніе перейти, а затѣмъ — оглашеніе невозбранности перехода — таковъ былъ порядокъ принятой для вразумленія крестьянъ. Что скажетъ объ этомъ благодушный Женевскій пасторъ Эни читавшій публичныя лекціи объ угнетеніи Лютеранъ въ Лифляндіи?

Я остановилъ вниманіе читателей на описанномъ случаѣ какъ на поучительномъ образчикѣ Балтійской юстиціи, до которой мы не смѣемъ дотронуться; но въ исторіи Православной Церкви въ Лифляндіи, онъ прошелъ безслѣдно. Это было не начало новаго движенія, а скорѣе можно назвать его послѣднею, слабою судорогою первоначальнаго, насильственно задержаннаго. По всѣмъ тогдашнимъ признакамъ, можно было считать стремленіе Латышей въ Православіе, если не навсегда заглушеннымъ, то по крайней мѣрѣ надолго прерваннымъ Нейбеверсгофскою экзекуціею, и потому есть достаточное основаніе принять за конецъ перваго періода Октябрь мѣсяцъ 1841 года. Въ это время, баронъ Паленъ писалъ своему покровителю, шефу жандармовъ, что спокойствіе (какъ они оба его понимали) было возстановлено, а графъ Бенкендорфъ, рукоплескавшій издали подвигамъ своего земляка, отвѣчалъ ему въ частномъ письмѣ: „Dieu soit loué. Tout paraît terminé, pour le moment du moins." (Слава Богу! все кажется кончено, по крайней мѣрѣ на сей разъ).

И мы теперь, окончивъ первую часть своего разсказа, ничего лучшаго сдѣлать не можемъ для уясненія результатовъ пройденнаго времени, какъ постараться угадать чѣмъ въ особенности дорожила въ тогдашнемъ торжествѣ своемъ побѣдившая партія, и за что именно славилъ Всевышняго тогдашній архистратигъ жандармскаго воинства?

Главный поводъ къ славословію заключался конечно не въ матеріальной побѣдѣ одержанной надъ безоружными Латышами — въ этомъ никто не могъ сомнѣваться — даже не въ томъ, что ни одинъ Латышъ не выбылъ изъ Лютеранской паствы, а скорѣе въ томъ что удалось таки помѣшать высшему правительству и простому народу взаимно опознаться и, такъ сказать, всмотрѣться другъ другу въ глаза. Неразборчивый лепетъ пробудившейся въ темной массѣ потребности духовнаго оживленія, жалобный стонъ голодныхъ, баснословные разсказы о какой-то теплой землѣ будто бы кѣмъ то обѣщанной, ропотъ на помѣщиковъ, по утру наряжавшихъ крестьянъ на барщину, а къ вечеру являвшихся передъ ними во главѣ военной силы, все это слилось въ одинъ нестройный гулъ и было покрыто барабаннымъ боемъ и командными словами начальства распоряжавшагося экзекуціями.

Даже графъ Строгоновъ, который подъ конецъ все таки лучше чѣмъ въ началѣ высматривилъ правду и очень вѣрно указывалъ на *одну изъ причинъ* всеобщаго неудовольствія, не уяснилъ ни Государю, ни самому себѣ почему волненіе приняло ту, а не другую форму и почему Латыши, вырываясь изъ условій тогдашняго своего быта, избрали именно этотъ путь, то есть черезъ Православную церковь? Онъ самъ раздѣлялъ внутренно мнѣніе барона Палена, будтобы Православное духовенство только тѣмъ и пріобрѣло такое сильное вліяніе на народъ, что питало въ немъ несбыточныя надежды и пользовалось ими для склоненія его на свою сторону, какъ могла бы воспользоваться тѣмъ же сподручнымъ орудіемъ всякая другая пропаганда, даже вовсе не религіознаго, а хоть бы чисто политическаго свойства. По крайней мѣрѣ, по бумагамъ исходившимъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, замѣтно, что графу Строгонову, въ

диспутѣ его съ бароном Паленомъ о причинахъ волненій, становилось всегда какъ будто неловко когда рѣчь заходила о преосвященномъ Иринархѣ и о Православныхъ священникахъ. Онъ осуждалъ, правда въ возможно мягкихъ выраженіяхъ, неосторожность ихъ дѣйствій, старался умалить практическую важность сдѣланныхъ ими ошибокъ, и, бросая эту щекотливую тему, поспѣшно переходилъ къ другой сторонѣ дѣла. Очевидно, что проснувшаяся въ народѣ потребность духовнаго свойства, то что́ мы назвали въ началѣ религіозною струею въ Лифляндскихъ волненіяхъ, совершенно укрылась отъ высшаго правительства. Графъ Бенкендорфъ, и партія, во главѣ которой онъ стоялъ, не могли этому не радоваться.

Равномѣрно, остался совершенно неразгаданнымъ характеръ сопротивленія мѣстнымъ властямъ, кое-гдѣ оказаннаго крестьянами. Отличительныя его особенности сгладились подъ общимъ терминомъ бунта, которымъ его окрестили въ Ригѣ. Но вѣдь и бунты бываютъ различнаго свойства; иные можно назвать наступательными, другіе оборонительными, бываютъ бунты политическіе, соціальные, національные, бываютъ также бунты отъ недоразумѣній. Лифляндскій такъ называемый бунтъ 1841 года, за который виновные такъ дорого поплатились, имѣлъ также свои особенныя черты. Вопервыхъ, крестьяне ни разу ни на кого не нападали, а только отстаивали своихъ когда ихъ хватали; во вторыхъ, крестьяне не грабили. Помѣщичьи анбары оставались цѣлы и невредимы, въ то время какъ народъ волновался отъ голода, и вообще, во всемъ дѣлопроизводствѣ о бунтѣ, не встрѣчается ни одной жалобы на расхищеніе чужой собственности. Итакъ, крестьяне бунтовали не противъ помѣщиковъ *какъ собственниковъ*. Они, повидимому, оказывали сопротивленіе законной власти, но вопросъ въ томъ: могли ли они опознать *законную власть* въ той формѣ, въ кото-

рой она передъ ними являлась? Объявивъ крестьянамъ, что крѣпостное право отмѣнено и что они свободны, правительство сказало помѣщику: отнынѣ я признаю въ тебѣ какъ бы два лица; ты хозяинъ-землевладѣлецъ и, какъ таковой, ты не болѣе какъ частное лице, имѣющее свои особенные, личные интересы; ты сдаешь землю или обработываешь ее, заключаешь контракты, подряжаешь батраковъ и т. д. Эта частная твоя дѣятельность ставитъ тебя въ постоянныя сношенія и въ самое близкое соприкосновеніе съ свободными отнынѣ крестьянами проживающими въ твоемъ имѣніи; у нихъ и у тебя интересы, конечно не непримиримые между собою (сохрани Богъ!) но всетаки прямо противоположные; твой интересъ: сдать землю дорого, а работника нанять дешево; крестьянину на оборотъ, хотѣлось бы получить землю почти за даромъ, а за свою работу получить тройную цѣну. Это понятно — спорьте, торгуйтесь, договаривайтесь какъ знаете. Ты и они, вы стоите на почвѣ своего права, за свои частныя выгоды, а надъ вами безпристрастное правительство вооруженное закономъ, передъ которымъ всѣ равны. Затѣмъ, тебя же, какъ помѣщика-дворянина, я возвожу на степень своего агента; я передаю тебѣ надъ тѣми самыми крестьянами, которымъ ты сдаешь землю и которыхъ ты наряжаешь на работу, долю мнѣ принадлежащей правительственной власти; передаю не съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ты непремѣнно ею пользовался, а для того только, чтобъ ты имѣлъ право сю вооружиться когда найдешь это нужнымъ, или когда вздумаешь. Ты можешь даже ввѣрить ее другому, своему прикащику, конторщику, лакею, и тогда твой повѣренный также раздвоится на два лица: твоего служителя и моего агента. Словомъ, эта власть, какъ одна изъ принадлежностей твоей дворянской вотчины, есть частная твоя собственность; это палка, которую ты

можешь взять въ руки, передать другому, повѣсить на гвоздь и даже забросить; но когда она у тебя въ рукахъ, ты лице правительственное, и пока ты ею владѣешь, правительство во всеоружіи стоитъ за тобою и тебя поддерживаетъ. — Не мудрено было переложить все это на канцелярскій слогъ, разбить на параграфы и назвать закономъ — бумага все терпитъ; но на практикѣ, полицейская власть, какъ вотчинное право, должна была неизбѣжно сдѣлаться орудіемъ хозяйственныхъ интересовъ вотчинника, иными словами: крѣпостное право на личность должно было воскреснуть въ новой, при томъ гораздо худшей формѣ; потому худшей, что, возведя вотчинную контору на степень полицейской инстанціи, законъ придавалъ обычнымъ традиціямъ помѣщичьяго произвола характеръ правительственныхъ дѣйствій. Конечно, въ 1819 году, у насъ этого не предусматривали; но едвали и въ то время можно было серьезно предполагать, что простой народъ постигнетъ законодательный процессъ превращенія стараго своего знакомца, помѣщика или прикащика, въ вотчиннаго полицеймейстера. Да еслибъ даже Латыши и усвоили себѣ эту фикцію въ теоріи, они всетаки не могли бы признать ее за осуществившійся фактъ, потому именно, что на практикѣ, все шло по старому. Вотчинная контора утверждала или не утверждала мірскіе приговоры и выборы, выдавала паспорты, приказывала, ревизовала, хватала людей и наказывала; другой власти, въ иномъ образѣ, который бы не сливался съ образомъ помѣщика, крестьяне почти и не видѣли; вотчинное правленіе замѣняло для нихъ все. Правда, иногда, забѣгалъ къ нимъ кирхшпильсъ-рихтеръ и орднунгсъ-рихтеръ, того же помѣщичьяго типа, сосѣди, родственники и пріятели мѣстнаго вотчиннаго начальника, такіе же какъ и онъ вотчинные начальники въ своихъ имѣніяхъ,

въ добавокъ избранные помѣщиками и слѣдовательно ихъ агенты. — „Да гдѣ же наконецъ (спрашивалъ самъ себя народъ) власть настоящая, правительственная, въ подлинномъ смыслѣ слова, отрѣшенная отъ частныхъ интересовъ, всѣмъ одинаково близкая, ко всѣмъ одинаково благосклонная, власть какъ сила служащая закону и правдѣ, та власть, о которой мы имѣемъ такое высокое понятіе, которой мы должны и готовы повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть, словомъ власть Царя и Его, дѣйствительно *Его*, уполномоченныхъ?“ — Да вотъ они эти уполномоченные: генералъ-губернаторъ, флигель-адъютанты, наконецъ вотъ и Царская, несомнѣнно Царская сила, Русское войско..... И что же? Вокругъ генералъ-губернатора, рядомъ съ флигель-адъютантами, во главѣ пѣхоты, казаковъ и артиллеріи, все тѣже вотчинные начальники, тѣже депутаты дворянства, тѣже орднунгсъ-рихтеры, и всѣ за одно! — „Да это подлогъ, это обманъ, а не явленіе власти!“ — вотъ что смущало народъ. А между тѣмъ, возведя помѣщика, какъ помѣщика, то есть *потому только что онъ помѣщикъ*, на степень своего агента и удѣливъ ему часть своей власти, правительство, очевидно, не могло уже, въ случаѣ надобности, отказать ему въ употребленіи крайнихъ средствъ **своихъ для** возстановленія его, а слѣдовательно и своего собственнаго поколебленнаго авторитета. И вотъ разгадка того оригинальнаго явленія, въ которомъ, съ такою наивностью, сознавался баронъ Паленъ: „весь народъ потерялъ всякое довѣріе къ мѣстнымъ властямъ, считая ихъ за одно съ помѣщиками.“*)

*) По свидѣтельству одного Лифляндскаго сельскаго пастора, крестьяне, даже въ 1845 году, были еще твердо убѣждены въ томъ, что имъ точно гдѣ то было обѣщана земля въ 1841 году и что они несомнѣнно получили бы ее, еслибъ этому не помѣшали помѣщики двинувшіе противъ нихъ военную силу (Harless', Geschichtsbilder etc. etc. 44)

Это было неизбѣжное послѣдствіе порядка вещей существовавшаго въ Лифляндіи, и тоже явленіе неминуемо повторилось бы вездѣ гдѣ бы ни завелся подобный порядокъ. Народъ, повидимому, сопротивлялся правительственной власти, а въ сущности, такъ называемый бунтъ направленъ былъ противъ вотчинныхъ конторъ, какъ административно-полицейскихъ инстанцій, которыхъ крестьяне не могли и не хотѣли отождествлять съ своимъ представленіемъ о власти правительственной. Но этого, въ Петербургѣ не понялъ рѣшительно никто; иначе, конечно не позволили бы барону Палену отдавать войска въ распоряженіе депутатовъ дворянства, а за тѣмъ, когда приступлено было къ пересмотру законоположеній о крестьянахъ и когда правительство поставило Лифляндскому дворянству на видъ тѣ стороны ихъ быта, на которыя признано было нужнымъ обратить вниманіе для предупрежденія волненій въ будущемъ, не ограничились-бы указаніемъ на вопросы о землѣ и о повинностяхъ, а безъ сомнѣнія выдвинули бы на первый планъ вопросъ о вотчинной полиціи. Но онъ былъ преднамѣренно устраненъ. Какъ же было не благодарить Всевышняго!

Даже отъ покойнаго Государя, котораго слухъ былъ вообще такъ чутокъ для всѣхъ интересовъ власти, повидимому совершенно укрылась политическая сторона волненій 1841 года. На это есть доказательство. Спустя не болѣе пяти лѣтъ, въ Маѣ 1846 года, представленъ былъ на Высочайшее утвержденіе докладъ Комитета учрежденнаго въ Петербургѣ для устройства быта Лифляндскихъ крестьянъ, подъ предсѣдательствомъ графа Палена, съ участіемъ барона Палена, барона Мейндорфа, тайнаго совѣтника Гана и пяти депутатовъ отъ тамошняго дворянства. Комитетъ раздѣлилъ свои предположенія на двѣ категоріи: въ первую введены были существенныя основанія будущаго законоположенія, которыя, для ландтага призваннаго къ его разработкѣ,

должны были имѣть силу строго обязательныхъ правилъ; ко второй отнесены были мѣры по мнѣнію Комитета полезныя и нужныя, но изложенныя въ видѣ вопросовъ подлежавшихъ свободному обсужденію ландтага. Въ пунктѣ седьмомъ, между прочимъ, значилось: нельзя ли вовсе лишить владѣльцевъ права наказывать арендаторовъ (т. е. крестьянъ-хозяевъ) безъ суда (какъ было до 1819 года)? — Этотъ пунктъ, по усиленному настоянію графа П. Д. Киселева, принятъ былъ *единогласно* Комитетомъ состоявшимъ изъ девяти Остзейскихъ дворянъ и трехъ Русскихъ (графа Киселева, графа Перовскаго и т. с. Сенявина). Государь остался вполнѣ доволенъ трудами Комитета и написалъ на поднесенномъ ему докладѣ: „прекрасно, кромѣ одной статьи, по которой исполнить какъ мною помѣчено.“ Это былъ именно приведенный выше пунктъ 7-ой, противъ котораго Государь написалъ: „эту статью не допускаю, ибо помѣщики должны всегда оставаться *первою полицейскою властью* въ своихъ помѣстьяхъ, но опредѣлить точно: *за что* и въ какой мѣрѣ сіе право наказанія имъ и впредь предоставляемо быть можетъ.“ Иными словами: гибельное начало, подрывавшее въ самомъ корнѣ нравственный авторитетъ власти, начало заключавшее въ себѣ источникъ недавнихъ волненій и вынудившее правительство проливать кровь искренно преданнаго ему народа, было тщательно сбережено и перенесено цѣликомъ въ новое законоположеніе, а въ видѣ смягченія, заявлено было неисполнимое требованіе строгой регламентаціи его примѣненія. Даже ясный въ этого рода вопросахъ умъ покойнаго Государя помутился отъ напущеннаго изъ Риги тумана, если только въ приведенной резолюціи выразилось дѣйствительно его убѣжденіе, а не простое желаніе ублажить встревоженное дворянство.

Но если Лифляндскіе помѣщики и Петербургское

министерство Остзейскихъ дѣлъ находили для себя выгоднымъ поддерживать недоразумѣнія высшаго правительства относительно источника сомнѣній и подозрѣній бродившихъ въ простомъ народѣ, то, съ точки зрѣнія тѣхъ же интересовъ, было еще несравненно желательнѣе и важнѣе оставить крестьянъ въ такомъ же недоразумѣніи относительно воли высшаго правительства. Это также удалось и едвали не этимъ по преимуществу дорожила Нѣмецко-Лютеранская партія въ одержанной ею побѣдѣ. Несмотря на описанную выше сцену происходившую въ Рижскомъ Губернскомъ Правленіи, при торжественномъ объявленіи согнаннымъ Латышамъ невозбранности присоединенія къ господствующей Церкви, несмотря на позднѣйшее повтореніе тогоже объявленія по распоряженію барона Палена, народъ всетаки не узналъ и не понялъ, что право перехода изъ Лютеранства въ Православіе предоставлену каждому. Такъ какъ всякая попытка воспользоваться этимъ правомъ, какъ до объявленія его, такъ и по объявленіи, непремѣнно влекла за собою аресты, допросы и наказанія, то понятно, что для простыхъ людей было довольно мудрено рѣшить: чему надлежало больше вѣрить, словамъ или розгамъ? При этомъ, не надобно забывать, что помѣщики, пасторы, орднунгсъ- и кирхшпильсъ-рихтеры, при каждомъ удобномъ случаѣ, твердили крестьянамъ, чтобъ они не дерзали и помышлять о перемѣнѣ вѣры, что за помѣщиками и мѣстными чиновниками, стояли кавалерія и пѣхота, всегда готовыя нагрянуть по первому ихъ призыву, и наконецъ, что всякое слово произнесенное Православнымъ священникомъ для склоненія къ переходу крестьянъ обнаруживавшихъ расположеніе къ церкви, преслѣдовалось какъ преступное подстрекательство. Въ результатѣ оказалось, что карательныя мѣры, въ такомъ страшномъ излишествѣ употребленныя для вразумленія Латышей, не только не разсѣяли сомнѣній преднамѣренно

внесенныхъ въ ихъ умы, а напротивъ какъ будто засвидѣтельствовали, кровью пролитою по распоряженію власти, комментаріи мѣстныхъ ея агентовъ, которыми сопровождалось чтеніе и исполненіе военносудныхъ сентенцій.

Изъ всего имъ испытаннаго въ 1841 году, народъ вынесъ убѣжденіе, что благодаря происканъ помѣщиковъ, переходъ въ Царскую вѣру ему воспрещенъ. Кромѣ министерства Остзейскихъ дѣлъ, этого въ Петербургѣ никто конечно не подозрѣвалъ, никто бы въ то время этому и не повѣрилъ; да и теперь, тому, кто не видалъ въ глаза Латышей сороковыхъ годовъ, такое недоразумѣніе покажется невѣроятнымъ; а между тѣмъ — это фактъ, немного лѣтъ спустя, до очевидности обнаружившійся въ несказанномъ, радостномъ изумленіи Латышей, когда передъ ними, во очію, стали совершаться присоединенія. Но въ исходѣ 1841 года, никто не предусматривалъ, что движеніе въ Православіе возобновится, и потому можно было отъ души радоваться и благодарить Всевышняго, считая Латышей окончательно сбитыми съ толку относительно дозволеннаго и запрещеннаго.

Таковы были общіе результаты перваго, трагическаго періода исторіи Православія въ Лифляндіи.

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера и Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.

У издателя сей книги поступили въ продажу слѣдующія сочиненія того-же автора:

ОКРАИНЫ РОССІИ.

Серія первая:

РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

Изданіе Ю. САМАРИНА.

Выпускъ I и II: 2 Thlr.

ОТВѢТЪ

Г. Г. Ф. БОККУ и ШИРРЕНУ

по поводу

„ОКРАИНЪ РОССІИ“

Ю. САМАРИНА.

1 Thlr.

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

Томъ II.

(СОЧИНЕНІЯ БОГОСЛОВСКІЯ)

съ предисловіемъ **Ю. Самарина.**

2 Thlr. 20 Sgr.

РУССКІЙ АДМИНИСТРАТОРЪ

НОВѢЙШЕЙ ШКОЛЫ.

ЗАПИСКА ПСКОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА

Б. ОБУХОВА

и

ОТВѢТЪ НА НЕЕ

15 Sgr.

ЗАПИСКИ,

МНѢНІЯ И ПЕРЕПИСКА

АДМИРАЛА

А. С. ШИШКОВА.

Изданіе

Н. КИСЕЛЕВА и Ю. САМАРИНА.

ТОМЪ I и II.

6 Thlr. 20 Sgr.